

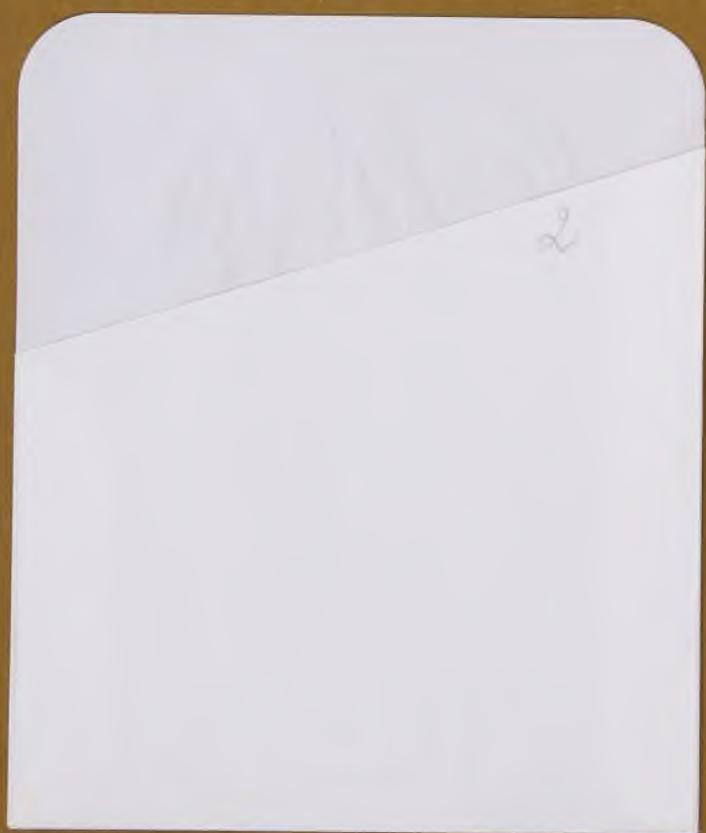
63.3/2Рос-6Хан)

К ПЧЧ

Выпуск 4

ПОДРОЖНИК

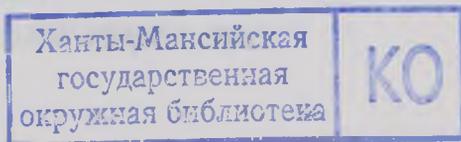
ПОДРОЖНИК

Краеведческий альманах
Выпуск 4

Редактор-составитель
Валерий Белобородов

- 079962-2

Мандр и К^а
Тюмень
2004

ББК 28.89 63.3 (2Рос-6Х2н)
П 44

П 44 ПОДОРОЖНИК: Краеведческий альманах. Вып. 4 / Ред.-сост. В.К. Белобородов. — Тюмень: Мандр и К^а, 2004. — 240 с. + ил. 8 с.

Этот выпуск «Подорожника» посвящен 410-летию г. Сургута. По этой причине и все материалы так или иначе соприкасаются с тематикой древнего города на Оби.

В книгу вошли новые архивные разыскания о прошлом города (этнографический очерк И. Русанова, датированный 1870 г.), о его жителях (М.С. Знаменском, без вести пропавшем в годы гражданской войны). Читатель сможет познакомиться с письмами директора Сургутской средней школы П.К. Животикова (1941—1945 гг.), рассказом известного коллекционера А. Федулова о своем семейном архиве...

Впервые материалы альманаха размещены по рубрикам, которые будут маркировать публикации и в последующих выпусках.

Книга адресована всем, кто интересуется историей родного края.

- © Белобородов В.К. (составление), 2004.
- © Дыба-младший В.В. (дизайн), 2004.
- © Мандр и К^а (оформление, издание), 2004.

ISBN 5-93020-295-8

Напутствие читателю

История древнего города Сургута имеет для современников еще много белых пятен. Трудно кого-то удивить тем, что мы не знаем о многих событиях четырехсот-, трехсотлетней давности. Да, над этим трудятся работники музеев и архива, историки из университета, археологи, пытаясь добавить какие-то новые штрихи в историю поселения на Оби, появившегося 410 лет назад.

Но тот пласт истории, о котором рассказывается в этом альманахе, совсем свежий с точки зрения Вечности. И, читая «Подорожник», понимаешь, как много еще нам предстоит вернуть событий и имен, потерянных в калейдоскопе сегодняшней жизни. Вернуть хотя бы в виде вот таких публикаций, к которым в любой момент может обратиться читатель.

Мы не очень-то бережно относимся к сегодняшнему дню. И порой забываем о людях, живших рядом с нами каких-то десять—двадцать лет назад, построивших наш город красивым, оставив после себя памятник эпохе многоэтажными домами, дорогами через вездесущее болото, мостами над бурными реками.

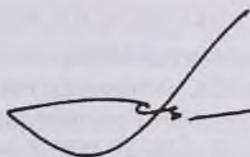
Составитель «Подорожника» возвращает имена некоторых из этих людей нашей памяти.

В жизни Валерию Константиновичу Белобородову многократно повезло. Учился он у Аркадия Степановича Знаменского, близкого родственника известных сибирских просветителей XIX в. Десятилетия спустя ученик расшифровал рукописи своего учителя и издал в приложении к журналу «Югра», который одно время редактировал, книгу «Летающие мысли». А чуть позже подготовил к печати сборник «Тропа жизни учителя Знаменского».

Но до издания первых книг остались позади сельская школа, где он учился в одном классе с Г. Райшевым, геолого-географический факультет Томского университета, бесчисленные журналистские дороги. И лишь затем сургутянин свернул на

тропу краеведения, помогая нашим землякам помнить о прошлом города, округа и их людях.

Сегодня заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа Валерий Константинович Белобородов автор и соавтор доброго десятка книг по истории края. В декабре нынешнего года ему исполнится шестьдесят восемь, но на его рабочем столе рукописи нового библиографического указателя и пятой книжки «Подорожника». И в нем так же есть материалы, посвященные родному городу, в котором он родился и вырос.

A stylized handwritten signature in black ink, consisting of a large loop on the left and a horizontal line extending to the right.

*А. Сидоров,
мэр г. Сургути*

К 410-летию Сургута

Вместо предисловия

Публикуемый документ представляет собой ценное свидетельство современника о положении населения Сургутского края в середине XIX века. Содержание его много шире, чем обозначено в заголовке: в неразрывной связи с бытом, укладом жизни, этнической психологией паходятся межнациональные отношения и сами экономические основы жизни, которые обстоятельно рассмотрены в работе, и в заключительной части автор подводит итог своего исследования и предлагает властям меры для улучшения положения инородцев Сургутского отделения Березовского округа Тобольской губернии.

В тексте обстоятельно выяснены причины, заставившие как окружную, так и губернскую власть серьезно озаботиться нищенским положением инородцев Тобольского Севера. Как увидит далее читатель, ее действиями руководили две задачи: с одной стороны, обеспечить благополучие инородческого населения и не допустить его гибели, с другой — защитить государственный интерес, который состоял в полноценном сборе ясака сибирскими мехами и уменьшении убытков от снабжения инородцев хлебом. Обе эти задачи не могли быть решены отдельно одна от другой.

О том, сколь нелегко было достичь этих целей, дают ясное представление документы тобольского архива, собранные в деле «Об улучшении быта инородцев Березовского края»¹. В разрешение остро вставшей проблемы было вовлечено большое число действующих лиц, причем не только чиновников, но и мещан, духовенства. Среди них был и автор «Этнографического очерка», чиновник Главного управления Западной Сибири надворный советник Илья Русанов, направленный в 1863 году в Сургутское отделение по просьбе тобольского губернатора А.И. Деспот-Зеновича генерал-губернатором Западной Сибири Дюгамлем. Рапорт Русанова, представленный по окончании обследования, также хранится в упомянутом деле.

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 40. Д. 148.

В июне 1870 г. работа И. Русанова поступила в Русское Географическое общество, в архиве которого и была отыскана в начале этого года издателем настоящего сборника Ю.Л. Мандрикой. Слава ему!

Этнографический очерк Сургутского отделения Березовского округа Тобольской губернии*

Сургутское отделение занимает одну из северных оконечностей Тобольской губернии, сопредельную с побережьями Ледовитого океана. Граничит на востоке с Енисейской губернией, на юго-востоке — с Нарымским отделением Томской губернии, на юге и юго-западе — с Тарским и Тобольским округами и Кондинским отделением Березовского края и на севере — с кочевьями бродячих самоедов Обдорского отделения. Сургутское отделение разделяется рекою Обью на две половины: северную и южную; на северной стороне, от Кондинского отделения до Енисейской губернии, обитают остяки волостей: Селиярской, Пимской, Аганской, Трем-Юганской, Салтыковской и Ваховской; на южной стороне, от границы Тобольского округа к Нарымскому краю, по левую сторону реки Оби, расположены волости: Салымская, Больше-Юганская, Подгородно-Юганская, Пирчинская, Лумпокольская и Мало-Юганская.

Сургутский край хотя и определен тригонометрической съемкою, но географические о нем карты небезошибочны, и о размерах и пространстве края можно заключать только приблизительно. Наибольшая длина его — от реки Васюгана на границе Нарымского края Томской губернии на западе до реки Казыма — до тысячи верст, и наибольшая широта — от верховьев реки

* Архив Русского географического общества. Р. 61. Оп. 1. Д. 27. 88 л.

Югана, берущей начало из болот Барабинской степи, до верховьев рек Агана и Пима — до семисот верст.

Сургутское отделение включает в себе более тридцати миллионов десятин с населением оседлых и кочевых остяков не более шести тысяч, рассеянных по краю небольшими улусами — от двух до пяти юрт — на расстоянии одних юрт до других от пятидесяти до ста верст. При всей обширности пространства Сургутский край весьма мало имеет мест, удобных для оседлого населения. Грунт земли торфяного свойства, лежащий на глинистой подпочве, отчего вода, не проникая, образует огромные тундры, или трясины, состоящие из растительных остатков, выдающихся в виде кочек, поросших лишайником и мхом, называемых по-остяцки «томаром», на котором весьма редко растет сучковатый и искривленный березняк и ельник.

Суровость климата определяет бедность здешней растительности, но, несмотря на краткость летнего периода, при продолжительности летних дней и сильном испарении растительность из земли быстро вызывается, в особенности крупноцветных трав: пырея, осоки и других луговых злаков и трав. Преобладающие деревья по урманам хвойные: сосна, ель, лиственница, разные породы пихты и сибирский кедр; по низменностям — ивняк, тал, береза, ольха, осина; последние по сорам и протокам мешаются с рябиною, шиповником, черемухой, смородиною и другими кустарниками.

К северу от 62 до 68°, по верховьям рек Агана, Трем-Югана и Ваха и далее к побережьям Ледовитого океана, лесная растительность постепенно становится мельче и дряблее, а по тундрам переходит в мелкий сосняк и ельник. Собственно вековых урманов в Сургутском крае осталось немного, и то только там, где реки и тундры преграждали путь лесным пожарам. По верховьям рек Ваха, Большого и Малого Юганов и Салыму идут большие урманы, но и они уже не раз видели лесные пожарища, и выгоревшие лесные площади всюду об этом свидетельствуют, отчего местами образовались большие прогалины с сухоподстойным лесом. Из плодовых кустарников местами попадает рябина, смородина, по тундрам — морошка, клюква и брусника. Из дикорастущих растений, употребляемых в хозяйстве остяков, произрастают конопля, крапива, хмель, из которых остяки сучат тетивы и прядут нитки для сетей.

Существенная невыгодная сторона здешней местности состоит в том, что увеличивает материальные потребности жизни: здесь можно жить только в домах, устроенных прочно, с одеждою теплою, и самой пищи для поддержания жизни требуется больше, между тем естественная производительность края очень бедна. В этих пределах, между 60 и 65° северной широты, не только хлеб не вызревает, но и огородная овощь родится только при особенном уходе, и потому и самому русскому населению приходится питаться рыбой. Русское население, занимаясь рыбным промыслом, не знает самых необходимых условий для крестьянского быта; несмотря на изобилие пастбищ, скотоводство незначительно, ремесел и технических производств не знают. Все существование быта русского населения ограничивается около промыслов инородцев. Остяк также исключительно живет теми только продуктами, которые доставляет ему сама природа, а из опыта известно, что только произведения человеческого труда, умножаемые по мере возможности, в состоянии обеспечивать довольство населения, тогда как все даровые произведения природы, истребляемые с возрастанием населения, не представляют достаточных способов для поддержания экономического быта населения.

Упраздненный город Сургут лежит на правом берегу Оби, под 61°16' северной широты и 90°40' восточной долготы. Сургут основан в 1593 году на месте владения остяцкого князька Бардака, жившего до покорения Сибири на возвышенном холму близ речки Бардаковки, близ Сургута. С 1782-го по 1804 год был окружным городом Тобольской губернии, а с 1804 года вошел в состав Березовского округа. В Сургуте в 1863 году считалось 236 домов с 1200 жителей обоего пола. В нем находится одна каменная церковь, почтовое отделение, казачья школа с 50 учениками. В Сургуте расположена сотня казаков Тобольского городского казачьего полка. По уважению дальности расстояния в Сургуте имеет жительство отдельный земский заседатель, на него возлагается попечение о хранении и выдаче инородцам казенного хлеба, сборе ясака, охранение торговли и смотрение за порядком в волостях Сургутского отделения. Кроме духовенства и чиновников, в Сургуте проживают некоторые купцы. Торговое сословие привлекается сюда выгодною торговлею с инородцами. Русские выселялись сюда со времени завоевания Сибири или переселяемы были сюда впослед-

ствии. Все жители Сургута занимаются торговлею с инородцами: набрав в долг муки и разных товаров для инородческого быта, отправляются в юрты к осякам — зимою на лошадях и оленях, а летом на лодках, выменивают у осяков пушных зверей, рыбу, кедровые орехи, птичье перо и сдают их приезжающим в Сургут торговцам, и потом вновь набирают товаров и такими прибытками продовольствуются круглый год. Земледелию в Сургуте отказывает сама природа, огородничество в Сургуте ограничивается у весьма немногих картофелем, капустой и репою; период роста продолжается не более двух месяцев — с 15 июня по 15 августа, и часто эти овощи не вызревают — лист капусты не завивается в кочни и остается зеленым. Главную статью скотоводства составляет рогатый скот и лошади, и незначительное число овец. При изобилии прилетной птицы не держат домашней птицы, кроме кур.

Сургутское отделение состоит из двенадцати инородческих волостей.

1. *Салымская* волость расположена по реке Салыму между волостями Селияровской и Подгородно-Юганской Сургутского отделения, Самарскою и Демьяновскою Тобольского округа, соприкасаясь на юге с Тарским округом Тобольской губернии. Инородцы Салымской волости, имея постоянные сношения с русским населением, довольно обрусели, большая часть из них умеет говорить по-русски, живут в избах довольно опрятно, носят крестьянскую одежду, имеют скотоводство; некоторые из них нанимаются к рыбопромышленникам, а другие занимаются поставкою дров на пароходы. Леса в этой волости заключают довольно пушных зверей: лисицы, белки и частию соболя. Река Салым изобилует рыболовными местами.

2. *Селияровская* волость вся расположена по бережьям реки Оби, по тракту из Самаровской волости в город Сургут, соприкасающаяся с волостями Салымскою и Пимскою. Остяки этой волости ведут жизнь оседлую, занимаясь отправлением земской гоньбы — летом на лодках, а зимою на лошадях — с денежным вознаграждением за это от других волостей Сургутского отделения, живущих в стороне от реки Оби; живут довольно опрятно, многие говорят по-русски. По реке Оби имеют хорошие рыболовные пески и довольно добывают рыбы на протоках Бостяминой и Марниной, но быт их вообще небогат; причину тому

то, что проживающие в центре этой волости крестьяне села Се-
лияровского и деревни Кунинской много стесняют их в угодь-
ях; для звериного же промысла мало вблизи хороших угодьев.
Всего остяков, платящих ясак, в этой волости 18 душ.

3. *Пимская* волость расположена по речкам Пиму и Контепу-
гольской, сопредельна Казымской волости Обдорского отделе-
ния, соприкасается с волостями Селияровской, Трем-Юганской
и Аганской Сургутского отделения. Население этой волости раз-
бросано в урманах, по две и по три юрты, на расстоянии одних
юрт до других от 25 до 50 верст. Жизнь ведут более кочевую:
летом для рыбной ловли по реке Пиму, а зимою для звериного
промысла отправляются к реке Казыму, верст за 700. Волость эта
в прежнее время отличалась хорошими уловами зверя: выдры,
бобров, горноста и лисиц, но ныне, за исключением белки и
лисицы, другого зверя почти не промышляют; рыбу достают
только для собственного продовольствия. Быт остяков этой во-
лости поддерживается оленеводством, которое здесь имеет хоро-
шие пастбища по тундрам. По своему положению большая часть
остяков этой волости, где летом нет возможности проехать по
тундрам, а зимою можно только пробираться на *лыжах*, мало
имеют сообщения с русским населением, не говорят по-русски и
отличаются дикостью, живут в земляных и деревянных юртах.

4. *Аганская* волость занимает пространство верст на двести
по реке Агану, граничит с волостями Пимскою, Подгородно-
Юганскою, Трем-Юганскою и Ваховскою. Сообщение с этой
волостью удобно только зимою. Угожья заключаются в боль-
ших урманах, в которых добывается значительное количество
белки и частью попадают выдры, соболи, лисицы, горно-
стай и медведь, и по временам дикий олень. Домашний олень
разведен у этих остяков в довольно количестве, рыболовство
незначительно. Промышленность имеют не только с русски-
ми, но и с самоедами, и вообще быт в довольно хорошем со-
стоянии как по опрятности жилищ, так и по одежде, что дол-
жно отнести к тому, что по редкому сообщению с русским на-
селением они почти не привержены к крепким напиткам, что в
особенности разоряет быт инородцев.

5. *Трем-Юганская* волость занимает пространство по реке
Оби и рекам: Трем-Югану, Колым-Югану, Сугут-Югану и Мо-

ховскому Югану и сопредельна волостям: Пимской, Аганской и Ваховской. промысел остяков этой волости поддерживается оленеводством; в прежнее время эта волость славилась уловами дикого оленя, песцов, горноста, по случаю выгорания лесов ныне промышляют только лисицу и белку; рыбный промысел незначителен, и большая часть остяков для рыболовства и для заработков выходят на реку Обь.

6. *Подгородно-Юганская* волость расположена по устью Большого Югана, реке Малоюганской и соприкасается с волостями Лумпокольской, Мало-Юганской, Больше-Юганской и Салымской. В прежнее время главная промышленность остяков этой волости заключалась в звероловстве, но ныне быт их зависит более от рыболовства.

7. *Мало-Юганская* волость расположена по левую сторону реки Оби, по реке Малому Югану, между волостями Больше-Юганской, Лумпокольской и Подгородно-Юганской. Угодья этой волости на юге соприкасаются с Тарским округом и заключаются в больших урманах. Главная промышленность остяков заключается в зверином промысле, рыбная же ловля незначительна.

8. *Больше-Юганская* волость расположена по реке Большому Югану, сопредельна с Тарским округом. В селе Больше-Юганском находится церковь, и проживают здесь сургутские крестьяне и мещане, дворов до 10. Главная промышленность остяков — звериный промысел, добываемый здесь соболь по пушности шерсти и цвету ости предпочитается другим соболям, ловимым в Березовском округе. Леса Большого и Малого Юганов в прежнее время славилась обильным промыслом лучших соболей, но после бывших пожаров по урманам промышленность соболя стала приходить в упадок. Рыбная ловля по реке Югану производится только для собственного продовольствия. От юрт Уготских вверх по реке Большому Югану у некоторых остяков разведено оленеводство, и быт вообще зажиточный.

9. *Лумпокольская* волость расположена по реке Оби на двести верст и соприкасается с волостями Мало-Юганской, Подгородно-Юганской и Ваховской. Большая часть остяков живет оседло по реке Оби. В селах Нижне-Лумпокольском, на левой стороне Оби, и Верхне-Лумпокольском, на правой стороне Оби,

находятся деревянные церкви, в которых русское население состоит из церковного причта и двух дворов крестьян в селе Нижне-Лумпокольском; в последнем было построено училище для остяцких детей, но ныне закрыто. По звериным промыслам Лумпокольская волость была одна из лучших, но ныне быт этих остяков зависит более от рыбного промысла. По случаю бывших наводнений и неулова рыбы остяки этой волости находятся в весьма бедном состоянии.

10. *Салтыковская* волость имеет расположение по реке Оби и часть по реке Ваху и находится в смежности с волостями Ваховскою и Лумпокольскою. Угодья этой волости состоят в урманах, где водится довольно зверя, и в рыболовных местах. Промышленность остяков по звериным промыслам довольно значительна. В селе Ларьятском, в 750 верстах по реке Ваху, находится церковь.

11. *Пирчинская* волость занимает пространство по течению реки Оби на 200 верст, а в окружности до 500 верст, между волостями: Салтыковскою, Ваховскою и Тогурским отделением Томской губернии. В этой волости заключаются большие урманы, в которых водятся лисицы, соболь, горноста́й и белка. Зверина́я ловля — главная промышленность здешних остяков, в урожайные годы добывают немало кедровых орехов. Рыбпромышленность по реке Оби также значительна. Домашняя обстановка остяков лучше других волостей, и заметно довольство быта, в особенности в Колымских и Пирчинских юртах.

12. *Ваховская* волость расположена по реке Ваху и от Лумпокольской вниз по течению реки Оби, соприкасаясь с Аганскою и Пирчинскою волостями. Эта волость в прежнее время отличалась хорошими уловами зверя, и добывалось значительное количество дикого оленя, но ныне эта волость одна из беднейших. Во время существовавших наводнений в 1859 и 1862 годах по неулову рыбы и зверя они лишились последнего оленеводства, и ныне разъезды делают на собаках. В особенности бедственно положение остяков по реке Колек-Ёгану.

Население остяков Сургутского края преимущественно расположено по реке Оби. Остяки, живущие по реке Оби, лето и зиму проводят почти на одних местах, и только временно некоторая часть из них уходит на звериный промысел в недалё-

нее расстояние в урманы и для ловли рыбы на ближайшие протоки и речки. Для зимнего времени в тальнике по побережью реки Оби имеют бревенчатые срубы, покрытые землею, и живут вместе от двух до десяти юрт на пространстве от двадцати до сорока верст. Обитающие по рекам Ваху, Агану, Трем-Югану, Пиму, Салыму, Большому и Малому Юганам ведут большею частью подвижную жизнь: со вскрытием рек оставляют свои зимние юрты, заменяя их берестяными, и кочуют по берегам рек, занимаясь ловлею рыбы, в сентябре с запасами рыбы возвращаются на зимние места, где оставляют семью, и мужчины отправляются за промыслом зверя в дальние *тайги*. Углубляясь в сторону от реки Оби, остяки одного рода от другого находятся на сотне и более верст, в непроходимых дебрях, где в зимнее время сообщение одних юрт с другими производится на лыжах. Для того чтобы побывать в Лариатских юртах, на реке Вахе, не иначе можно, как только посылать из села Нижне-Лумпокольского по реке Оби в село Лариатское, за четыреста верст, за оленями или идти все это пространство на лыжах, потому что остяки, обитающие по реке Ваху до селения Лариатского, не имеют у себя ни лошадей, ни оленей, домашние же собаки возят только в легких нартах от одного до двух пудов клади. С Салтыковскою и Ваховскою волостями лучшее сообщение летом по течению реки Ваха; с волостями Аганскою, Трем-Юганскою, Юганскою, Пимскою и Салымскою нет другого сообщения, как только по речкам, и то зимою, на нартах и лыжах, в летнее время тундры совершенно непроходимы, и даже зверь избегает этих мест, и только зимою дикий олень и лось забегают на тундры для пастбы. По своему положению большая часть Сургутского края при трудности сообщения лишена всякой общительности. Даже сообщение с остяками, обитающими по побережьям реки Оби, возможно зимою только на особо устроенных нартах, самый же тракт, если только можно назвать трактом узкую тропу, проложенную по талу, идет по протокам и оврагам безо всяких искусственных спусков. Подъезжая к оседлости остяков, затрудняемся даже сделать определение такому жилищу — это вроде шалашей, врытых наполовину в землю и забросанных сверху талом и землею; невесело становится на душе, когда

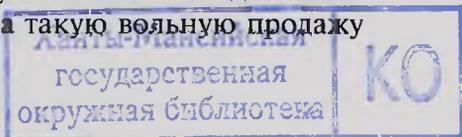
спускаешься в это курное обиталище остяка и взглянешь на его убогий быт, где промерзлая и вяленая рыба и кусок сырого теста составляют роскошь для семьи остяка.

По низменности положения прибрежьев реки Оби, где преимущественно группируется большая часть населения, случающиеся наводнения приводят жителей Сургутского края в бедственное положение, и это с 1854 года по 1863 год, за исключением 1855 года, в большей или меньшей мере, было ежегодным обычным несчастьем, и едва жители успевали выбиться из такого критического положения, как снова подвергались такому же бедствию. Наводнения в особенности бедственны были в 1859 и 1862 годах, когда вода с самой весны разливалась на огромное пространство при значительной возвышенности, стояла в разливе почти до осени. В это гибельное время скот у прибрежных жителей от бескормицы пропадал, рыба, разоидясь по *сорам*, почти не ловилась, и остяки претерпевали ужасную нужду в пропитании своих семейств. Этими наводнениями значительная часть домов по берегам реки Оби была разрушена и размыта, так что жители со всем своим имуществом и скотом принуждены были перебираться на возвышенности, а другие более и не возвращались на свою прежнюю оседлость и переселились на другие места; так, в деревне Тундриной на прежнем месте жительства остался только один дом, а прочие переселились в разные места. В это несчастное время как русские, так и инородцы оставшийся скот принуждены были кормить, разъезжая на лодках и срубая ивовые прутья, или так называемый тал; такой корм едва только поддерживал существование животного, в тех же местах, где скот отгонялся в урманы, много погибло от зверя. По сбытии воды луговые места до того размыло наводнением и занесло илом, что на время отняло у растительности производительную силу, и травы по случаю позднего времени имели самый незначительный рост. Снабжение края потребностями для жизни весьма затруднялось по недостатку и изнуренности скота, к тому же по недостатку запасов корма, и самый фураж нужно было везти из дальних мест на подводах, и потому дороговизна на все сделалась необыкновенная.

По непроизводству хлебопашества в Сургутском отделении все население края продовольствуется привозным хлебом, кото-

рый вместе с рыбою составляет единственную пищу как остяков, так и русских жителей. По отдаленности этого края от хлебородных местностей и неудобству сообщения в зимнее время хлеб постоянно держится на высокой цене, так что при самых лучших условиях урожая и подвозе хлеба цена бывает от семидесяти копеек до одного рубля за пуд, но с 1859 года дороговизна на хлеб, по малому улову рыбы, в особенности стала возрастать, и хлеб поднялся в цене до 1 руб. 20 коп. за пуд и более. Такая дороговизна на хлеб и вообще на все жизненные припасы при непроизводительности края — одна из главных причин бедственного положения сургутских жителей. Само начальство поставляется часто в затруднение и не находит возможности принять своевременно мер к подавлению дороговизны; частные же торговцы стараются только пользоваться случаем и временем, чтобы продать свой хлеб втридорога. Обеспечение в продовольствии жителей Сургутского участка, в особенности при неулове рыбы и зверя, составляет одну из важных забот правительства. Для этого в Сургутском крае для снабжения инородцев мукою учреждено девять казенных хлебных магазинов, из них шесть по реке Оби, два по р. Ваху и один по реке Югану. Магазины эти наполняются мукою с подрядов, но поставка хлеба в эти магазины обходится казне много дороже, нежели частному промышленнику в тех же местах, а при экстренной заготовке и весьма дорого, а потому казенные запасы хлеба не достигают вполне одной, главной, цели — умерения вольных цен. При всей выгодной заготовке казенного хлеба на 1863 год по 68½ коп. за пуд все-таки цена эта выше нормальной для Салымской волости от 15 до 20 коп. за пуд, Селияровской и Пирчинской — от 10 до 15 коп. за пуд; для остяков, живущих по реке Оби, волостей: Пимской, Трем-Юганской, Подгородно-Юганской и Лумпокольской, — от 5 до 10 коп. за пуд, и только по реке Ваху в охтеурьевском и лариатском и по реке Югану в уготском магазинах казенные цены хлеба стоят равные с частными. Вследствие высоких казенных цен на хлеб и частными лицами продается хлеб остякам не ниже казенных, тогда как в ближайшем к Сургутскому отделению селе Самаровском можно купить часто хлеб не дороже 40 коп. за пуд. Второе назначение магазинов: в случае неулова рыбы и зверя,

во избежание голода отпускать инородцам хлеб по сходным ценам, но и тут назначение их не всегда на деле оправдывается. В 1857 году продовольствие Сургутского края было обеспечено значительным подвозом хлеба частными промышленниками, и жители затруднялись только в прокормлении скота. В конце 1859 года и начале 1860 года, после огромного наводнения, цены на хлеб удвоились, и все население края было в самом тяжелом положении, но в особенности гибелен был вообще для здешнего края 1862 год, по случаю неулова рыбы и незначительного промысла зверя после наводнения: казенные запасы хлеба были истощены, и частными лицами мука продавалась от одного до двух рублей серебром, но и у частных торговцев запасов хлеба оказалось мало, и большая часть остяков, особенно волостей Салтыковской, Лумпокольской, Ваховской и Трем-Юганской, гибельно провели зиму, питаясь корою деревьев и всякою падалью, и от изнурения и болезней умирали, и многие из русских жителей в крае не только не ели, но по нескольку недель вовсе его не видали. Остяки, разоренные наводнением последних четырех лет, принуждены были в это время лишиться для прокормления себя и последнего скотоводства: оленей, лошадей и собак, и также более не могли уделять себе что-либо на одежду. Вследствие недостатка муки в некоторых магазинах мука перевозилась из одного магазина в другой и пошла в продажу с издержками на перевозку: в 1862 и 1863 годах по локозовскому магазину по 1 руб. за пуд, по вартовскому — по 1 руб. и 1 руб. 40³/₄ коп. и по лариатскому — по 1 руб. 20 коп. за пуд. Вся эта дороговизна пала на самых беднейших остяков в крае Лумпокольской и Ваховской волостей, и можно утвердительно сказать, что остяки эти состоят в неоплатном долгу за казенную муку. Таким образом, учреждение магазинов от недостаточной и несвоевременной заготовки муки, пороха и свинца, от неведения надлежащей отчетности по хлебным магазинам, от злоупотребления и беспорядков вахтеров при раздаче муки, пороха и свинца, от излишних сборов при взыскании недоимок и от обременительных разъездов вахтеров не достигает вполне своей благодетельной цели. Частных продавцов хлеба в Сургутском крае очень немного, но на продажу хлеба они всегда имеют высшие коммерческие расчеты, и на такую вольную продажу

правительству не должно рассчитывать, в противном случае такие цифры обеспечения края будут существовать только на бумаге. Затем случайно покупается хлеб сургутскими жителями с пароходов; из других иногородных торговцев хлебом редко кто бывает в Сургуте, и то с незначительным привозом. Местные же торговцы, зная отчетливо положение края, средства и промыслы остяков, берут при случае по 50% на рубль и нередко рубль на рубль. Они выпускают хлеб преимущественно в октябре, ноябре и декабре, когда предвидят хороший улов зверя; в другое же время, когда прекратятся звериные промысла, торговец или вовсе не отпустит, или отдает недешево, и тогда остяк идет к казенным магазинам, чтобы запастись в долг мукой, и, таким образом, на долю казны приходится одни только неоплатные долги, которых при пяти тысячах населения остяков накопилось 20000 рублей. В июне некоторые промышленники раздают также муку под улов рыбы или продовольствуют остяков в это время печеным хлебом, и следят за ними неотлучно во время улова рыбы, и получают рубль на рубль, и остяк остается у промышленника еще в долгу, и, таким образом, на долю самого остяка достается если и не неоплатный долг, то дармовой труд на промышленника. Остяк хотя мог бы брать в каждое время хлеб казенный, но тут промышленник часто привозит ему на место, и остяк здесь не имеет дело с вахтером, который поступает с ним при взыскании недоимки не всегда добросовестно.

Система одолжения инородцев, вкоренившаяся с давних времен и существующая по настоящее время, вместе с допущением вина в улусы инородцев много подействовала к упадку экономического быта остяков. С тех пор, как вино стало невозбраным предметом мены в торговле с остяками, все обстоятельства, благоприятствовавшие благосостоянию народному, переменились к худшему. Остяк до такой степени пристрастился к вину, что не имеет уже ничего заветного в своей юрте, что бы он не готов был отдать не только из пушного зверя, но и самых запасов рыбы для пропитания семейства. Растративши лучшие шкуры своего промысла, остяк поневоле вновь уходит в урман за новым промыслом зверя для уплаты ясака и долгов, и, естественно, самый зверь стал истребляться в огромном количестве. Пра-

вительство для обеспечения лучшего ясака должно было принять особые меры. Самая добыча по улову зверя и рыбы заоброчивается торговцами за долги, которые остяк платит более по привычке, нежели по необходимости. Таким образом, самый труд остяка запродаётся вперед, и, уходя в лес за промыслом, остяк никогда не выносит добычи собственно для себя, и все это по взносу ясака и уплате части долга за муку в казенный магазин поступает в уплату верителя торговца. Последствием системы одолжения бывает то, что долги эти, переходя в семейство остяка по наследству, постоянно увеличиваются от неправильного расчета торговцев, так что остяк в своей юрте ничего не может назвать своею собственностью, были примеры, что промышленники за долги снимали с остяков жалованные кафтаны. Расчеты торговцев тем более для остяков обременительны, что они бывают изустные. Поступающие в уплату шкуры расцениваются самими торговцами и часто удовлетворяют только одни проценты, капитальный же долг остается снова в прежнем положении, к этому часто прирастает долг за новый набор: хлеба, сукна, холста, соли и проч.; на следующий год тоже уплачиваются по счетам промышленника только проценты, а самый долг остается тот же и на предыдущий год. Между тем промышленник давно уже извлек свою пользу и получил вдвойне, потому что расценка торговцем товаров была несоразмерно высока, а оценка рухляди, поступившей за долги, очень низка. Промышленники привыкли смотреть на остяков как на рабочие для них машины, а между тем от промышленников постоянно слышатся рассказы о филантропии к остякам, о постоянной им помощи и ссуде, но на самом деле эта помощь торговца чисто эгоистическая, чтобы нажить рубль на рубль, и взыскивается за одолжение весьма не снисходительно. Надобно ближе присмотреться, чтобы убедиться в пустоте этой филантропии, которою прикрывается узкое и грубое своекорыстие промышленников, но при всем этом большая часть остяков до того привыкли считать богатых промышленников, по одолжениям, своими покровителями, что не могут себя представить, чтобы они могли существовать без посторонней помощи. Действительно, остяк без капитала, без самодеятельности каждый раз преследуется мыслью, чтобы не умереть с голоду без посторонней помощи.

Прибегая по нужде к торговцу для снабжения необходимым обиходом, остяк, попав в тиски к заимодавцу, тратит весь свой труд только на то, чтобы как-нибудь просуществовать, и заимодавец не выпускает его до тех пор, пока не выжмет от остяка последние промыслы. Конечно, остяк мог бы отказаться от займа, но при жалкой своей самостоятельности, не имея ни хороших снарядов для ловли рыбы, ни теплой одежды для ловли зверя, ни лишнего пропитания для семейства, он берет в долг все во что бы то ни стало или добивается работы у промышленника и принимает ее на самых тяжелых условиях. Нанимаясь в неводную работу к рыбопромышленнику, остяк получает в лето не более 10—12 рублей, и в счет уплаты промышленник поставит дырявую армячину и гнилые чарки, которые тут же, на промысле, и изнашиваются, и редкий за пятимесячную работу на промысле вынесет заработку пять рублей, но большею частью промышленник обещается уплатить за остяка деньги за казенную муку, но расчеты эти у купцов с вахтерами магазинов тянутся долго, и на остяке все-таки числятся казенные недоимки за хлеб, и вахтер не дает остяку более муки в долг; между тем подвергая себя на неводной работе, в особенности осенью, большим изнурениям, подвергаясь болезням за двести и четырехста верст от семейства, он нередко там и бросается на произвол судьбы; другой возвращается в семью, но, потеряв для улова себе рыбы летнее время, он терпит крайнюю нужду с семейством в зимнее время. Подобных недобросовестных сделок сургутских промышленников с остяками можно привести немало примеров, где всякое одолжение ставит остяка в самое бедственное положение, и труд остяка ценится ни во что. Также пароходы по р. Оби, вырубая из остяцких дач дрова без всякого вознаграждения, платят за труды остяку от 20 до 30 копеек с сажени дров, а при этом требуют, чтобы дрова были преимущественно березовые, которые за вырубкою по побережьям близко не всегда можно найти, сверх того, обязывают класть на усушку в каждую сажень лишнего по четверти в высоту и ширину. Остячки берут у промышленников пеньку для пряжи ниток для сетей, из пуда которой должно получиться тридцать фунтов пряжи, а для этого нужно употребить времени три месяца и получить вознаграждения холста на одну рубаху, или по

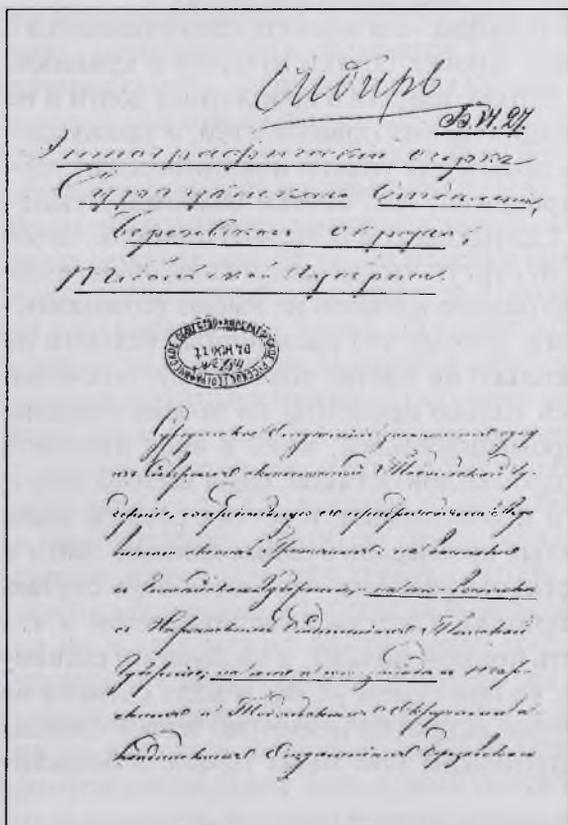
пятнадцать копеек с фунта, а при такой плате остяк не зарабатывает не только на одежду, но и на дневное пропитание. По неимению соли для засолов рыбы в дальних волостях от сургутского соляного магазина остяк по своей рыбопромышленности поставляется от торговца еще в большую зависимость по сдаче свежей рыбы и по необходимости отдает торговцу, что последний выдает, при этом промышленник принимает рыбу на меру, в противном случае остяк должен давать две за одну. Многие торговцы приезжают на рыболовные места для соления той рыбы, которую вылавливают сами остяки, и для этого устраивают на берегах сараи для складов рыбы и расплачиваются за это исключительно одним печеным хлебом, который они здесь и приготавливают, и остяки за весь свой труд только сыты, пока сдают рыбу промышленникам, по уходу же *каюков*, нагруженных рыбою, остяки идут за хлебом к казенному магазину.

По случаю бывших больших наводнений, соединявшихся с неуловом рыбы и зверя, многие остяки пришли в крайнюю бедность, обносились догола, взошли в неоплатные долги и не могли уплачивать лежащих на них повинностей, и принуждены были заимствовать деньги для уплаты повинностей от торгующих за большие проценты; так, остяки волостей Лумпокольской, Ваховской, Салтыковской и Трем-Юганской, позаимствовав в 1862 году от сургутских мещан и казаков на уплату повинностей, до настоящего времени не имеют возможности расплатиться с ними, потому что письменных условий на это не заключают, а сколько ни платят заимодавцу, по счетам торговцев оказываются только проценты на позаимствованный долг. Прежде промышленники, имея в виду получить хорошую прибыль от промыслов остяков, сами вызывались и снабжали остяков всем необходимым, и остяк с ранней зимы отправлялся для звериных промыслов в самые дальние тайги и урманы, когда же торговцы увидели, что остяки по случаю бывших наводнений пришли в бедственное положение и что они не могут приносить прямой пользы, в одолжении оставили, и если и наделяют, то при самом улове, и ждут остяков из урманов. Так что некоторые остяки по неимению теплой одежды оставляют звериные промыслы или ходят только в ближайшую тайгу.

При таком положении торговли и промыслов к сургутским инородцам остяк невольно приходит к апатии, потому что труд не может его манить к себе, так как остяк вовсе не пользуется его плодами. Лениость многие считают врожденным свойством остяков, но, кажется, легче объяснить долгим и неестественным состоянием остяков в отношении к труду. Торговля Сургутского края, соединенная с лихоимством, — зло, чрезвычайно опасное, оно порождает здесь страдальческий класс населения. Барышничество промышленников сталкивается здесь с народом, ничего не смыслящим в торговле и самых вещах, и может производить непомерную дороговизну, народная безопасность требует вмешательства правительства. Положим, что каждый торговец прежде всего обязан рассчитывать на свои выгоды, но при этом не следует забывать и тех, чрез кого торговец имеет ба-

рыш, а потому и должно стараться предупреждать возможные случиться бедствия.

Владение у остяков угодьями общинное, родовое, и каждый род, издревле заняв известные угодья, владеет приблизительным пространством прибрежьев рек и урманов, но определенных границ не только улусы, но и самые волости не имеют, и переход для промыслов из

Так выглядит первая страница рукописи, хранящейся в архиве РГО

одних угодий в другие свободный, за исключением только некоторых рыболовных песков на реке Оби и тех рыбных ловель и звериных промыслов, которые соприкасаются с самими юртами. Поселившиеся с давнего времени крестьяне и мещане сургутского общества в селениях Локосовском, Лумпокольском, Юганском и Лариатском и деревнях Пилюгинской, Тундринской, Кунинской и других, пользуются угодьями или обще с остяками за отправление натуральных повинностей, или отдельно по особым распоряжениям правительственных мест, или же на правах захвата. Сургутские остяки охотно делятся также промыслами в своих угодьях с инородцами других губерний; так, именно по вершине реки Ваха много уже лет кочуют между сургутскими остяками тазовские остяки Енисейской губернии и пользуются угодьями обще с ваховскими остяками. Нарымские остяки Томской губернии по реке Васюгану ежегодно переходят для звериных промыслов на реки Большой и Малый Юган и заходят в угодья сургутских остяков верст на двести и более, то же самое есть и в других волостях. Такие права остяки предоставляют казакам, крестьянам и другим промышленникам сургутским в своих угодьях для ловли зверя, рыбы и собирания кедровых орехов, и если довольствуются за это платою, то ничтожною: несколькими белками, пудом муки, а иногда и полушкою табаку. Но, несмотря на добровольную уступчивость остяков к сургутским жителям и лицам постороннего ведомства относительно пользования остяцкими угодьями, нередко произвол доходит до притеснений остяков. Сургутские казаки издревле занимают в окрестностях города Сургута луговые, пастбищные и частию пахотные земли и места для рыбных и звериных промыслов, и как сургутские казаки до настоящего времени не наделены надлежащим количеством угодий, то это дает им повод заявлять свое хозяйство всюду в дачах инородцев, так что каждый казак, заняв раз рыболовное или другое место, считает это со временем за наследственное личное достояние: они пользуются не только рыболовными и прочими угодьями в местах их обитания, но и распространяют это право произвольно на 10, 15 и 20 верст по реке Оби. Вырубают ежегодно на пароходы дрова на местах, принадле-

жащих инородцам. Пользуются рыболовными и звериными промыслами, принадлежащими инородцам, но на это никаких условий с остяками не заключают. Поселившиеся в разных местах Сургутского края казаки, крестьяне и мешане самопроизвольно пользуются угодьями инородцев в ущерб инородцам. Пароходные К° по реке Оби, по вырубке из дач инородцев леса, с давнего времени распространяют также вотчинные свои права с ущербом для остяков, и ныне по бережьям реки Оби березовые дрова редко где можно достать ближе двух и трех верст от берега реки Оби. Так, между Комаровскими и Ватинскими юртами пароходные К° в 1863 году произвольно построили дома и вырубали леса с платою остякам только от 15 до 20 коп. за сажень, и в счет этого отпускают муку остякам от 70 до 80 коп. за пуд. Так что при самом усиленном труде остяк не может заработать на насущный хлеб. Не довольствуясь этим, проходящие пароходы произвольно берут заготовленные по бережьям остяками дрова и посягают, таким образом, на последнюю собственность остяка. Подобные самоуправства по вырубке леса показывают невнимание земской полиции к интересам инородцев, и если бы пароходные К° обязаны были заключать условие с остяками на право вырубке дров и леса с вознаграждением за это остяков, то остяки имели бы довольно значительный экономический капитал для нужд народных.

Сургутский край обилен водами, бассейном которых служит Обь. Она входит в Сургутское отделение из Нарымского края Томской губернии, имея направление на северо-запад. Течет по Сургутскому отделению на пространстве шестисот верст, принимая в себя с правой стороны более значительные реки: Вах до 700 верст, Аган до 300 верст и Пим до 200 верст, с левой — Большой и Малый Юган до 500 верст, Салым до 200 верст и другие. Русло реки Оби и впадающих в нее рек во многих местах засорено валежником, осыпающимся во время разливов с крутых лесных берегов, что делает реку Обь в некоторых местах для ловли рыбы совершенно неудобною. Главный рыбный промысел по реке Оби составляет морская рыба: осетр, нельма, муксун и сырок, которые идут с моря по вскрытию льда рунами. По рыбному промыслу самое выгодное поло-

жение занимают те остьяки, которые живут ближе к устью реки Оби, в Кондинском отделении, по Сургутскому же отделению фарватер реки Оби мало имеет хороших рыболовных песков. Морская рыба идет вверх по реке Оби в последовательном порядке: так, по замечанию местных рыбопромышленников, сельди доходят только до реки Сосвы в Кондинском отделении, осетр и стерлядь идут обильно как по реке Иртышу, так и Оби. Нельма и муксун годами бывает больше по реке Иртышу, а в другое время — по реке Оби Сургутского отделения, но в особенности хорош улов этой рыбы бывает при слиянии Иртыша с Обью. На зимнее время осетр и стерлядь в известных местах на реке Оби залегают в глубоких омутах, или ямах, от трех до пяти сажен глубины, целыми рунами. Места эти отдаются в кортом рыбопромышленникам, ловля из этих ям бывает в декабре, вылавливая из них от тысячи до двух тысяч пудов. Воды реки Оби в зимнее время двыхаются, что называется замиранием реки, которое бывает сильнее к устью, чем к верховьям, и при этом неровно, в одних местах в январе и в других — в феврале. Рыба, все это время сдвываясь, гибнет в огромном количестве или бежит по руслу самой реки к живым ключам, или родникам, и речкам, где и бывает ее хороший улов, что, вероятно, происходит от выжимания ржавой воды из лесных речек и озер, которая подо льдом, не имея возможности освежиться воздухом, делает обскую воду бурю и мутною. Прибрежные жители Сургутского края с избытком добывают по реке Оби осетра, нельму, муксуна и стерляди, а также язя, щуки, налима, окуня, ельца и другой мелкой рыбы, то же можно сказать и о побочных реках, впадающих в Обь. Во время разлива реки, когда прибрежные озера и протоки затопляются, рыба, отыскивая себе тихие места для метания икры, остается в сорах и озерах, и остьяки в изобилии ловят в них язей, щук, окуней и другую мелкую рыбу, которую сушат, толкут и заготавливают для себя на зиму в виде муки, так называемую «порсу».

По вскрытии реки Оби в первых числах июня приходят из Тобольска в Сургутский край рыбопромышленные суда для ловли рыбы на закортомленных песках и привозят с собою хлеб, соль и разные товары, состоящие в холсте, сукне, сетях и

частью железных вещей, табаке и стеклярусе. Хозяева судов часть товаров раздают сургутским мещанам и казакам с тем, чтобы по окончании ловли рыбы к концу лета получить от мелких рыбопромышленников рыбу, клей, икру, птичье перо, кедровый орех; с остальным товаром отправляются на рыболовные пески, где сбывают остякам простое крестьянское сукно по четыре белки за аршин, а холст — по белке за аршин, табак — по две белки за фунт, но таковая цена на сукно, холст и табак существует только в ближайших местах к городу Сургуту, в дальних же волостях цены на товары стоят много выше этих.

С открытием лова рыбы сургутские мещане и казаки с приготовленным печеным хлебом и взятым у купцов товаром на инородческую руку отправляются на каюках, небольших лодках, вниз и вверх по реке Оби и впадающим в нее рекам: Ваху, Югану, Агану, Салыму и Пиму — в остяцкие юрты, где выменянную рыбу солят и по окончании лета сдают ее купцам; другие отправляют ее сами на больших лодках в Тобольск или с наступлением зимы в Ирбит. Кроме этого, осенью, в ноябре, сургутские промышленники набирают вновь у купцов товар и отправляются каждый в свою сторону к остякам, живущим как по реке Оби, так и по впадающим в нее речкам, и выменивают пушных зверей и рыбу, и возвращаются с выменянною рухлядью и рыбою в декабре; но самую важную статью во всех сделках русских с инородцами занимает водка, без которой не совершается почти ни одна мена. В феврале помянутые торгаши вновь отправляются для закупки рухляди и расплачиваются с купцами наменянною рухлядью.

По реке Оби хотя и много рыболовных песков, но не все они одинаково удобны для производства рыбного промысла. Хороший песок должен быть гладкий — без ям и бугроватостей, или так называемых заструг, — не засорен наносным лесом, он должен быть с правильным и быстрым течением воды. Все эти достоинства редко соединяются в одном песке; так, бывают пески с неправильным течением вод, когда течение от песка направляется к противоположному берегу, или, наоборот, с противоположного берега вода ударяет на песок;

это последнее обстоятельство — самое большое неудобство при промысле. Всех недостатков, которые ежегодно появляются на песках, очень много, но иногда исправляет их само течение реки, а случается, что и портит пески окончательно. Самое важное неудобство в песке, когда он бывает сильно засорен лесом, от которого трудно бывает освободить его. Для этой цели употребляется длинная веревка с навязанными посредине для тяжести несколькими камнями, которые и кидают на дно реки, самые же концы привязываются к двум лодкам, плывущим параллельно в недалеком расстоянии одна от другой; когда на пути веревка зацепит за корчу и нет возможности ее отворотить, то, натянув ее как можно туже, погружают по ее направлению другую толстую снасть с гирею и, оплыв вокруг задевы, наматывают снасть на положенный поперек лодки вал, когда этим задев взять нельзя, то по натянутому канату спускается один из рыболовных водолазов и, достигнув задевы, обвязывает ее снастью, противоположный же конец между тем навивается на ворот, и задев вытаскивается. Впрочем, есть такие задевы, которые не поддаются никаким усилиям, сколько по величине их и тяжести, столько и по глубине места, где они находятся, так что ни мастерство, ни терпение водолазов, действующих иногда на десятисаженной глубине, не помогают. Поэтому по Оби удобных песков для производства рыбного промысла немного. Относительно самого лова рыбы пески характеризуют по самому роду рыбы. По реке Оби рыба с моря идет периодически. Время начала лова рыбы от Самарова до Сургута — июнь месяц, потому что с этого времени появляется первая морская рыба сырок и часто нельма и осетр. Вся эта рыба идет постепенно вверх по Оби к Сургуту в июне и августе — нельма, сырок и стерлядь, в сентябре появляются муксун и осетр, первая известна у промышленников под названием летней и последняя — под названием осенней, а потому и самые пески, где она пристает и добывается, получают название летних и осенних; на других же песках добывается летняя и осенняя рыба. Когда качества песка удовлетворяют требования промышленника, песок покупается, и промышленник отправляется на него с необходимыми для постройки невода материалами и припасами для

продовольствия рабочих. По исправлении помещения на песках приступает промышленник к лову рыбы, и начинается постройка невода. Устройство невода поручается особому уставщику, или башлыку, но опытный хозяин не доверяет никому этого дела, а, зная положение и качество своих песков, сам непосредственно распоряжается ходом работ при промысле летней и осенней рыбы. Весною рыба держится в воде гораздо выше, а потому и невода устраиваются легче, чтобы не касались земли; осенняя же рыба идет чуть не по самой земле и притом по середине реки, оттого и невода для нее делаются тяжелее, так что нижняя тетива невода тащится по земле. Уравновешивание невода — самое затруднительное дело: несколько десятков лишнего *кибасу* (камней на нижней тетиве), излишек и недостаток поплавок, делаемых из осокоревого дерева, могут нарушить правильный ход невода и навредить самому лову рыбы. При дурном устройстве невода ни хорошее качество песка, ни благоприятная погода не помогут успеху промысла. Поэтому у рыбопромышленников, нанимающих уставщиков из крестьян, не вполне знающих рыболовное дело, сложилась поговорка: «где недосмотришь оком, там платишься боком». Невода разделяют на стрежевые, средние и малые. Из них большие называются стрежевыми потому, что ими при неводьбе захватывают самую средину реки, где наибольшая быстрина, и строятся от 350 до 450 ручных сажень; средние невода, употребляемые как на самой Оби, так и на ее притоках, бывают от 150 до 250 сажень; малые невода, по-остяцки *кебак*, величиною от 30 до 100 сажень, употребляются остяками по притокам, малым речкам и озерам и также в запорах. Самый лов производится следующим образом: невода складывают в неводники, так называемые большие лодки, и вывозят на замет — место, с которого закидывается невод, отсюда одни тащат конец его по берегу, а другие везут его по реке, постепенно выкидывая из неводника, где также нужны опытность и сноровка, а когда весь невод будет погружен в воду, начинают вытягивать его на берег, место это называется разбором. В то же время в другом неводнике готов уже другой невод, с которым также отправляются на замет. Разобрав рыбу и собрав вытасенный невод в неводник,

отправляются с ним снова на замет, а к разбору приходит другой невод; таким образом чередуются в течение суток два невода. По окончании суточной неводьбы оба невода развешиваются на берегу, а по просушке их чинят и исправляют и неводят уже другими, так что у больших рыбопромышленников в деле бывает четыре невода и две смены рабочих на каждом песке; в то время, когда одна партия работает, другая отдыхает. Пойманная рыба вносится в сарай и там распределяется приказчиками для засола, сушения и проч.; в тех местах, где находятся удобные озера, ценную рыбу — осетра, нельму, особенно к осени, пускают в озера и запоры и с наступлением морозов вылавливают и морозят. Добытую рыбу солят в больших чанах, вмещающих до тысячи и более штук, кроме муксуна, сырка и язя; к осени попадает много налима и щуки. Приготовление рыбы впрок производится у промышленников без должного умения, так что большая часть идет для употребления простого народа; то же должно сказать об икре; сушат рыбу тоже кое-как; одни только *поземы*, приготавливаемые из небольших муксунов и нельм, довольно вкусны. Что же касается приготовления балыков, разных родов лучшей икры, соленой рыбы для вывоза в другие пункты, как это делается в других больших приморских реках России, то для подобного сбыта, за исключением небольшого количества в Ирбитскую ярмарку, сибирские промышленники не имеют достаточного понятия. Мелочные рыболовы разъезжают с небольшими неводами по заливам рек, называемым *сорами* и *курьями*, а также по озерам и рекам. Остяки ловят рыбу сетями в виде мешка сажени в две, прикрепленного к шести с привязанным для тяжести камнем посередине. Этот снаряд называется *колыданом*, с которым остяк разъезжает по речке в маленькой лодке. Кроме этого способа, рыбопромышленники добывают рыбу загораживанием лесом и мережею устья соров и речек и после вылавливают запертую рыбу. Некоторые рыболовы с наступлением морозов делают в речках загороды в виде плетня из талу и хвороста, выходящие от берега в реку сажен на двадцать, оставляя в этом плетне несколько ворот для морд или вершей, другие вставляют в них сети, сделанные наподобие мешков. Самый большой лов рыбы

производится с половины июня, а при большой воде с июля, до половины августа. После этого времени с наступлением холодного времени промышленники спешат возвратиться в Тобольск, чтобы на пути не замерзнуть, но нередко корысть рыбопромышленника задерживает долее обыкновенного времени, и тогда случается, что каюки на пути замерзают, и перевозка рыбы делается сухопутно. Значительные же рыбопромышленники спешат дотянуть до зимы каюки пароходами. По уходе приезжих рыбопромышленников местные прибрежные жители и остяки продолжают добычу рыбы до окончательного замороза рек, потому что в осеннее время лов рыбы часто производится еще с большим успехом, нежели в обыкновенное время. Добытую осенью рыбу сберегают в так называемых садах — небольших озерах, и с наступлением заморозов отправляют в Ирбит или перепродают приезжим из Тобольска купцам. Икра осетра редко поступает в продажу и по незначительности ее у большей части промышленников предназначается для собственного потребления. Рыбная ловля нельзя сказать, чтобы постоянно доставляла выгоды занимающимся ею, потому что и она обусловлена многими случайностями: в один год промысел бывает обильнее, чем в другой. Большое разлитие воды, продолжающееся иногда до осени, когда рыба ходит на огромном водном пространстве, бывает причиною малого улова рыбы. Бури, случающиеся в то время, когда рыба идет целыми рунами, и промысел бывает незначителен. При самом сбыте рыбы благоприятными обстоятельствами считаются: умеренная цена на хлеб, повсеместно средний промысел рыбы и высокие цены на мясо. Свежая рыба, вынутая из садов в октябре для отправления в Тобольск, по случаю оттепелей иногда портится. По мере оскудения звериных промыслов в угодьях остяков, живущих по реке Оби, существование быта этих остяков преимущественно обуславливается рыбным промыслом и составляет главный предмет занятий, но лучшими рыболовными местами сами остяки не пользуются, а отдают в кортом за условную плату тобольским и сургутским промышленникам. Рыбный промысел для успешного занятия на больших рыболовных песках по реке Оби требует соединенных сил, средств иметь значи-

тельные невода и другие принадлежности для успешного рыболовного промысла, но, к сожалению, большая часть остяков, живущих по р. Оби, имея хорошие рыболовные пески, не имеют для этого ни сил, ни средств, и у редких есть сети в 30 и 40 сажен, а еще реже невода в сто и более сажен. При этом нельзя не сказать, что сургутский соляной магазин по отдаленности своей от волостей Лумпокольской, Ваховской, Салтыковской и Пирчинской за целые сотни верст не может обеспечивать остяков этих волостей солью, а потому при значительном улове остяки по сбыту рыбы поставляются в совершенную зависимость от промышленников, сдавая свежую рыбу по весьма низким ценам. По рыбному промыслу и снарядам, для ловли рыбы употребляемым, остяки Лумпокольской, Ваховской, Трем-Юганской, Подгородно-Юганской, к г. Сургуту имеют значительную разницу от остяков, живущих вверх по реке Оби, в Салтыковской и Пирчинской. У первых редко есть сети в 50 сажен, и ловят рыбу большею частью *колыданами*, тогда как у остяков вверх по реке Оби есть сети в 100 и более сажен, и, сверх сего, у этих остяков в большом употреблении для ловли рыбы сети *однотетивные* и *режевые*, всего этого нет у остяков вниз по реке Оби. От Верхне-Колымских юрт по реке Оби до границы Томской губернии у всех остяков сеть самого простого устройства — плавежные сети, и остяки Колымских, Пирчинских и других юрт вверх по реке Оби этими сетями каждый вылавливает весною по 1000 штук и более сырка и тем обеспечивает не только себя в продовольствии на целую зиму, но значительную часть рыбы продает; у остяков же вниз к Сургуту по реке Оби подобных сетей вовсе не заведено, и своими колыданами не добывают и по 100 штук сырка. Остяки Пирчинской и Салтыковской волостей независимо плавежных сетей имеют еще и морды, обыкновенные и особо для ловли нельмы, муксунов и другой крупной рыбы и добывают этим в зимнее время значительные уловы; у лумпокольских и других остяков вниз по реке Оби и этого нет, а имеют только мелкие морды для ловли язя, налима и окуня. Таким образом, остяки Салтыковской и Пирчинской волостей от села Лумпокольского до Нарымского края производят значительный разный

промысел, и в одних Верхне-Колымских юртах остяки продают до 10000 штук сырца и в то же время с успехом занимаются звериным промыслом, и быт их вообще достаточнее, чем живущих ниже к Сургуту в Лумпокольской и других волостях. В Сургутском участке отдается остяками в оброчное содержание до пятнадцати рыболовных песков, и лучшие из них с давнего времени находятся в аренде у одних и тех же лиц и переходят к ним по наследству; так, остяки юрт Карымских, Кочесовских, Комаровских, Ватинских, Лобановских, Ивашкиных других конкурентов по содержанию своих песков никогда не ведали, а потому и не знают ценности своих оброчных статей и довольствуются тем, что выдают им эти промышленники, и редко получают за них деньги, более же всего товаром. Содержатели статей, пользуясь этим удобным случаем, навязывают инородцам разные товары, даже не подходящие к их быту, ставят цену товару вдвое дороже его стоимости, от этого самого доход с оброчных статей мало приносит остякам пользы. На отдачу рыболовных песков редко с остяками заключаются контракты, но большею частью условия эти с остяками бывают изустными. За пользование песком рыбопромышленник обязывается доставить остякам, владельцам песка, известное количество сукна, холста, мережи, муки и соли, а иногда еще уплатить часть долга в казенный магазин за порох и свинец, другие же выговаривают еще у промышленников ловить рыбу на тех же местах небольшими сетями после прохода неводов. Полученное от содержателей песков сукно, холст, муку и прочее разделяют между соучастниками рыболовного песка, так делают остяки вверх по реке Оби от города Сургута, юрт Карымских, Кочесовских, Комаровских, Лямсиных, Лобановских, Урьевских, Ивашкиных, Ватинских и других. Отдавая в кортом рыболовные пески, остяки этих юрт сделались до того беспечны, что не имеют у себя порядочных снастей для рыболовства, а берут для этого у содержателей песков в уплату за пески старые изорванные невода после осенней неводьбы и, рассчитывая при этом на муку, доставляемую арендаторами за кортом песков, мало имеют зимних запасов рыбы и привыкают к тунеядству. Несмотря на то что у остяков по реке Оби волостей Трем-Юган-

ской, Лумпокольской, Подгородно-Юганской и Ваховской находятся во владении одни из лучших рыболовных песков в крае, быт их очень беден, самые юрты представляют жалкий вид, и всюду проявляется беспечность. В прежнее время промышленники обуславливали свои права на рыболовные пески раз навсегда, особых контрактов на это они вовсе не заключали, а если и составлялись, то помещалось в них все, что нужно было для вотчинного права, и остяки к арендатору делались как бы крепостными людьми. По этим условиям рыбопромышленник, снабжая остяков провизией, требовал от остяка, чтобы он: рыбные промыслы не смел сбывать никому другому помимо арендатора, и остяки посвящали ему весь свой труд, между тем от неправильных расчетов кредиторов долги на остяках умножались, и остяки навсегда оставались неоплатными должниками. Эта система откупа существовала до 1856 года, и местное начальство не могло не видеть, что рыбные угодья, принадлежащие инородцам с незапамятных времен, содержатся в аренде одними и теми же лицами, и от того самого обогащаются одни арендаторы, а инородцы с каждым годом приходят больше к разорению от обманов и стеснений рыбопромышленников.

В прежние отдаленные времена ясак взимался с каждого взрослого, промышлявшего луком, от одного до трех соболей, соболь в то время ценился от 50 до 70 коп. <...>. С течением времени по уменьшению дорогой рухляди ясак стал собираться, кроме соболя, бобрами, лисицами, голубыми песцами и горностаями. По завоевании Сибири ясак вносился неопределенно и часто зависел от местного управления, и только с введением переписи остяков в 1763 году и по введению окладных ясачных книг в 1767 году инородцы обложены были определенным зверем по волостям. Впоследствии времени с исчезновением некоторых пород зверя распределение ясака по ясачным книгам 1767 года сделалось обременительным для остяков. По этому случаю 13 декабря 1827 года назначена была в Сибирь особая комиссия, обязанностию которой было вновь определить ясачную подать с инородцев [соответственной волости]. На этом основании одна волость обязана была вносить ясак определенным родом зверя, раз навсегда оцененным, а другие — зверем и

деньгами, с дозволением оседлым инородцам уплачивать частные повинности, а равно закупаемый в казне хлеб, порох и свинец, деньгами и мелким зверем: белкой, песцовыми лапами и оленьими шкурами.

Ясак назначался по числу взрослых работников от 18 до 50 лет, и сборы ясака за весь род возложены на родовое управление как с одного нераздельного лица с тем, что инородцы в каждом роде имеют право уравнивать части между собою. В случае неулова окладного зверя родовому управлению предоставлена свобода вносить ясак другим зверем и даже деньгами. Инородцы Сургутского отделения вносят ныне ясак по положению комиссии 1829 года. Сравнивая составленные комиссией 1829 г. окладные ясачные книги с настоящим положением инородцев Сургутского края, нельзя не признать, что как по качеству промыслов, так и по количеству податей с каждой волости разложение ясака далеко уже не соответствует нынешнему быту остяков. Так, Трем-Юганская, Салтыковская и Пимская волости отнесены по промыслам к самым лучшим волостям Сургутского края, но ныне остяки этих волостей, а равно Ваховской и Лумпокольской, одни из беднейших. В течение сорока лет промыслы инородцев этого края совершенно изменились; в местах, где прежде водилось во множестве редких зверей, ныне почти вовсе не стало; охота на диких оленей по волостям Пимской, Аганской, Ваховской, Салтыковской и Лумпокольской была достоянием каждого остяка, и редкое семейство не убивало от 10 до 20 штук, и это доставляло остякам волостей пищу, одежду и обувь, но ныне, за исключением некоторых урманов по реке Ваху, близ Корельских и Лобломотских юрт, дикого оленя вовсе не бьют. То же самое можно сказать и о лосиных промыслах по реке Югану. По Салтыковской в числе значительного промысла по окладным книгам значатся выдры, а по Лумпокольской — соболи, горностаи и чернобурые лисицы, но ныне этот зверь сделался очень редок, соболь еще держится в довольном количестве, и то только в урманах по реке Югану в волостях Юганских. При распределении ясачной подати комиссия также руководствовалась количеством рыболовных песков и выгодами, извлекаемыми от промыслов кедровых орехов, но с 1829 года промыслы и в этом изменились: многие из рыболовных песков по реке Оби ныне совершенно потеряли ры-

боловное значение; сбор кедровых орехов по причине вырубки кедра и от лесных порч сделался также незначителен. Поэтому пересмотр окладных ясачных книг Сургутского отделения в видах нынешнего экономического положения составляет предмет особой важности. С распространением оседлого населения от вырубки и истребления лесов <...> пожарами улов зверя сократился, ценность мехов возвысилась. Иногородцы, получая от купцов плату, высшую против той цены, по которой она принимается в казну: так, соболь второго сорта принимается в ясак по 4 руб. 50 коп. и высшего — по 7 руб., тогда как в частные руки эти сорта продаются от 10 до 15 рублей, — стали вносить в ясак деньгами, сбывая лучшую добычу на сторону и представляя в ясак самый простой зверь, для кабинета бесполезный. Вследствие этого в 1843 году велено было допускать сбор ясака деньгами только в том случае, когда по удостоверению на месте окажется затруднение в получении ясака лучшей рухлядью, но как торговцы разными происками склоняли иногородцев к уступке лучшего зверя, в 1846 году не дозволено было частным лицам покупать и выменивать у иногородцев звериные шкуры, в особенности лучших сортов, прежде взноса в казну ясака, и, чтобы приохотить самих иногородцев вносить в казну дорогие звериные шкуры, разрешено выдавать похвальные листы и медали за внесение в ясак лучшего зверя. Остяки, запуганные сборщиками ясака тем, что в случае невзноса ясака дорогою рухлядью они будут исключены из разряда кочевых иногородцев и лишены дарованных им преимуществ, стали вносить ясак дорогою рухлядью, покупая от русских торговцев по непомерно высоким ценам, между тем оценки дорогой рухляди при приеме в ясак производятся не всегда правильно и сообразно с достоинством самого зверя, отчего иногородцы вовлекаются в убытки и потери. Когда же остяку удастся убить дорогого зверя, то он старается скрыть его, так как шкура убитого зверя должна поступать не за одного его, а за весь род, и родовичи не всегда аккуратно расплачиваются с хозяином дорогой рухляди. Поэтому если и представится остяку случай поймать дорогого зверя, то он не только от чиновников, но и от своих родовичей утаивает и при первой встрече с русским торговцем отдает за что попало, лишь бы не отобрали в ясак. Все это показывает, что допущенные меры требования ясака от иногородцев не деньгами, а

лучшими звериными шкурами, и ограничение по этому случаю в их сношениях с торговцами недоступны по местным обстоятельствам к точному выполнению; между тем меры эти, не принося существенной пользы в отношении улучшения сбора ясака, служат поводом к тайным сделкам. Сделки эти лишают инородцев всех выгод, которые они могли бы иметь при торговле свободной. Восстановление свободной торговли должно развиваться на особо учрежденных торжках. Для этого независимо назначенных в селах Юганском и Лариатском торжков для взноса ясака учредить и в других русских селениях и деревнях, а также в более значительных и удобных по сообщению остяцких улусах, как-то: по реке Оби в юртах Верхне-Колымских, Пирчинских, Мурасовских и Цингалинских, по реке Югану в юртах Уватских и Косаковских и других местах. При привлечении инородцев на эти торжки благосостояние остяков неминуемо возрастет, и в тех местах, где есть церкви, они найдут и духовное назидание, и чрез это остяки избавятся от алчных промышленников, которые, пользуясь слабостию остяков к вину, обманывают их в тайных сделках, и ценная рухлядь идет за бесценок, что не могло бы <быть> на определенных торжках, и остяки не согласились бы продавать промышленникам за бесценок в своих улусах. Это также стало бы понемногу выводить остяков из мрака урманов и ознакомило бы их несколько с экономическими условиями торгова, доброкачественностию произведения товара и оживило бы их умственную деятельность, которая в совершенном застое. Несмотря на разбросанность волостей Сургутского отделения от Оби до Ледовитого океана, разъединенность улусов и юрт остяков по непроходимым тайгам и урманам, <они> аккуратно выносят на определенные места и безнедоимочно вносят ясак. В общественном мнении остяков, платящий ясак считается выше не платящих, а потому некоторые из остяков платят ясак и по исключении из числа работников, и от этого бывает излишек звериных шкур, деньги от которых по продаже идут на составление инородческого общественного комитета.

В Сургутском отделении по волостям Салияровской, Салымской, Пимской, Аганской, Трем-Юганской и Подгородно-Юганской сбор ясака бывает в городе Сургуте в декабре и январе. Больше-Юганской и Мало-Юганской большею частию во

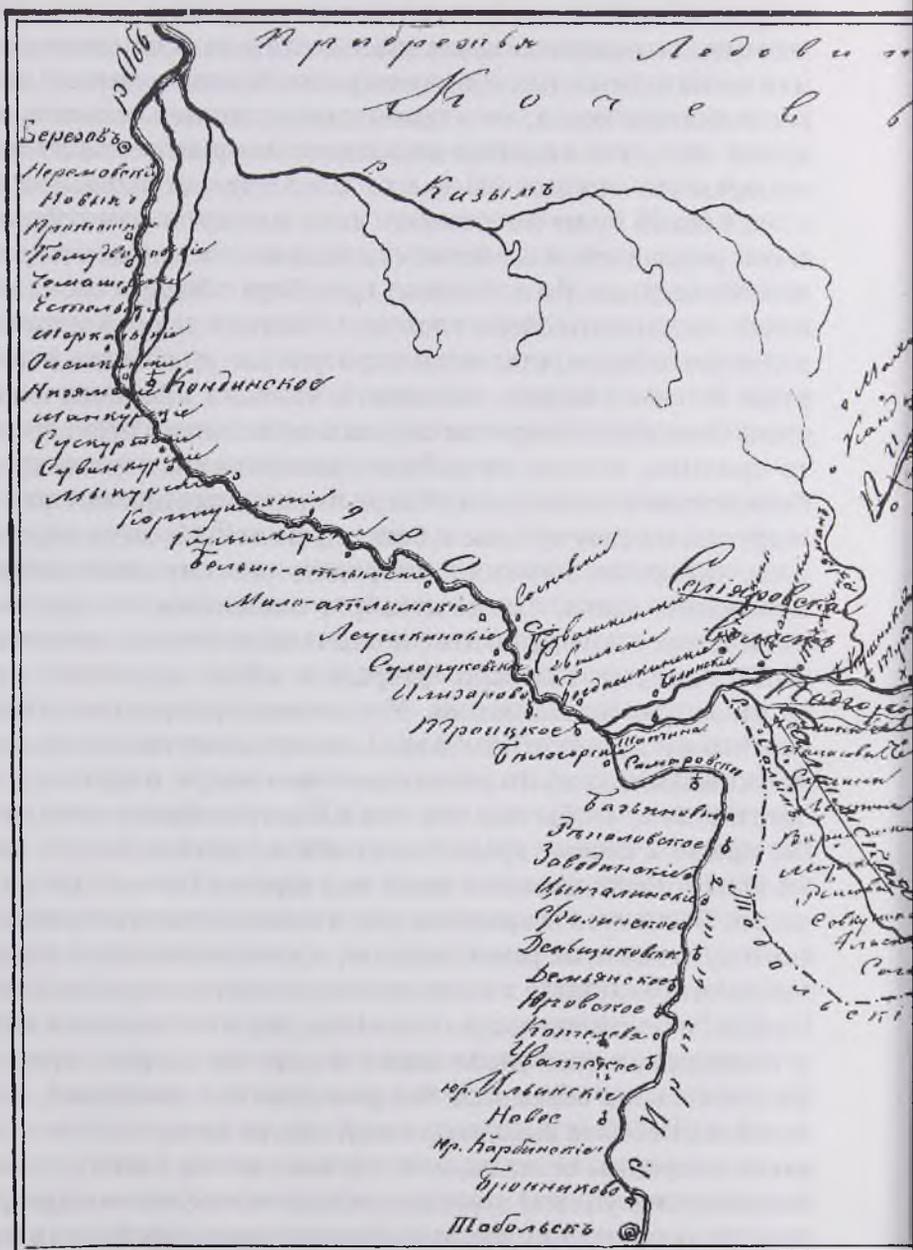
время с 8 по 15 июня, во время ярмарки в селе Юганском. Салтыковская, Лумпокольская, Ваховская и Пирчинская — на местах своих стойбищ в декабре, из последних Салтыковская и Лумпокольская иногда дают ясак в селе Лариатском во время бывающего там торжка. По случаю злоупотребления торговцев по приобретению звериных шкур от инородцев запрещен въезд торгующих в кочевья инородцев во время улова зверя. Ограничение торговли с инородцами до взноса ясака не достигает тех результатов, которые имело в виду правительство: с одной стороны, может быть постоянно воспрещен въезд в улусы остяков торгующих под предлогом, что не весь еще собран ясак, а с другой — земская полиция, состоящая из заседателя и казака, не имеет никакой возможности уследить за этим на пространстве пяти тысяч верст в разных направлениях. Торговля чрез это много стесняется, и Сургутский край не имеет поэтому должной конкуренции со стороны инородческих торговцев, между тем сургутские промышленники, и в особенности проживающие постоянно по селам и деревням внутри инородческих улусов сургутские казаки и мещане имеют полную возможность во всякое время выменивать у инородцев рухлядь, и на самом деле сургутские торговцы разъезжают по инородческим волостям в дозволенное и недозволенное время. Те инородные торговцы, которые могли бы иметь здесь значительные дела, не едут, потому что никто не хочет подвергать свой капитал риску. Ограничивать временем круг деятельности приезжего торговца в таком отдаленном крае, где разбросано население по две и по три юрты на тысячи верст, — большое стеснение. Для этого торгующий должен иметь значительное число приказчиков, чтобы объехать в известный срок все улусы и в случае нераспродажи везти товар обратно, и поэтому наложить за риск огромные проценты — вдвое и трое против стоимости.

Все это оказывается более выгодным для местных сургутских торговцев, которые, пользуясь случаем и временем, всегда имеют возможность прибрать к своим рукам промыслы остяков и, не имея при этом конкуренции со стороны инородных торговцев, ставят остякам свои товары дорого и рухлядь принимают по низким ценам; в особенности этим случаем пользуются мелкие сургутские промышленники, разъезжая с вином, спаи-

вают остяков и отбирают лучшие звериные шкуры, чрез что у них не остается почти ничего для уплаты ясака и для вымена хлеба. Пользуясь отдаленностью края и укрываясь чрез это от надзора земского начальства, употребляют всевозможные меры и средства получить за бесценок от остяков все то, что последние добудут во время звериного и рыбного промыслов, и остаются еще в неоплатном долгу у промышленников. Имея в виду, что принимаемые доселе меры по злоупотреблению торговцев в отношении перехода рухляди, следующей в ясак, оказываются недостаточными, следовало бы для возможного соглашения выгод казны, инородцев и частных промышленников с общими выгодами и пользами свободной торговли допустить взнос ясака деньгами и рухлядью и в видах значительной пользы чрез это для остяков увеличить с них самый ясак.

О причинах невзноса в ясак ценной рухляди можно привести следующее. 1) В ясак не взносится ценная рухлядь главнейше потому, что она принимается в казну за слишком низкую цену; низкая же цена назначается единственно оттого только, что земское начальство не желает подвергнуться ответственности в случае, если бы при вторичной переоценке прежняя цена рухляди оказалась слишком высока, и чрез это именно последовала бы недовыручка. 2) Ясак требуется однажды только в год, отчего инородцам и нет никакой выгоды долго ожидать такового требования. Добыть ценного зверя инородец почитает за особое счастье, ибо чрез это можно получить все, что нужно ему и его семейству, и быть в довольствии, после же продолжительного и утомительного лова ему, сверх того, всегда хочется выпить и водки, а откладывать это сверх сил его, а потому очень естественно, что инородец старается как можно скорее сбыть в частные руки свою драгоценную добычу. 3) Чрез вложение в ясак ценного зверя инородец наживает себе только излишние хлопоты, когда шкура зверя будет положена в ясак, то по ценности своей зачитывается за 20 и 30 и более душ, с которых уже хозяину этого зверя остается взыскать следующее ему вознаграждение; хорошо, если добросовестный старшина примет в этом взыскании должное участие, но если это случится при таком старшине, который из одного только желания отклонить от себя излишние хлопоты и затруднение в

скором и безнедоимочном взносе ясака за свою ватагу, зачислил ценного зверя за таких именно лиц из рода своего, коих или не находится налицо, или крайне бедны, а потому не могут заплатить ясака, то в таком случае хозяин ценного зверя кроме того, что лишится возможности приобрести во время ярмарки то, что мог бы иметь за шкуру, уступленную им в ясак, едва ли будет в состоянии даже и со временем собрать со своих родовичей, в особенности бедных, следующее ему с них вознаграждение. Во избежание при сборе с бедных своих родовичей за ценного зверя хлопот и убытков всякий инородец, изловивши зверя, старается дорогую шкуру сбыть в частные руки. Из этого можно заключить, что если инородец даже от своих ближайших старается скрывать добытого им ценного зверя, то причина, почему он избегает вносить его в ясак, должна быть весьма уважительна. Сверх означенных причин есть еще и другие, почему лучшие и более драгоценные меха переходят в частные руки, а именно: инородцы ловят пушных зверей до положения ясака, т.е. до декабря, и ловят их также и после положения оно, а потому и очень естественно, что все, что они ни добудут в январе, феврале и марте, переходит в руки частных промышленников. У торговцев инородцы забирают все, что им нужно, в долг и чрез это делаются постоянными их должниками; за долги уплачивают чем могут, и притом с обязательством, чтобы все, что ни добудут во время лова, несли бы прямо к своему кредитору; поэтому иногда даже и шкура не убитого еще ценного зверя уже заранее бывает продана за долги. Весною со вскрытием рек, а зимою с наступлением санного пути местные [иногородные] промышленники в немалом числе отправляются в юрты инородческие и стараются выменивать, и большею частию на вино, все, что только ни найдут у инородца, в том числе также и дорогих зверей; при этом, разумеется, не обходится без умышленных угощений, чтобы произвести более выгодную мену; другие же промышленники, коим инородцы оставались за прежнее время в долгу, не надеясь получить уплаты этого долга даже и в случае выезда к ним навстречу, начали прибегать к более верному средству, а именно: отправляются пред самым временем сдачи ясака в тундры и юрты инородческие к своим должникам под видом продажи

Составилъ г. в. в. А. В. Митурин

разных товаров, а собственно только с целью взыскать долги и притом скупить после улова осеннего шкуры дорогих зверей для перепродажи их впоследствии старшинам в ясак. Из всего этого и можно заключить, что означенные выше меры, принятые правительством для улучшения взноса ясака, не достигли своей цели, а послужили только к крайнему стеснению инородцев и многих промышленников, чтобы частным образом променять свой товар на рухлядь, как главный предмет торговли Сургутского края. А потому и инородные купцы не посещают Сургутский край, опасаясь разных стеснений; чрез принятие означенных выше мер правительство равно никакой пользы не извлекло: ценные меха по-прежнему начали переходить разными путями в частные руки с тою лишь разницею, что прежде — открыто, а теперь тайно.

Законом дозволено инородцам вносить ясак и отправлять повинности рухлядью или деньгами, но земская полиция при сборе ясака или других долгов постоянно требует от инородцев окладную рухлядь по окладной цене, которая постоянно гораздо ниже торговой цены, так что вряд ли инородцы знают, что они имеют право вносить ясак, повинности и долги в казну за муку, порох и свинец деньгами, а не рухлядью. В этом-то кроется главнейшая причина, что сборщики ясака всеми мерами стремятся не допускать торговцев в улусы прежде, чем побывают там сами, и, описывая торговцев самыми жадными извергами, принимающими всевозможные ухищрения к разорению инородцев, обманывают губернское начальство, которое, не имея физической возможности знать, что делается за 1000 верст в диких тундрах, естественно верит на слово и налагает запрещение на въезд торговцев в улусы, делая этим новый источник дохода для сборщиков ясака. Обыкновенно это делается так: по вскрытии рек, когда можно везде проехать в лодке, заседатель собирается в улусы для сбора ясака и долгов с инородцев, еще до выезда он делает распоряжение, чтобы из торговцев никто не смел ехать в улусы до тех пор, пока он сам там не побывает. В это время являются к нему торговцы для прописки билета на выезд из Сургута, как принято называть эту явку, в самом же деле для испрошения милости у заседателя вслед за ним явиться в улусы. Разрешение или отказ совершенно зависит от воли и личного взгляда заседателя. Есть даже такие

счастливые торговцы, что заседатель берет их с собою. По приезде в улусы требуется от инородцев рухлядь. Если получается ответ, что рухляди нет, а представляются деньги на уплату ясака и долгов, то еще не было примера, чтобы это так и осталось, а, напротив, заставляются инородцы непременно сдать рухлядь в казну, а деньги возвратить тому, кто осмелился купить рухлядь без дозволения заседателя. Притом не обращается внимания, что в частные руки инородцы продали свою добычу в полтора или более раза дороже, чем установлена цена казною. Следовательно, вместо того, чтобы чрез продажу части улова в частные руки инородцы могли бы уплатить весь следующий с них сбор, выходит, что они отдают весь свой улов, и остается еще на них недоимка. Торговец не будет уверен, что сделка его с инородцами, как бы она законна и прибыльна для инородца ни была, не может считаться верною без особенных с его стороны трат, не решается кредитовать инородцев необходимыми для них материалами и вещами. И, таким образом, инородец остается без добычи и без возможности существовать, а сверх того, и должником в казну. В законе нет дозволения брать с инородцев в уплату ясака или за муку, порох и свинец рыбою и орехами, но, однако же, бывали случаи, а может быть, случаются и теперь, что смотрители и вахтеры при магазинах, разъезжая по улусам, собирают в уплату и этими продуктами, но, разумеется, нигде нельзя встретить записанными на приходе этих продуктов, везде показано, что долги взысканы деньгами. Такой сбор слишком выгоден для взыскивающих, но очень тяжел для плательщиков. Одною из важных мер в устройстве Сургутского края должно считать водворение русского населения по реке Оби от границы Нарымского края Томской губернии до с. Самарова Тобольской губернии. Конечно, Сургутский край не принадлежит к тем благодатным странам, которые при самом малом усилии вознаграждают труд. В этой стране борьба с природою нелегка, нужно владеть для этого большою энергиею и даже знаниями. Для первого условия экономической жизни русского населения должно искать в изобилии рыбы, птицы, а также и пушного зверя. Прибрежья реки Оби во многих местах представляют прекрасные пастбища для разведения огромного скотоводства, которое при существующей дороговизне на мясо в этом крае могло бы приносить значитель-

ную пользу, предохранять край от гибельных последствий голода. В других местах, как вверх, так и вниз от Сургу́та по реке Оби, можно разводить если не хлебные, то огородные растения. Разведение конопли, где бы представлялась к тому возможность, должно считать также важной отраслью хозяйственной промышленности для снабжения остяков по более умеренным ценам холстом и нитками для сетей, в чем они имеют крайнюю необходимость. Здесь представляются русскому населению и другие полезные отрасли промышленности и заработка. Для водворения постоянно русского населения, на первый взгляд, могут быть избраны от Сургу́та вниз по реке Оби деревни Тундрини и Пилюгина, а также юрты Цингалинские. Вверх по реке Оби от города Сургу́та — с. Локосово, где уже есть четыре двора крестьян, Верхне-Колымские юрты, с. Нижне-Лумпокольское, в котором живет только одно крестьянское семейство, в с. Верхне-Лумпокольском, кроме причта, никто не живет из посторонних, далее к Нарымскому краю юрты Пирчинские, и можно найти для этого другие удобные места. Что водворение русского населения в Сургу́тском крае может принести значительную пользу краю, это доказывают соседственные по географическому положению с Сургу́тским отделением русские населения по реке Иртышу от Тобольска к Березову и Нарымский край, где в двух волостях — Парабельской и Кетской одних государственных крестьян до шести тысяч душ. Население это приносит огромную пользу краю разведением хлебопашества, где ежегодно собирается хлеба до 20 четвертей, так что обеспечивает собственным хлебом почти все население Нарымского края. Скотоводство у нарымских крестьян разведено в значительном размере, и жители Сургу́тского края для покупки лошадей и скота ездят в г. Нарым. Нарымское сельское население почти всеми потребностями жизни удовлетворяется из собственного быта и имеет все задатки к самостоятельному существованию, чего не имеет Сургу́тский край с поселенными здесь казаками. Благодетельное соседство Нарымского края сказывается и на Пирчинскую волость Сургу́тского отделения, где остяки покупают у нарымских крестьян по самым умеренным ценам крестьянское сукно, холст и проч., и много дешевле, чем у сургу́тских промышленников. Нельзя не видеть, что заселение Сургу́тского края русским населением про-

изводится чрезвычайно медленно. Причина этого заключается в суровом климате, все русское население обеспечивает свое существование единственно рыбною и звериною ловлею, попыток же разведения в значительном размере хлебопашества еще не делалось, и даже разведение овощей весьма скудно. До сих пор все русское население группируется в городе Сургуте. В стороне же — самая ничтожная горсть оседлости русской, и заключается от Сургута вниз по реке Оби на протяжении двухсот верст в трех деревнях: Пилюгинской с тремя домами крестьян и двух казаков, Тундринской, или Майоровой, с 15 дворами крестьян и Кунинской с 4 домами крестьян и одного мещанина. Вверх по реке Оби в ста верстах от Сургута село Локосово с 4 домами крестьян и одного мещанина, в селении Нижне-Лумпокольском, в трехстах верстах, — два крестьянских дома. Далее вверх по Оби селения Верхне-Лумпокольское и Лариатское, в 800 верстах по реке Ваху, состоят из одних церковных причтов. Село Юганское по реке Югану в 60 верстах от Сургута состоит из трех домов мещан и пяти крестьян. Казалось бы, для заселения Сургутского края много должны были способствовать ссыльные поселенцы, которыми заселялась Сибирь в других местах и которые ежегодно присылаются в Сибирь по нескольку тысяч. Но, к сожалению, должно сказать, что колонизация ссыльными не достигает здесь действительной своей цели: ссыльные увеличиваются только числом. Причиною тому то, что большая часть из них присылалась сюда по распоряжению начальства — старые и дряхлые, которые при первом же приходе нуждаются в богадельне и мирском подаении и служат еще к большему обременению края, а по случаю неисключения из податей делаются обременительными и для самого общества. Самое причисление населения в этот край делается губернским начальством без соображения с экономическими условиями края, и поселенцы оказываются большею частью из южных губерний, есть здесь поселенцы, которые в Бессарабии и Крыму занимались разведением винограда. Немногие из поселенцев сургутских имеют оседлость, домообзаводство и хозяйство, и в этом отношении они поставлены даже вне возможности быть оседлыми поселянами, только бродягами, так как и самые старожилы крестьяне не имеют для себя определенных отведенных угодий. Прибывающие сюда вновь поселенцы стара-

Ведомость о количестве ясака, собранного

Наименование волостей	Оклад с каждого лица (руб. коп.)	Оклад с волости (руб. коп.)	Лисиц					
			Чернобурых		Краснобурых		Седобурых	
			Штук	На сумму (руб.)	Штук	На сумму (руб.)	Штук	На сумму (руб.)
Подгородно-Юганская	2,80	75,20	—	—	—	—	1	38,70
Селияровская	3,50	18	—	—	—	—	—	—
Аганская	3	24	—	—	—	—	—	—
Больше-Юганская	3,50	136	—	—	—	—	1	40
Салымская	3,50	82	1	15	1	20	—	—
Пимская	3,50	67	—	—	1	23	2	53,16
Трем-Юганская	3,50	91	—	—	—	—	1	23
Салтыковская	3,50	140	1	36	—	—	1	18
Лумпокольская	3	231,42	—	—	—	—	1	18
Мало-Юганская	3	52,28	—	—	—	—	—	—
Пирчинская	2,50	67	—	—	—	—	—	—
Ваховская	3	174,82	—	—	1	20	—	—
Пимско-Коранская Туруханского края	—	—	—	—	—	—	1	27

ются найти хотя временное пристанище у старожила и за ночлег и пищу работают без платы, но в зимнее время, по дороговизне хлеба, крестьянин не примет ссыльного в работу из одного хлеба, а между тем при суровости климата требуется хорошая одежда, которая здесь чрезвычайно ценная; таким образом, долговременная цель трудов поселенца состоит только в приобретении одежды. Занимаясь летом на рыбных промыслах, а зиму из хлеба у старожила он теряет, наконец, после долгой нужды стремление вовсе к оседлости.

В видах экономического устройства края, где жители терпят недостаток в продовольствии, по неулову рыбы и по затруднительности доставки хлеба из хлебородных местностей, и

с остяков Сургутского отделения в 1863 г.

Лисиц								Соболей				Деньгами
Сиводушек				Белодушек				1 сорта	2 сорта	3 сорта	На сумму (руб.)	
1 сорта	2 сорта	3 сорта	На сумму (руб.)	1 сорта	2 сорта	3 сорта	На сумму (руб.)					
—	3	—	18	2	1	—	8,50	—	—	—	—	—
1	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	4	—	24	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1	—	—	7	1	—	—	3	4	8	—	86	1,40
2	—	—	17,50	—	—	5	14,27	—	—	6	22,50	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2	2	—	29,50	4	—	—	16	—	—	—	—	14
4	—	—	34	8	2	—	40	—	—	—	—	12
1	4	2	54	7	3	3	53	—	—	—	—	—
4	—	—	32	—	—	—	—	—	2	—	14	6,29
1	3	2	39,50	8	5	3	50,50	—	—	—	—	3,34
—	5	2	45	6	4	9	44,50	—	—	—	—	40
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

по самой дороговизне, следовало бы обратить особое внимание на заведение если не хлебных растений, то овощей, в особенности картофеля, этого важного продукта в пище. Между тем у здешних казаков и крестьян недостает для этого не только умения, но и терпения, и вся деятельность русского населения в этом крае преимущественно устремлена на более легкий труд — рыболовство и промыслы около инородцев. Несмотря на поощрение правительства и вольно-экономического общества к разведению земледелия в Сургутском крае, вся деятельность некоторых личностей поэтому ограничивалась только в ожидании похвал и наград, а не в пользах края. В настоящее время поддерживается оно только в селе Юганском, у тамошнего свя-

*Ведомость о количестве дорогой рухляди, принятой в яск
с остяков Сургутского отделения с 1847 г. по 1859 год*

Наименование лисиц	в 1847 г.	в 1848 г.	в 1849 г.	в 1850 г.	в 1851 г.	в 1852 г.	в 1853 г.	в 1854 г.	в 1855 г.	в 1856 г.	в 1857 г.	в 1858 г.
	Бурых	6	3	5	3	4	—	—	—	—	—	1
Чернобурых	—	2	—	2	1	—	1	—	—	—	—	—
Седобурых	—	1	1	5	2	3	7	2	6	—	3	2
Краснобурых	—	3	—	4	1	2	1	2	1	—	2	3

Таблица

Наименование сел и деревень Сургутского отделения Березовского края	Число жителей по разрядам								Число домов	Число церквей	Расстояние	
	Духовенства православного		Государствен- ных крестьян		Ссылно- поселенцев		Казakov и разночинцев				от г. Березова	от г. Сургуа
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.				
Упраздненный г. Сургут	5	7	81	78	6	12	488	523	236	1	850	—
				Селения:								
Локосовское	3	4	18	17	2	6	1	—	12	1	950	100
Лумпокольское	2	1	8	8	—	—	2	4	6	1	1200	350
Верхне- Лумпокольское	6	7	—	—	4	7	—	—	3	1	1270	420
Лариатское	3	5	5	10	—	—	—	—	2	1	1850	1000
Юганское	4	4	17	20	5	5	13	8	12	1	910	60
				Деревни:								
Пилюгинская	—	—	14	13	2	2	9	10	6	—	813	37
Тундринская	—	—	27	31	2	3	—	—	11	—	776	74
Кунинская	—	—	17	15	—	—	3	7	5	—	750	100
Итого	23	28	187	192	21	35	516	552	293	6	—	—

Таблица

Расстояние от окружного г. Березова	Наименование инородных волостей и принадлежащих к ним улусов или стойбищ	Число юрт	Число жителей по разрядам						Число скота		
			Оседлых		Кочевых		Бродячих		Лошадей	Оленей	Собак
			м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Инородные волости: оседлых, кочевых и бродячих остяков Сургутского отделения Аганской											
Улусы:											
899	Ляхтин	5	12	12	6	5	10	9	—	15	21
911	Лобанов	4	4	6	4	3	2	2	2	7	12
967	Лехтикин	2	3	4	5	4	—	—	—	3	8
1106	Псчиков	2	2	3	8	7	—	—	—	4	10
1076	Тарлин	2	—	—	9	10	—	—	—	2	12
1130	Ильяков	2	—	—	12	9	—	—	—	2	12
1210	Казымкин	3	—	—	9	10	—	—	—	20	9
1270	Айпин	3	4	9	2	2	—	—	—	17	12
	Итого	23	28	34	55	50	12	11	2	70	96
Селяровской											
Улусы:											
740	Тугаскин	3	9	14	—	—	—	—	5	—	6
700	Чигомкин, или Чимгин	2	3	3	2	4	—	—	6	—	8
730	Сахалинский, или Цингалинские	5	14	16	—	—	—	—	15	—	10
710	Балинский	4	12	13	—	—	—	—	6	—	7
	Итого	14	38	46	2	4	—	—	32	—	31
Салымской											
Улусы:											
738	Ясакин	2	8	4	8	4	—	—	6	—	9
772	Кунинский	2	6	7	4	4	—	—	4	—	7
802	Милясов	7	15	17	14	13	—	—	11	—	23
822	Сулин	4	9	12	6	5	—	—	3	—	12

шенника в трех десятинах, что в южной части Сургутского участка, по левую сторону реки Оби на юге земледелие может производиться с успехом, в этом нет сомнения. Это подтверждается довольно успешным разведением озимого хлеба в селе Юганском, так и сопредельными с этим краем местностями. В Тобольском округе по тракту к Березову посевы хлеба, хотя и прекращаются при с. Реполовском, между 60° и 61° северной широты, но разведение хлебных растений могло бы быть производимо и севернее, если бы нашлись удобные места для хлебопашества. Нарымский край Томской губернии занимает положение хотя и южнее на один градус, но зато много восточнее, и земледелие там в Парабельской и Кетской волостях идет

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
852	Алекин	2	6	6	8	6	—	—	2	—	10
882	Лемпин	5	9	10	2	—	—	—	5	—	12
912	Варломкин	3	7	8	3	3	—	—	5	—	10
927	Мирский	2	5	4	2	4	—	—	1	—	6
952	Рымов	3	4	3	5	4	—	—	2	—	7
964	Совкунин	5	12	13	6	8	—	—	7	—	16
992	Аламин	2	7	8	4	3	—	—	2	—	5
1029	Согойкин	6	12	10	4	5	—	—	6	—	14
	Итого	43	100	102	66	59	—	—	54	—	132
Мало-Юганской Улусы:											
906	Тыкин	3	10	9	8	8	—	—	2	2	6
1016	Тумаев	3	7	7	6	5	—	—	—	4	8
1041	Угот-Пуголь- ский	2	13	15	10	11	—	—	—	—	4
1076	Кинямин	4	12	11	6	7	—	—	—	5	13
1146	Караев	2	9	10	4	3	—	—	—	3	7
1226	Алимов	6	12	14	6	6	—	—	—	8	16
1256	Тюмкин	3	7	8	8	9	—	—	—	—	17
1306	Асманов	2	—	—	15	14	—	—	—	—	15
1356	Манин	8	17	14	—	—	—	—	—	4	21
	Итого	33	87	88	63	63	—	—	2	26	110

с полным успехом, где только $\frac{1}{5}$ часть населения продовольствуется привозным хлебом, так что в одной Кетской волости собирается ежегодно озимого и ярового хлеба до 15 т. четвертей. По произведенным опытам относительно разведения картофеля в Сургуте и в селениях Юганском, Лумпокольском, Локосовском и даже Лариатском, а также и в деревнях, лежащих по тракту к Сургуту, оказывается, что по климатическим условиям растение это может разводиться с успехом не только в южной части Сургутского отделения под 60° северной широты, но опыты разведения картофеля были удачны даже много севернее, и даже в самом Березове под 63° северной широты, огородные овощи: капуста, картофель, редька, репа и морковь

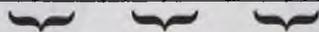
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
		Больше-Юганской										
		Улусы:										
894	Кокин	3	10	9	4	5	—	—	2	—	8	
994	Угот-Пуголь- ский	4	16	18	2	1	—	—	—	—	12	
1029	Князьямов	3	—	—	14	14	—	—	—	10	8	
1057	Ярсымов	9	—	—	12	8	—	—	—	4	5	
1081	Когончин	5	—	—	24	20	—	—	—	—	16	
1116	Еввиков	3	—	—	21	18	—	—	—	—	19	
1154	Рыскин	7	10	9	6	5	—	—	9	—	12	
1189	Каюков	6	12	9	8	9	—	—	21	—	17	
1241	Купландеев	5	6	7	12	14	—	—	13	—	18	
1267	Курлакин	5	3	2	18	15	—	—	10	—	20	
1281	Тайлаков	3	7	5	11	8	—	—	12	—	13	
1332	Песиков	5	10	11	6	5	—	—	4	—	9	
1370	Кыколев	5	8	8	7	4	—	—	2	—	14	
1400	Усанов	5	14	15	9	11	—	—	4	—	17	
1451	Сапаркин	6	—	—	16	14	—	—	12	—	23	
1480	Мултанов	6	4	8	20	15	—	—	7	—	24	
	Итого	74	100	101	190	166	—	—	96	14	235	
		Подгородно-Юганской										
		Улусы:										
779	Кривый	2	10	12	—	—	—	—	2	—	10	
778	Сайгатин	2	9	5	—	—	—	—	—	—	7	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
759	Чеускин	2	4	6	—	—	—	—	—	—	8
774	Виньгин	2	6	8	—	—	—	—	—	—	6
784	Варгоский	3	11	15	—	—	—	—	—	—	12
789	Тонгин	3	—	—	16	12	—	—	—	—	14
816	Салтыков	4	12	8	5	4	—	—	—	—	16
841	Очимкин	2	—	—	8	6	—	—	—	—	10
874	Лекатев	3	—	—	4	5	—	—	—	—	6
899	Усть-Балитский	5	8	8	9	12	—	—	2	—	20
904	Тундринский	3	—	—	6	4	—	—	—	—	7
927	Печин	4	—	—	8	9	—	—	—	—	12
960	Каркатеев	2	—	—	18	17	—	—	—	—	21
977	Сарантев	2	—	—	4	10	—	—	—	—	11
1021	Румпин	2	—	—	5	3	—	—	—	—	8
824	Немчинов	2	5	4	—	—	—	—	—	3	7
844	Невойлокин	3	10	8	—	—	—	—	—	5	8
859	Каркатеев	5	12	14	8	5	—	—	3	—	12
889	Урьев	3	12	15	—	—	—	—	—	2	10
915	Еутский	2	—	—	16	12	—	—	—	—	17
	Итого	56	99	103	107	99	—	—	7	10	222
Пимской											
Улусы:											
700	Кандышев	5	—	—	19	20	—	—	—	10	5
734	Немчинкин	3	18	14	—	—	—	—	2	4	10
766	Рынков	3	16	17	—	—	—	—	6	2	8
814	Анисымкин	5	6	8	15	13	—	—	2	6	10
872	Черямов	4	—	—	14	12	—	—	—	8	7
930	Моховский	2	—	—	12	10	—	—	—	7	10
992	Непиров	2	—	—	12	13	—	—	—	5	6
1057	Пихтянин	2	—	—	11	13	—	—	—	4	6
1110	Тайбаков	2	—	—	13	11	—	—	—	5	6
	Итого	28	40	39	96	92	—	—	10	51	68
Трем-Юганской											
Улусы:											
1229	Покачев	4	—	—	23	29	—	—	—	—	25
854	Чалтымов	3	—	—	17	16	—	—	—	—	22

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
864	Асымкин	4	15	14	12	6	—	—	6	—	20
869	Качесов	3	8	9	—	—	—	—	—	—	12
879	Путалин	3	9	5	—	—	—	—	—	—	10
886	Пинков	2	—	—	3	4	—	—	—	—	6
1141	Юрьин	3	10	12	8	6	—	—	2	—	8
894	Лямсин	3	6	2	—	—	—	—	2	—	6
874	Ангалев	4	10	12	—	—	—	—	—	—	12
882	Кечимов	3	18	17	—	—	—	—	1	—	20
907	Сардаков	3	—	—	16	15	—	—	—	—	18
972	Сопочин	2	—	—	10	12	—	—	—	—	20
1016	Моховский	5	10	12	11	8	—	—	—	—	17
1089	Камтин	2	—	—	9	12	—	—	—	—	12
	Итого	39	86	83	109	108	—	—	11	—	208
			Ваховской								
			Улусы:								
1296	Тарахов	5	6	7	21	13	—	—	2	—	20
1367	Соромин	5	7	8	15	8	—	—	—	—	16
1404	Пулин	6	11	9	13	13	—	—	—	—	14
929	Ивашкин	5	17	15	21	16	—	—	2	—	24
943	Покурский	3	6	8	12	10	—	—	1	—	13
954	Комаров	3	4	4	6	8	—	—	2	—	5
974	Магионский	3	8	9	11	9	—	—	3	—	8
1014	Ермаков	5	9	10	14	15	—	—	—	—	—
1022	Чух-Пуголь- ский	5	12	11	8	7	—	—	—	—	—
1044	Вах-Пуголь- ский	3	6	8	11	9	—	—	3	—	7
1084	Вартовский	4	7	13	25	17	—	—	2	—	18
1061	Кабин	5	10	14	15	12	—	—	5	—	21
1077	Вах-Пуголь- ский	7	12	14	9	5	—	—	—	—	12
1104	Кылымский	15	27	20	24	26	—	—	16	—	14
1112	Колтогорский	6	20	20	8	7	—	—	4	—	15
1034	Ликрысов	2	3	5	13	12	—	—	1	—	—
	Итого	82	165	175	226	185	—	—	41	—	197

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
			Лумпокольской									
			Улусы:									
1117	Малгалинский	3	13	17	—	—	—	—	1	—	5	
1123	Киселев	4	10	12	23	16	—	—	3	—	24	
1130	Турков	—	—	—	—	—	18	13	—	—	15	
1131	Ярков	—	—	—	—	—	14	10	—	—	12	
1126	Заречных	2	4	5	10	11	—	—	—	—	15	
1146	Кычанский	5	12	13	24	18	—	—	3	—	18	
1161	Больше-Вачь- Пугольский	2	8	13	22	16	—	—	2	—	19	
1172	Вачь-лех- Пугольский	3	7	9	23	17	—	—	—	—	26	
1179	Нахрачев	3	9	7	32	24	—	—	1	—	31	
1192	Малый-Вачь- Пугольский	—	—	—	14	8	—	—	—	—	9	
1202	Нем-Пуголь- ский	—	—	—	15	8	—	—	—	—	11	
1214	Акасамкин	4	16	18	11	9	—	—	—	—	28	
1234	Лех-Пугольс- кий	—	—	—	12	9	—	—	—	—	8	
1461	Колег- Еганский	7	15	17	2	18	—	—	—	—	22	
1507	Лабчинский	4	12	10	35	24	—	—	—	—	42	
1573	Охтиурьевский	4	17	19	22	18	—	—	—	—	34	
1634	Лыглым- Еганский	1	2	3	17	19	—	—	—	—	13	
1697	Лабаз- Еганский	4	12	11	24	21	—	—	—	—	26	
1729	Пеховский	2	7	9	16	17	—	—	1	—	22	
1759	Котох- Еганский	3	12	19	—	—	—	—	—	—	17	
1781	Ерган- Еганский	2	13	19	18	12	—	—	—	—	15	
1947	Мохтикин	3	5	6	20	17	—	—	—	—	12	
1964	Лух-Кань- Еганский	2	4	3	12	13	—	—	—	—	4	
	Итого	58	178	210	352	295	32	23	11	—	428	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
			Салтыковской									
			Улусы:									
1259	Заречных	4	12	15	21	20	—	—	1	—	33	
1275	Ерганкин	6	20	25	15	17	—	—	2	—	35	
1290	Насин	6	13	12	17	14	—	—	2	—	24	
1299	Вартовский	3	13	12	—	—	—	—	1	—	7	
2187	Кул-Еганский	3	12	13	10	9	—	—	—	—	21	
2251	Савиновский	3	8	10	7	8	—	—	—	8	6	
2300	Королькин	3	5	7	12	8	—	—	—	13	12	
1987	Лариатский	10	26	32	52	63	—	—	—	25	34	
	Итого	38	109	126	134	139	—	—	6	46	172	
			Пирчинской									
			Улусы:									
1325	Чагаскин	5	12	14	—	—	—	—	5	—	12	
1351	Кылымский	10	40	45	—	—	—	—	16	—	42	
1357	Пирчинский	8	18	20	24	22	—	—	2	—	36	
1390	Усть-Панимский	2	10	8	6	7	—	—	1	—	9	
1427	Ганькин, или Прохоркины	3	9	8	8	6	—	—	7	—	12	
1461	Пиховской	3	7	10	12	4	—	—	4	—	17	
1477	Кийский	4	14	16	10	7	—	—	10	—	20	
1491	Лымчин	2	4	6	7	7	—	—	5	—	9	
1504	Мурасов	6	14	20	—	—	—	—	6	—	18	
1407	Внутри-Панинский	2	14	12	—	—	—	—	2	—	22	
	Итого	45	142	159	67	52	—	—	58	—	197	
	Всего	533	1172	1266	1467	1312	44	34	330	217	2096	

 юрт оседлых кочевых бродячих

— роятся с полным успехом, но разведение этих овощей, в частности картофеля, еще очень мало. В приискании удобных мест для разведения этих овощей как вверх от Сургута по реке Оби, так и по Большому и Малому Юганам не должно встретить затруднения. Для посева картофеля нужно иметь местно-

сти не более двух и трех десятин для довольно значительного посева картофеля, и к тому же это растение не требует почвы тучной, черноземной, а гораздо лучше родится на местах суглинистых, которых сургутская местность всюду представляет в изобилии. Местному начальству следовало [бы] обратить особое внимание на этот важный хлебный продукт, который при плодovitости своей совершенно может заменить хлебную пищу, и где жители по дороговизне хлеба находятся часто в затруднительных обстоятельствах и подвергаются голоду, а потому и необходимо позаботиться о средствах к отвращению этого несчастия. С другой стороны, разведение картофеля и вообще овощных растений в этом крае и введение их в употребление между остяками, по отзыву медиков, полезно и тем, что употребление между остяками одной мясной пищи и притом сырой и нередко протухлой рыбы, без пищи из растительного царства, если не главная причина появления скорбута и других болезней между остяками, то способствует к их развитию.

Надворный советник Илья Русанов

Статья эта представляет большой интерес и если не может появиться в изданиях общества целиком, то можно было бы поручить кому-либо из редакторов Записок ее редакцию для напечатания с выпусками. Особенно интересно описание экономического положения остяков, где автор описывает все способы лова рыбы, а также и способы лова и битья зверей; цифры, приводимые автором, хотя и устарели, но за неимением более новых данных имеют значение. Вообще статья эта может служить превосходным подспорьем для того, кто займется описанием остяцкого народа.

18 ноября 1876 г.

Д. чл. Владимир Майнов

Без вести пропавший

Одна из школ в Сургуте носит имя Аркадия Степановича Знаменского (1898—1982 гг.), заслуженного учителя, философа, музыканта и краеведа.

Его старший брат Михаил Степанович Знаменский (род. в 1895 г.) пропал в годы гражданской войны — так считалось в семье.

Но недавно, при сборе материалов для третьего тома «Книги расстрелянных», стало известно, что Знаменский оказался в числе колчаковцев, сдавшихся в плен красным в январе 1920 года под Красноярском. В мае его из лагеря военнопленных передали в Особый отдел ВЧК при 1-й Революционной армии труда.

Трудовые армии существовали в 1920—1922 годах как военные формирования, используемые в народном хозяйстве. Зна-

Семья Знаменских. Крайняя справа — Августа Федоровна. Ее дети: второй слева в верхнем ряду — Михаил, в центре — Аркадий

менский М.С. собственноручно заполнил анкету с подзаголовком «для интеллигенции» и сам вместо следователя составил протокол своего допроса. Он указал, что окончил Тобольскую гимназию, один курс физико-математического факультета Казанского университета и 3-ю Петергофскую школу прапорщиков. Выпущен в октябре 1916 года в 124-й запасной полк, командовал ротой, участвовал в обороне г. Двинска и отражении немецкого наступления с применением удушающих газов.

После заключения между Советской Россией и Германией Брестского мира Знаменский возвратился в Тобольск. Надеялся продолжить образование, но в Сибири вспыхнул мятеж чехословацкого корпуса. Пришло к власти Временное Сибирское правительство (некоторые историки считают его самым законным из всех правительств, возникших на обломках Российской империи). Началось формирование собственной вооруженной силы, призванной «отстаивать независимость демократической Сибири».

Каждый город формировал либо дивизию, либо полк. Тюмень — 6-й Сибирский степной (позднее его назвали 26-м Тюменским полком), Тобольск — 25-й Тобольский, в который мобилизовали подпоручика Знаменского и назначили командиром роты.

Кадровое офицерство Белого движения на Урале и в Сибири, по сравнению с югом, было малочисленно. К июлю 1919 года офицеров производства до 1915 года насчитывалось здесь около тысячи, а основную массу командного состава (в среднем 16—17 тысяч) составляли вчерашние студенты, получившие офицерское звание в 1916—1920-х годах. При отступлении колчаковцев на восток, переросшем в бегство, они сдавались красным, рассчитывая на снисхождение при объявленной в январе 1920 года отмене смертной казни.

Но следователь Особого отдела ВЧК Глинский, «рассмотрев 1920 года мая 16 дня дело о белогвардейском офицере Знаменском, установил, что он в будущем [ничего] кроме вреда для Советской Республики не принесет (хотя тот просился работать учителем. — А.П.). Поэтому, руководствуясь революционной совестью, предлагаю Знаменского подвергнуть высшей мере наказания — расстрелять».

Современник писал о заключенных армейских ЧК: «...Большинство было без средств. Мелкая трудовая интеллигенция. Много учащейся молодежи. Офицеры... Нельзя дать точного определения, по каким признакам человека присуждали к расстрелу».

Семье Знаменских не сообщили о расстреле 24-летнего сына, племянника и брата, который остался для них без вести пропавшим.

1 февраля 1993 г. М.С. Знаменский реабилитирован по закону РСФСР от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий».

А. Петрушин

Протокол допроса

Фамилия: Знаменский. Б. подпоручик.

Имя, отчество: Михаил Степанович.

Возраста: 24 года.

Национальность: русский.

Образование: Тобольская гимназия и один курс физ.-матем. факультета, естественного отдел. Казанск. унив-та; 3-я Петергофская школа прапорщиков.

Профессия: студент-естественник.

Чем занимался: служил в армии Колчака команд. нестроев. роты.

Семейное положение: холост.

Какой губернии и уезда: г. Тобольск.

Волости, села и деревни: —

Местожительство: г. Тобольск, Гора, Острожная, д. 225.

Каким отделом арестован: —

Причина ареста: —

Когда арестован: —

За кем числится: —

Имущественное положение: неимущий, сын чиновника.

Был ли обложен Чрезвычайным налогом: не был.

Какой партии: беспартийный.

Когда вступил членом: —

Был ли арестован и сколько раз: не был.

Когда и сколько раз судился: не судился.

Причина ареста и суда: —

С какого времени содержится в тюрьме: —

В царской армии занимал должность младшего офицера в чине прапорщика в 124-м запасном полку в г. Екатеринбурге с октября 1916 г. по 16-е февраля 1917 года.

16.II-17 г. командирован на фронт в 149-й Черноморский полк, где занимал должность младшего офицера до 13 апреля 1917 г. С 13.IV занимал должность командира сборной роты 19-го армейского корпуса.

В Колчаковской армии занимал должность младшего офицера, а с августа 1918 г. — должность командира нестроевой роты в 25-ом Тобольском полку. Мобилизован Тобольским уезд. военным начальником в июне 1918 г. в г. Тобольске.

Участия в карательных отрядах не принимал. Выборных должностей не занимал, но был выбран членом комитета 149-го Черноморского полка. В партии не состоял. Преследованиям при царе, Керенском и Колчаке не подвергался.

Помощь могу оказать культурно-просветительной работой (учителем).

Семья состоит из матери, тетки, 2-х братьев и 2-х сестер. Место их жительства — г. Тобольск, гора, острожная ул., д. № 225. Мать и тетка — нетрудоспособны, брат-студент служит учителем в г. Тобольске, другой брат учится в школе. Сестра старшая служит сестрой милосердия, другая учится в гимназии. Родственников среди бывших офицеров не имею.

Состоял на военной службе в чине подпоручика. В гимназии учился на казенной стипендии. В университете жил уроками. Недвижимым имуществом не владел. К ответственности по суду и в административном порядке не привлекался.

Дело М. Знаменского

Подпоручик пехоты призван комиссией врачей на нестроевую должность. Призыва 1916 г.

Первый раз допрошен Красноярской Чрезвычайной следств. комиссией, при опросе обвинения не предъявлено, и зачислен во 2-ю категорию на гражданскую должность.

После сдачи полка в г. Красноярске был посажен в тюрьму, а затем переведен в городок для военнопленных.

Обещание служить и исполнять обязанности по службе честно даю.

Могу нести службу народным учителем или канцелярскую. Желая служить учителем, а как поправится здоровье, желал бы продолжать образование.

Поручителя указать не могу, за отсутствием связи. В первый офицерский чин произведен по окончании 3-й Петергоф. школы прапорщиков. В Германскую войну участвовал на двинских позициях с февраля 1917 г. 16 августа участвовал в газовой атаке под г. Иллукетом. Мобилизован в Колчаковскую армию в июне 1918 г. в г. Тобольске и назначен в 6-ой Степной полк младш. офицером. Повышения в чинах и орденов не получал. Младшим офицером 25-го Тобольского полка участвовал в 1919 г. в феврале м-це в перестрелках под селом Омитским Соликамского уезда Пермской губ. Из контрразведки не знаю никого. В бытность на фронте все пленные отсылались из рот в штаб полка, а как он поступал с ними, в роты не сообщалось. Перешел на сторону Советской власти в г. Красноярске 6.1.20 г. со всем 25-ым Тобольским полком. До этого времени возможности не предоставлялось, т.к. занимал должность командира нестр. роты, а в армии распространены были случаи, что офицеры, добровольно сдавшиеся, расстреливались.

Михаил Степанович Знаменский

Доброволец рядовой боец в отряде офицеров. Утверждает, что сучувствовал большевикам до прихода чехов в Сибирь. Остался в Тюмени, в Тобольске при захвате белогвардейцами, по его собственным словам добровольно.

Высшей мере наказания.

Члены комиссии (три неразборчивые подписи)

15.V.20 г.

Инцидент на Белоярской пристани

Тонушее большое судно, уходя на дно, тянет за собой все, что плавает близ него. Правда, то, что жизнеспособно, вскоре возвращается на поверхность, снова оказывается на плаву, но в момент катастрофы корабля окружающее пространство находится в «стрессовом» состоянии. Понятный всем пример — крушение корабля по имени «Самодержавная Россия». Но можно найти множество подобных же примеров среднего, малого и мельчайшего «калибров». Всякое уходящее явление чревато своей «революцией». Об одном из них, имевшем место на нашем западно-сибирском Севере, и пойдет речь дальше.

Тему породил интерес автора этих заметок к истории русских старожильческих родов Тобольского Севера. Однажды при просмотре описей одного из фондов Тобольского государственного архива обнаружилось «Дело Тобольского общего губернского управления по ходатайству сургутских казаков о переселении их в станицы Сибирского казачьего войска для понесения службы», начатое в 1882 году и оконченное в 1886 году. Загорелся любопытством: кто же переехал и куда двинулись дальше по сибирским просторам исконно сургутские фамилии, представители которых в минувшие века много измерили собственными ногами зауральских земель? Но, как это нередко бывает, при знакомстве с делом выяснилось, что название его не вполне точно выражает содержание собранных документов, и вопрос возник вовсе не по инициативе казаков, которых вполне устраивала их сургутская жизнь.

Сургутское и березовское городовое казачество выполняло важные задачи в первые века сибирской истории, но со временем его роль охранителя государственных интересов сошла на нет. В первой половине XIX века правительство еще находило кой-какие дела для казаков, но к концу столетия бессмысленность содержания этих казачьих команд стала очевидной. 19

мая 1881 года император утвердил мнение Государственного Совета о целесообразности упразднения казачества в городах Березове, Сургуте и Нарыме и перевода казаков в податное сословие. Тем, кто хотел остаться на службе, предоставлялось право переехать в южные станицы Сибирского казачьего войска — туда, где сохранялась потребность в казачьей службе, но без пособия от казны.

Мало кто из сургутян всерьез задумывался о такой перспективе. За несколько столетий поколения казаков хорошо приспособились к местным условиям и, находясь на государственном содержании, занимаясь рыбным и охотничьим промыслами, небесприбыльно торгуя с ханты, жили вполне благополучно. От добра добра не ищут. Но им, считавшим себя потомками членов дружины Ермака, казалось несправедливым, что их лишают государственного содержания.

Не в одночасье казаки превращались в мещан. С момента их перечисления в мещанское сословие они еще пять лет получали от казны паек, но на эту льготу смотрели лишь как на свидетельство возможности вернуться к своему прежнему положению. И если березовские и нарымские казаки безропотно подчинились воле государя, то сургутяне не протяжении целых десяти лет игнорировали ее, отказываясь называть себя мещанами, не платя податей, регулярно посылая все новые ходатайства в Тобольск, Омск и Петербург, порой со своими представителями, и настойчиво требуя разрешения на прием их депутации государем императором¹.

Своей кульминации конфликт достиг в начале июля 1891 года, когда наследник престола Николай Александрович, проезжавший на пароходе вниз по Оби, остановился на Белоярской пристани близ Сургута. На пристани казаки, если верить официальным документам, устроили настоящий скандал, домогаясь, чтобы его императорское высочество принял их с хлебом-солью отдельно от прочих граждан города — именно как представителей казачества. Вот как изложены подробности этого инцидента сургутским окружным исправником М.Е. Вакариным и тобольским губернатором В.А. Тройницким.

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 40. Д. 10. Л. 3.

Протокол

1891 года июля 8/9 дня, Белоярская пароходная на реке Оби пристань города Сургута Тобольской губернии

При посещении 8-го числа Белоярской пароходной пристани Его Императорским Высочеством Государем Наследником Цесаревичем и Великим Князем Николаем Александровичем, прибывшим к пристани на пароходе «Николай» в сопровождении парохода «Казанец», с соизволения Его Императорского Высочества, Господином Тобольским Губернатором были представляемы к Его Императорскому Высочеству на пароходе депутации от города, округа, инородцев и пр., которые были милостиво приняты Его Императорским Высочеством. Депутации же от *общества* отставных казаков города Сургута, отказавшихся вместе с другими лицами из бывшего Сургутского казачьего сословия участвовать вместе с другими гражданами г. Сургута в поднесении хлеба-соли Его Высочеству и домогавшимися поднесения хлеба-соли отдельно от других для узаконения так сказать своей изолированности от сургутских мещан, к которым они были причислены по упразднении в Сургуте казачьего сословия, в поднесении отдельно от других граждан гор. Сургута было отказано, о чем и было им тогда же объявлено чрез земского заседателя 2 участка Тюменского округа Кузнецова, прибывшего на пристань с 8 человеками низших полицейских служителей по распоряжению Господина Тобольского Губернатора для содействия здешней полиции. Тогда лица, продолжающие себя называть казаками г. Сургута, просили принять от них прошение, что было допущено. Но им этого было недостаточно, им надо было тотчас же добиться узаконения, так сказать, своей обособленности от Сургутского мещанского общества. Тогда эти лица, стоявшие до того против лестницы, спускающейся с яру на самую пристань, и занявшие даже это место без дозволения, а насильно, и неистово кричавшие тут «ура!» с целью обратить на себя преимущественное внимание с парохода, с помоста отправились позади дома мещанина Конева скопом — толпою человек в тридцать, составленную отставными казаками, в фуражках с красными околами, преимущественно: Николаем Алексеевым, Ефимом Буканиным, Ефимом Галактионовым Кайдаловым, Николаем

Яковлевым Клепиковым, Галактионом Степановым Клепиковым, Плешановым, Ефимом Степановым Клепиковым, Егором Клепиковым, Михаилом Долгополовым, Григорьем Кайдаловым, Андреем Лаврентьевым Тарасовым и другими, к трапу, спущенному с кормовой части парохода «Николай», откуда в это время носились с берега на пароход дрова, позади каюты, устроенной на берегу крестьянином Земцовым. Тут «казаки» были усмотрены ишимским мещанином Копосовым, находившимся на платформе. Здесь казаки оттолкнули нижних полицейских служителей (тюменских). Земский заседатель Кузнецов выбежал на угол платформы к загородке, воспрещал «казакам» спускаться к пароходу и просил их обратиться взад, но «казаки» с дерзостью и грубостью на это закричали ему: «Убирайся прочь! Не твое тут дело...» и стали спускаться по берегу, подойдя к амбару с криком «ура!». При этом они кричали, неся хлеб-соль на блюде оловянном и икону: «У нас разве хлеб-соль поганые, что их не принимают? Ваше Императорское Высочество! нас не допускают! Ура... Идите дружно на пароход» — и натиском-стеной двинулись на и.д. Сургутского Окружного Исправника, прибежавшего с пристани по берегу через загородку снизу навстречу «казакам» и запрещавшего им двигаться дальше. Но ничего не помогало, и.д. исправника схватился за шашку, но «казаки» с зверским остервенением прижали его к загородке и несший впереди хлеб-соль Ефим Галактионов Кайдалов и икону Ефим Семенов Буканин, предшествуемые Николаем Алексеевым Кайдаловым, Иваном Ивановым Кайдаловым (Градсков), Андреем Лаврентьевым Тарасовым, под прикрытием с обеих сторон своих «казаков» полошли с криком «ура!» и другими криками почти к самому трапу, но были приостановлены шедшими по трапу людьми с дровами и и.д. исправника, пока с парохода не доспел высланный конвой Его Императорского Высочества, но и тот смог остановить стремительный натиск «казаков» только тогда, когда кто-то был ударен, кажется, из передних шашкою и когда собственный конвой Его Императорского Высочества не обнажил шашек. Тут «сургутские казаки», величающие еще себя «потомками Ермака», начали наносить конвою Его Императорского Высочества грубости и дерзости, а затем, видя, что дальше не пробраться, стали мало-помалу отходить от этого места. Но и в других местах они

продолжали проявлять дерзость и непочтение к прибывшему Великому Гостю. Весь остальной народ был потрясен этим при- скорбным событием, и все старались хоть сколько-нибудь за- мять и скрыть дерзость «казаков». К этому присовокупляется, что по отбытии Его Императорского Высочества с Белоярской пристани из казаков почти никого не было на молебне, совер- шенном в Троицкой церкви в г. Сургуте, о благополучном путе- шествии Его Императорского Высочества, к принятию Его Им- ператорского Высочества на Белоярской пристани «казаки» ни- чего не захотели сделать и ничем — ни средствами, ни трудом — не помогали другим сословиям города и округа, а напротив, на- сколько могли, мешали всем начинаниям — они намеревались учинить такой же скандал на реке против Сургута, но это им не удалось сделать потому, что лодки из Сургута систематично под разными предлогами стягивались на Белоярскую пристань, и на пристани «казаки» отнеслись с дерзостью к увещаниям Господина Тобольского Губернатора и Господ Губернского Прокурора и Начальника Жандармского Управления, — в Сургуте «казаки» отказались дать подписку в объявлении им распоряжения о не- возможности допущения поднесения Его Императорскому Вы- сочеству хлеба-соли от общества казаков и в другом распоряже- нии Господина Тобольского Губернатора об оставлении топки печей в Сургуте в дни, назначенные для прибытия Его Импера- торского Высочества, и если подчинились последнему распоря- жению, то только потому, что было объявлено распоряжение полиции принимать противопожарные меры против всякого появления где-либо огня в эти дни в г. Сургуте. Постановлено о таком сопротивлении распоряжениям Правительства и непови- новении установленным властям лиц, именующих себя сургут- скими казаками, предусмотренном в 263, 264 и 265 ст. Улож[е- ния] о наказ[аниях] и других узаконениях, составить акт и пред- ставить по принадлежности. В протоколе написано Плешанов иначе называется Тверитинов. Настоящий протокол составлен исправляющим должность Сургутского Окружного Исправника Вакариным отчасти на основании собственных наблюдений, от- части на показании посторонних лиц, причем каждый из них мог видеть только часть события, так как таковое совершалось не на одном месте и публика обращала преимущественно взоры

на пароход, а не на «казаков», которые только всему служили помехою; — в том и подписуемся. И.д. Сургутского окружного исправника М. Вакарин. Свидетели, находившиеся на платформе: вр. и.д. начальника Сургутской местной команды поручик Ермолаев 1-й, Клавдия Тверитина, фельдшер Семен Батенев, при высказанных в сем акте действиях сургутских мещан из бывших казаков находился Помощник Сургутского Окружного Исправника Надворный Советник Иван Вахнин, а о том, что еще много особо было замечено во время нахождения г. Исправника под горой у парохода, могу добавить при спросе, Елена Вахнина, псаломщик село-Юганской Богоявленской церкви Федор Орловский, и.д. псаломщика Николай Дмитриев, канцелярский служитель Иван Станевич, ишимский мещанин А. Копосов. Свидетели, находившиеся на пристани: Священник Стефан Тверитин, Священник Владимир Чегаскин, Диакон Гордий Вергунов, псаломщик Флегонт Попов, Анна Тетюцкова, Сусанна Вакарина, член общества спасения на водах сургутский купец Григорий Тетюцкий, сургутский окружной врач Клячкин, Дарья Клячкина, мещанский староста В. Тетюцкий, мещанин Андрей Ф. Силин, священник село-Юганской Богоявленской церкви Василий Тверитин, Секретарь Сургутского полицейского Управления П. Михайлов (находился на платформе).

Верно: и.д. сургутского окружного исправника М. Вакарин.

(ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 13. Д. 106. Лл. 2—5).

Копия

Отд. 1 ст. 1

30 июля 1891 г.

№ 3759

Господину Министру Внутренних Дел

Возвратясь из поездки, совершенной мною для встречи и сопровождения Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича, имею честь почтительнейше донести, что проезд Его Высочества был вполне благополучен.

Пароход, на котором следовал Государь Наследник, приблизился к Сургутской пристани 8 июля в 5 час. пополудни, миновал Тобольск с недолгою остановкою 10 июля вечером и 14 июля в 4 часа пополудни причалил в Омске, Его Высоче-

ство все время находился в вожделенном здравии и поездкой своей остался видимо доволен, соизволил выразить мне при отбытии из Тобольска милостивую благодарность за порядок, соблюденный в городе, а при прощании в Омске изволил ошастливить меня двумя подарками и драгоценными для меня словами: «Благодарю за отличный проезд».

Донося о сем, я не смею умолчать о двух нежелательных случаях, бывших в пути.

Прибыв в г. Сургут для встречи заранее, я был поражен усердием, с которым этот бедный и забытый городок старался, не жалея значительных затрат, украсить пристань; но тут же я узнал, что кроме поднесения хлеба-соли от местного мещанского общества, готовится поднести блюдо и икону отдельная группа мещан, именующих себя доныне казаками и не желающих признавать распоряжение правительства, которым они еще в 1885 году зачислены в мещане.

История этого перечисления подробно известна в министерстве. Последний раз, в 1889 году, при проезде бывшего товарища Министра Внутренних Дел ныне Киевского генерал-губернатора графа Игнатьева казаки эти подали Его Сиятельству прошение о возвращении их в казацье звание. Прощение это было передано мне для доставления сведений, и я от 15 августа 1889 г. доставил подробную записку, причем ввиду давнего беспримерного упорства небольшой кучки людей, не признающих обязательности закона, просил в пример другим выслать административным порядком хотя бы одного мещанина Николая Кайдалова, служащего всегда зачинщиком их смут. Распоряжения на это никакого не последовало.

Призвав ныне к себе троих из бывших казаков, я старался им внушить, что они должны примкнуть к мещанскому обществу для поднесения хлеба-соли, на что получил дерзкий ответ, что они не желают идти с мещанами и если лапотникам позволяют подносить, то им, потомкам Ермака, никто не смеет запретить. Тогда я обещал им доложить Его Высочеству о их желании и требовал только ответа, что они сделают, если Государь Цесаревич не пожелает принять. Они на это заявили, что они будут в голос кричать и просить Его. Испробовав все убеждения и лично, и чрез жандармского полковника и губ[-

ернского] прокурора, бывших со мной, я увидел ясно, что люди эти не останутся произвести шум и испортить впечатление Его Высочеству при первом прибытии Его в губернию. Дозволить им исполнить их желание значило бы вновь поднять их дух и опять на бесконечное время поставить город и полицию в зависимое положение от этой горсти людей, не платящих повинностей и не подчиняющихся никаким требованиям; удалить их силою не представлялось возможным, так как полиц[ейская] сила моя состояла из 12 челов[ек], из которых 8 были привезены мною из Тюмени, а называющих себя казаками было до ста человек; воинская команда в 28 человек находилась в Сургуте, а мы были на пристани в 8 верстах и другого сообщения, кроме лодки, не было; а между тем виднелся уже дым пароходов.

По прибытии Его Высочества, прежде чем Он изволил идти на берег, я счел долгом вкратце доложить Ему положение дела, и Государь Наследник выслал к этим людям офицера из своей свиты для принятия прошения и объявления, что Его Высочество на гору не поднимется и хлеба-соли не примет; а все другие депутации приказал привести на пароход, что и было исполнено.

Когда Его Высочество изволил сесть за обеденный стол пред отходом парохода, мне было доложено, что называющие себя казаками силою ломаются на пароход. Тогда я обратился без шума к князю Барятинскому, и он по моей просьбе послал казачьего офицера с десятком казаков, сопровождавших Его Высочество, для того, чтобы не пускать буянов; но они пробовали прорваться силою и остановились только когда казаки взяли за шашки.

О происшествии этом составлен акт и делу предполагается дать судебный ход и привлечь помянутых мешан, называющих себя казаками, к ответственности; но я позволяю себе вновь высказать мнение, что это беспримерное ослушание прекратится только если нескольких человек из зачинщиков и первого мешанина Николая Кайдалова было бы признано возможным удалить из Сургута.

(Остальная часть представления не относится до беспорядков в Сургуте, почему и не прописывается).

Верно: Вр. и.д. столоначальника Ямзин.

(ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 13. Д. 106. Лл. 6—7)

Мнение губернатора В.А. Тройницкого было уважено. В тобольском архиве хранится дело общего губернского управления по обвинению сургутского мещанина, отставного урядника Николая Алексеевича Кайдалова в подстрекательстве к беспорядкам, из которого видно, что департамент полиции предоставил губернатору поселить главного виновника смуты на два года в одном из отдаленных округов губернии под надзор полиции. Сосланный в Туринский округ, он и оттуда ходатайствовал перед генерал-губернатором, называя себя доверенным сургутских казаков, о перечислении их обратно в казацкое сословие, а также просил возвратить его в Сургут. Ходатайство не было признано заслуживающим уважения.

Николай Алексеевич вовсе не был, как может представиться, молодым, переполненным энергией человеком, в 1893 г. ему было уже 67 лет, и можно только подивиться его стойкости в отстаивании общественного интереса. Летом 1893 г. он был возвращен в Сургут и, как докладывала обязанная негласно надзирать за ним местная полиция, в дальнейшем «вел себя хорошо и ни в чем предосудительном не был замечен». Так закончилась сургутская казачья смута.

Дело, конечно, было не в одном Н.А. Кайдалове. Невозможно себе представить, чтобы к столь незаурядному событию не оказались причастными, хотя бы косвенно, отбывавшие ссылку в Сургуте до конца 1880-х годов революционеры-народники. Лишенные возможности зарабатывать на пропитание и медицинской помощи, обреченные на бездеятельность, они писали дерзкие коллективные письма тому же губернатору Тройницкому, министру внутренних дел, не подчинялись требованиям местной полиции, организовали демонстративный побег двух своих товарищей — А.Н. Лебедева и И.И. Лазаревича, в подготовке которого участвовали и местные жители. Вот что пишет историк сургутской ссылки Ю.Н. Подбельский о политическом влиянии их на местное население: «Оно сказалось в «тлетворных» идеях, зародившихся в головах не одного десятка сургутских жителей, в утрате группую сургутской молодежи былого почтения и трепета перед царской властью, в новых революционных песнях, распевавшихся молодежью и постепенно вошедших в ее репертуар. <...> Было бы преуве-

личением сказать, что эта молодежь целиком восприняла от ссыльных-восьмидесятников их политическую веру и тем более их социалистические взгляды, но она сочувственно прислушивалась к их проповеди и незаметно заражалась от них духом критики и протеста»².

Протест сургутских политссыльных в начале 1888 года против систематического нарушения их прав, безусловно, был примером для бывших казаков. Они увидели возможность непослушания и саму «технологию» противостояния власти, осуществившиеся в их демонстрации на Белоярской пристани в июле 1888 года.

Такова картина события, составленная на основании документов. Но неординарность его породила и литературную, художественную трактовку этого белоярского инцидента.

Обращаясь к прошлому, нередко приходится иметь дело с мифами. Старики говорят со всей убежденностью, что раньше не воровали, не запирали замков, свято берегли природу и т.п., а в старых хрониках, отчетах путешественников и других источниках то и дело натыкаешься на опровержения этой благодостой картины: сообщения о кражах и мошенничествах, свалках навоза на берегах, захламлении лесов, окружающих селения, кедрах, срубленных местными жителями ради нескольких десятков шишек, варварском промысле, когда во время линьки сотни уток, не способных летать, легко добываются с помощью невода, мешках со смолой, спущенных конкурентом-рыбопромышленником в воду, чтобы у соседа не ловилась рыба... Зачем-то нам нужно идеализировать прошлое.

Не дает подлинной картины события и рассказ А.И. Силина «Не угодили». Для читателя, ознакомившегося с публикуемыми документами, очевидно, что историческая основа в этом произведении отсутствует. Впрочем, может быть, это просто шутка. Как бы то ни было, но мы печатаем и рассказ. Различия в интерпретации одного и того же события поразительны, но этот контраст заставляет задуматься: почему подлинная картина события и то, что остается от него в памяти потомков действовавших когда-то лиц, так непохожи?

² Подбельский Ю.Н. Культурное наследие сургутской политической ссылки // Тобольский север глазами политических ссыльных XIX—начала XX века. Екатеринбург, 1998. С. 395.

Не угодили

(По рассказам старого казака Панкина Андрея Ивановича)

Произошло это летом 18... года на пристани Белый Яр.

Сургутский казачий гарнизон собрался по тревоге. Прибежали казаки в свою управу, одетые во что попало: кто в шинели, накинутой на исподнее, кто в форменных штанах, но без гимнастерки, а кое-кто умудрился явиться в бабьем шушуне. Чего греха таить, от формы-то почти отвыкли. Да и к чему форма, если в округе сотни лет никто не баловал, военных оказий не предвиделось.

Не только рядовые казаки, но и атаман со старшинами больше пеклись о промыслах рыбы да дичи, следуя народной мудрости: летний день год кормит. Попробуй в наших местах прожить на одно жалованье — ноги протянешь!

Привыкли казаки собираться в воскресные дни после обедни в своей управе для решения общественных дел. Собирались, как говорится, чинно и важно, в форме, как полагается. Обсуждали касающиеся всех дела. Кому-то надо было помочь избу поправить, где-то дорогу или мостишко починить, когда-то выехать на промысел... Мало ли у казацкой общины забот?

На этот раз тревога случилась в будний день и ранним утром, во время непривычное... Посыльный атамана, как шалый конь, наметом скакал от дома к дому, стучал по ставням окон палкой и кричал:

— Тревога! Атаман к себе требует! Все в управу!

Вспокоенные казаки и казачки соскакивали с мягких перин, в полусне хватали, что было под рукой, напяливали на себя и пускались галопом в сторону управы. Где-то на первой трети скачки, слыша за собой шлепанье босых ног, казак окончательно просыпался, резко тормозил, останавливался, принимал на себя груз упитанной супружницы, хватал ее за плечи и, жарко дыша, шипел:

— К-куда?! Тебя еще там не хватало! — поворачивал ее от себя и, подталкивая в спину, командовал: — А ну пошла домой!

Отбежав на безопасное расстояние, казачка останавливалась и вопрошала:

— Так как же, а вдруг война?

— Я те покажу война! — наступал казак, поднимая над головой увесистый кулак. — Это видишь?..

Казачке ничего не оставалось, как покорно выполнять волю супруга.

Так то было или не так, но через короткое время управа стала наполняться казаками, прибывающими без «хвостов» — не в меру любопытных и напуганных казачек. Постепенно прибывшие успокоились, оседлали все скамьи и табуреты, задымили трубками и самокрутками, да так дружно и поспешно, что вскоре все воздушное пространство управы заполнилось густым и едким облаком крепчайшего самосада.

За столом, накрытым зеленым сукном, возвышался глыбой старый и седой атаман гарнизона Федор Кушников с какой-то бумагой в руках. Рассматривал ее с выражением строгости на лице, поворачивая так и сяк, держа то в близости, то в отдалении. В торце стола притулился шуплый, но самый дотошный в грамоте человек — писарь гарнизона Артемий Кондаков.

— Господа казаки! — начал свое выступление утробным, низким голосом атаман. — Вот. Видите! — Поднял бумагу для всеобщего обозрения. — К нам поступила вот эту бумага. От самого Его Превосходительства губернатора Тобольского. Бумага эта — депеша. Срочная и важная. Артемша! — обратился к писарю. — Читай.

Артемий шустро соскочил с места, подбежал к атаману и принял из его рук бумагу. Подул на нее, погладил. Начал читать звонким тенорком, слышным во всех уголках большого зала.

— «Атаману Сургутского казачьего гарнизона Кушникову. Исправнику Сургутского уезда Дунину-Горкавичу.

Сим уведомляю вас, что из Омска по Иртышу и Оби на пароходе «Святая Мария» изволят путешествовать Наследник Императорского престола великий князь Александр. Их Вы-

сочество, возможно, изъявят желание ознакомиться со службой казачьего гарнизона. Поэтому вам предписывается должным образом подготовиться и встретить Великого соответственно его званию и чину, а также воспрепятствовать выступлению ссыльного и другого неблагонадежного сословия. Вами должно быть проявлено выражение верноподданнических чувств, обеспечения порядка на пристани.

Тобольский генерал-губернатор».

Закончив чтение депеши, писарь передал ее атаману. В зале во время чтения и после стояла напряженная тишина. Нарушил ее атаман.

— Вот такая гумага, эта депеша, — продолжил он свое выступление. — Стало быть, к нам следуют Наследник престола, дело невиданное в наших краях. Как будем встречать? — пристально обвел он взором напуганных казаков и не без ехидства в голосе продолжил: — Эх, вырядились! Небось, строй позабыли? Казачью справу захламили, шашки затупили? Папахи на верхонки перешили? Надо бы не шушуны бабские на себя напялить, а юбки... Эх-хе-хе!

Слушая укоры своего атамана, казаки опускали головы все ниже и ниже: кто чесал затылок, кто отводил глаза в сторону. Но находились и те, кто смело смотрел в глаза своему предводителю, улыбался и про себя говорил: «Все верно говоришь, атаман, да только сам-то каков! Не больно похож на боевого казака. Оброс лохмами, как лешак на болоте. Сидишь тут, словно кочка, и китель на тебе торчит, как зипун на огородном пугале...».

— Но, но! — гаркнул атаман, как будто прочитав эти озорные мысли. — Чаво тарашитесь? — Помолчал, побряхтел и примирительно продолжил: — Оно, конечно, порядки казачьи мы забывать стали... Надо того, этого самого... навести порядок в форме, оружии, в строю. — И громко, как будто проснувшись, отчеканил: — Чтобы показаться Его Высочеству в самом лучшем виде! Как об этом думаете, казаки?

Такой оборот речи и мыслей атамана подстегнул присутствующих. Все загалдели, начали соскакивать с мест и кричать:

— Встретим, как положено!

— Не подведем!

— Приведем в порядок!

Постепенно затихая, казаки стали высказывать более детальные мысли и, наконец, приняли решение: что делать, кому, где и как.

А решение было следующее:

построить на пристани Белый Яр деревянные сходни от самого верха и до воды, где ляжет трап парохода;

навести порядок и чистоту в пристанской деревне;

привести в надлежащий вид казацкую справу и оружие;

выбрать из числа рослых казаков воинский наряд для несения почетного караула;

установить на высоких мысах берега Оби посты наблюдения и оповещения о приближении парохода «Святая Мария»;

хлеб и соль преподносит атаман;

дорогие меха, икру, осетровые балыки и другую снедь преподносит купечество;

порядок среди чиновного люда и прочих сословий обеспечивает исправник с полицией

На пристани Белый Яр кипела работа по подготовке встречи наследника. Что представляла собой эта пристань? Да почти ничего. На высоком песчаном берегу, почти у самого среза, торчало несколько старых, но довольно крепких еще пней, которые верой и правдой служили креплениями для чалок, поданных с пароходов или барж. С самого верха яра и почти до воды была прорыта широкая и пологая траншея, по которой можно было без особого напряжения поднимать и опускать грузы. Этим и заканчивались все пристанские сооружения. Наверху, в некотором отдалении от края среза, стояло несколько амбаров. В них складировались купеческие товары и казенное имущество. Далее от амбаров, прижимаясь к опушке соснового бора, ютилось несколько небольших изб, в которых жили пришлые люди. Взрослые из этих семей занимались охраной амбаров, погрузкой и разгрузкой товаров на прибывающие и отбывающие посудины. Ввиду того, что погрузочно-разгрузочные работы были только в летнее время и не так часто, заработки от таких работ не обеспечивали содержания семей, взрослое, и не только взрослое, население было занято

различного рода промыслами: изготовлением саней, дуг, корзин, туесов из дерева и бересты.

Приход пассажирского парохода не только для жителей Белого Яра, но и для большинства сургутян был явлением редким и праздничным. Прознав каким-то образом о приходе парохода, сургутяне, способные бегать, пускались в семиверстный пробег, чтобы полюбоваться белой шипящей и парящей громадиной, поглазеть на нарядных бар, заполнявших балконы высокой палубы, испить кружку-две пенного «базарного» пива или заморского вина, а потом в течение длительного времени при встречах и на посиделках впадать в приятные воспоминания о виденном и скушанном. Ах, как интересно! Ах, как вкусно! Ах, как приятно!

Организацией работ среди местного люда занимался исправник Дунин-Горкавич. Перед началом работ он собрал все местное население и произнес такую речь:

— Мужики и бабы! Слушать, что я вам скажу! К нам на пристань на пароходе «Святая Мария» изволят прибывать не кто-нибудь, а Его Высочество великий князь, наследник императорского престола Александр. Поняли меня? Хорошо, что поняли. Так вот вам, мужикам и бабам, надлежит готовиться к этому. Что надо делать? Все мужики пойдут со мной и будут помогать казакам. Там, на месте, скажут, что делать. Здесь главная работа для вас, бабы! Надо навести порядок на улице, у изб. Ворота, калитки, наличники выскоблить ножами и вымыть. У изб поставить скамейки. Всю скотину со дворов убрать! И Боже сохрани, чтобы слышалось карканье ворон. Расплодили эту мерзость! Сопливое население должно быть заперто в избах и чтобы не показывали свои носы в окнах. Когда прибудет пароход, всем сидеть на скамеечках у изб, одетым во все чистое и опрятное. А если Их Высочество изволят прогуляться по деревне, не зевать, а при виде его вставать, кланяться и улыбаться. Еще раз спрашиваю: поняли меня?

— Поняли, ваше скородие, — ответствовали мужики и бабы.
— Сполним все в аккурат, как приказываете.

— То-то же! — подытожил исправник и во главе мужиков двинулся к пристани, а бабы начали выполнять предписание: мести, трясти, скоблить, мыть, перетаскивать все подальше с

глаз долой, чтобы не застило, а потом на поводках и ремнях начали тащить упирающуюся, рычащую, бякающую животиною, и тоже подальше в лес... Кто-то начал бабахать из дробовика по испуганным, дико и хрипло орущим воронам.

А тем временем на пристани казаки уже строили из смолистых сосен сходни от верхнего среза яра до самой воды, где должен лечь трап с парохода.

Сходни — это лестничные марши в сочетании с площадками, на которых можно было передохнуть при подъеме на высокий берег, на них же предполагалось поставить наряды почетного караула казаков, лестницы и площадки украшались резными перильцами работы лучших мастеров по дереву. На лестницах и площадках предполагалось также постелить ковры и ковровые дорожки.

Стоял солнечный и знойный полдень, когда дозорные начали зажигать дымные костры, извещая о появлении на дальних плесах Оби парохода «Святая Мария». На высокой колокольне церкви Святой Троицы раздался мощный голос стопудового колокола, а за ним последовал перепев множества других колоколов. Этот перезвон являлся сигналом для последующих действий сургутян. Они немедленно срывались с насиженных мест и начинали семиверстный пробег до Белого Яра.

Не прошло и часа, как они — тут как тут. Раскрасневшиеся, потные, еле переводящие дух, они не медля стали приводить себя в порядок: мыть ноги на протоке (в почтительном отдалении от пристани), отряхиваться и чиститься от налипшей в пути разной несуразности. Оглядев друг друга самым тщательным образом с разных сторон и с разных позиций, они уже спокойно и чинно заняли места на пристани и на положенном для них месте. И когда из-за высокого лесистого мыса выплыл белоснежный красавец пароход, украшенный множеством флагов и вымпелов, на пристани и во всей пристанской деревне наступила благоговейная тишина ожидания.

Все было готово. Все начеку! Весь верхний обрез Белого Яра был заполнен нарядным народом. Впереди стояли чиновники с женами, казачки, купцы и купчихи. За ними — мещане и прочий люд. Все с полевыми цветами. В центре перед началом сходен находились соответственно положению и званию

атаман Кушников с обнаженной головой, с хлебом и солью на расшитом полотенце, при трех Георгиях и шашке; рядом с ним справа и слева богатырского роста казаки-ассистенты, также при регалиях и шашках, в белых мерлушковых папахах; за атаманом — исправник в белоснежном мундире и протоиерей Троицкого храма в ризовом облачении с крестом в руках; далее — купечество с дарами. По сторонам площадок — почетный караул из рослых казаков в казацких летних мундирах при регалиях и шашках.

По условиям, оговоренным на казачьем круге, атаман и все следующие за ним должны начинать спускаться по сходням только тогда, когда в пролете появится наследник, и встреча должна состояться на нижней площадке. Не учли казаки, казалось бы, сущего пустяка — разницы длины сходен и трапа, и эта ошибка оказалась для них роковой.

Воздух огласился продолжительным мелодичным гудком парохода. И звук его, усиленный эхом, долго повторялся над гладью речных просторов и бархатом бесконечной тайги. Пароход «Святая Мария», управляемый бравым капитаном, начал швартоваться у причала пристани.

Встречающие с огромным напряжением и любопытством следили за всеми маневрами парохода, за движениями команды, разглядывали разряженную многочисленную публику, заполнившую верхнюю палубу, тщетно разыскивая наследника императорского престола.

Вот уже и швартовы закреплены, и трап поднят, и гвардейцы — охрана наследника — выстроились по бокам широкого нарядного трапа, а он все еще не показывался. Больше всех, кажется, испытывал волнение атаман: мелкая тряска началась в руках, держащих солидный каравай, что-то мутное, как легкая завеса, нет-нет да и появлялось в глазах, и пот струйками начинал скатываться по лицу. Так прошло несколько минут.

Но вот, наконец, в пролете парохода появилась фигура человека, в которой все присутствующие сразу же признали того, кого ждали. Да, это был он — наследник русского императорского престола, великий князь Александр — высокий, широкоплечий красавец с окладистой темно-русой бородой, в

белом мундире и белой фуражке, без каких-либо регалий на необъятной груди, но в эполетах, сияющих золотом. Он шел спокойно под руку с супругой. И берег, и лес, и речные просторы огласились восторженными криками всех, кто присутствовал на этой встрече. Встречающие поднимали высоко над головами разноцветные платки, бросали с высокого берега цветы навстречу высоким гостям.

Мощный вид наследника на какое-то время парализовал атамана, и он замешкался, никак не мог начать движение вниз, а когда начал это движение, наследник вместе со свитой подходил уже к концу трапа. Атаман зашпешил, и ему вместе со своими людьми удалось спуститься до средней из трех площадок, но было уже поздно. Наследник стоял на нижней площадке и ожидал приближения атамана. Один из сановников приблизился к наследнику и, что-то прошептав ему на ухо, извлек из широкого обшлага мундира белый платок, вытер потное лицо и взмахнул платком. Этот взмах атаман принял за сигнал: стой на месте! — и снова допустил ошибку, остановился...

Создалась нелепая обстановка: наследник со свитой стоял внизу, а атаман со своей командой вверху. Так длилось несколько минут, за которые постепенно угли и прекратились восторженные приветствия. Лицо наследника мрачнело все более и более. Атаман окончательно потерял присутствие духа и еле стоял на ногах. Казаки почетного караула, теряя положенную неподвижность, начали поворачивать головы то на атамана, то на наследника, не понимая происходящего. Наступила тишина на всей пристани, предвестница чего-то неотвратимого и грозного.

И это неотвратимое наступило: наследник с супругой резко повернулись назад и поспешно скрылись в пролете парохода. За ними последовала вся свита. Так же поспешно был убран трап, сброшены чалки, и пароход «Святая Мария» без прощальных гудков отвалил от Белоярской пристани. Все это происходило в зловещей тишине. Атаман уже ничего не видел и не слышал. Он еле держался на ногах, поддерживаемый своими ассистентами. Подбежавшие казачки успели подхватить теперь уже никому ненужные хлеб и соль, которые чуть не

выронил из рук старый атаман. Казаки хмуρο смотрели вслед пароходу. Исправник вытирал большим платком обильно скатывающийся с обнаженной головы пот. Священник мелко крестился и шептал какую-то молитву. На высоком срезе Белого Яра творилось что-то непонятное. Купцы почти бегом уносили дары в свои амбары. Боясь, как бы кто в этой суматохе их не сцапал, обыватели сдергивали с себя нарядные одежды и пускались в обратный семиверстный путь, но теперь уже не бегом, а тихим шагом, чтобы в дороге поделиться между собой своими впечатлениями и выводами. Солнечный яркий день превратился в неприятный и хмурый, безрадостный и горький...

В родных пенатах под колпаком полиции

Да, имел место такой, казалось бы, курьезный, но для России конца XIX века не единичный факт: уроженец Сургута революционер-народник Иван Иванович Папин (1849 — после 1906) спустя 36 лет после рождения вновь оказался в этом городе — не по своей воле, а как государственный преступник, для отбывания наказания.

Каким ветром занесло его родителей в Сургут? Отец, Иван Алексеевич Папин, происходил из казаков. Начав службу в 1825 году в Тобольском городском казачьем полку, он постепенно поднимался по служебной лестнице и в 1844 году был в должности хорунжего назначен управлять казачьей сотней в Сургуте, где и родились его дочь Аполлинария и сын Иван. В Сургуте И.А. Папин дослужил положенный срок, был исключен из казачьего сословия, уволен в гражданское ведомство и, успешно выполнив несколько поручений губернатора, летом 1852 года был определен казначеем в Тюменское окружное казначейство¹. Здесь семья осела надолго.

Иван Иванович Папин

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 10. Д. 932. Формулярный список о службе Тобольского окружного казначейства казначея коллежского секретаря Ивана Алексеева Папина. Апреля 12 дня 1858 года.

*Иван Иванович Папин.
Фото предоставлено Тюменским
областным краеведческим
музеем*

Сыновья И.А. Папина учились в Тобольской гимназии и по крайней мере трое из них — Иван, Василий (р. 1855) и Алексей (р. ок. 1859) стали участниками революционного движения.

Иван Иванович учился в Тюменском уездном училище, потом в Тобольской гимназии, которую окончил в 1869 году. Есть такая интересная подробность: Папин-гимназист принадлежал к числу активных участников музыкальной жизни Тобольска. Так, во время концерта, устроенного в начале 1867 г., он пел арию Вани «Бедный конь в поле пал» из оперы Глинки «Жизнь за царя».

серенаду Булахова, русские песни².

В 1869 г. он поступил на юридический факультет Московского университета, из которого в 1872 г. перевелся вольнослушателем в медико-хирургическую академию в Петербурге, а вскоре ушел и оттуда. В апреле 1873 г. держал экзамен на степень кандидата в Петербургском лесном институте, но не выдержал.

С 1872 г. И.И. Папин состоял в кружке «сибиряков-автономистов» своего соученика по Тобольской гимназии А.В. Долгушина, участвовал в собраниях, на которых обсуждался вопрос о пропаганде в народе. В июле 1873 г. переехал в Москву, а оттуда — на дачу Долгушина в Звенигородский уезд, где участвовал в печатании долгушинских прокламаций, а осенью этого же года распространял их среди крестьян в Московской, Калужской и Смоленской губерниях. Во время ареста в сентябре 1873 г. при нем было найдено 70 экземпляров прокламаций. В июле

² Пухова Е. Из истории музыкальной культуры Тобольска // Югра. 1995. № 6. С. 8.

1874 г. И.И. Папин по обвинению в напечатании преступных воззваний и их распространении с целью возбуждения к восстанию против верховной власти был признан виновным. После чтения приговора на Конной площади в Петербурге о лишении всех прав (гражданской казни) начались скитания по каторжным тюрьмам: Ново-Борисоглебский и Ново-Белгородский центры, Мценская пересыльная тюрьма. И, наконец, оттуда летом 1880 г. отправлен на поселение в Якутскую область. Жил в Амгинской слободе, вместе с В.Г. Короленко занимался земледелием. По докладу министра внутренних дел, высочайше утвержденному 29 февраля 1884 г., «во внимание к хорошему поведению» причислен в разряд сосланных на житье с водворением на жительство в Тобольскую губернию и с восстановлением некоторых утраченных по суду прав. В начале 1884 г. выехал в Тюмень, откуда 7 марта 1885 года водворен на жительство в Сургут. В 1886 г. переведен в Тюмень. В 1891 г. состоялось постановление о применении к нему высочайшего манифеста, в силу чего был освобожден от ссылки с ограничением места жительства и без восстановления прав. В 1890-х годах жил под негласным надзором в Тюмени, где служил писцом,

Иван Иванович Папин с Алексеем (на руках) и Марией Алексеевной Папиной (Шамовская) с Володей (стоит).

Первая половина 90-х гг.

Фото предоставлено Тюменским областным краеведческим музеем

а потом секретарем в паровой конторе Игнатова и Курбатова, был причислен к мещанскому обществу. В 1903 г. освобожден от негласного надзора.

Таковы вехи жизненного пути И. И. Папина, одного из первых в России народников-пропагандистов.

В Тобольском государственном архиве хранится дело политссыльного Папина³, из которого мы публикуем несколько документов, относящихся ко времени поселения его в Сургуте и переезда оттуда в Тюмень.

* * *

Его Превосходительству
Господину Тобольскому губернатору
политического, сосланного на житье
в Тобольскую губернию,
Ивана Иванова Папина

Прошение

Возвращаясь из Якутской области в Тобольскую губернию, я совершенно расстроил свое здоровье и в настоящее время по болезни остановился в городе Тюмени, где находятся и мои родные: мать, жена только что умершего скоропостижно брата с четырьмя малолетними детьми. Как я по состоянию своего здоровья, так и родные мои, оставшиеся без ильца-кормильца, нуждаемся во взаимной помощи друг друга, так что житье порознь было бы величайшим несчастьем для всех нас. Так как я назначен на житье в Тобольскую губернию вообще, то я покорнейше имею честь просить Ваше Превосходительство назначить местом моего пребывания город Тюмень, о чем и известить меня в возможно скором времени. Город Тюмень, 1885 года, февраля 12 дня. Прошение это доверяю подать брату М. Папину.

*Политический, сосланный на житье
в Тобольскую губернию
Иван Иванов Папин.*

³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 10. Д. 146. Дело о применении к ссыльному поселенцу И. Папину действия Манифеста 15.05.1883 г. и о водворении его на жительство в Тобольскую губернию. 1884—1891 гг.

* * *

Его Превосходительству
Господину Тобольскому губернатору
сосланного на житье в Тобольскую губернию
Ивана Иванова Папина

Прошение

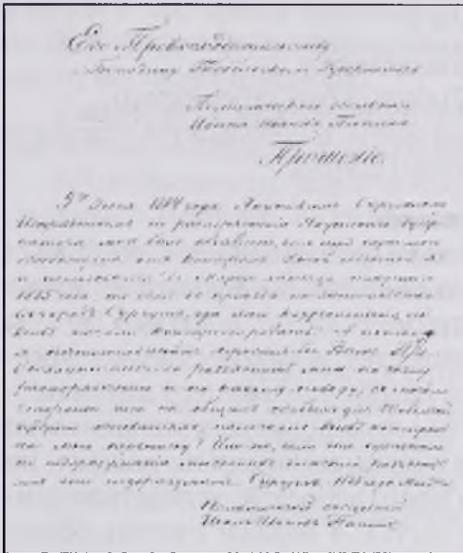
Почтительнейше прошу Ваше Превосходительство разъяснить мне мое настоящее положение как сосланного на житье в Тобольскую губернию. По примеру других я должен был бы приписаться к мещанскому обществу, к какому только пожелаю, с правом получать по мере надобности паспорт для разъездов по Сибири. Но мне назначен город Сургут, в котором хотя я и родился, но не имею там в настоящее время ни родных, ни знакомых и где по состоянию моего здоровья, вследствие климатических условий города Сургута, я должен считать облегчение участи, дарованное мне Высочайшим манифестом, за величайшее отягчение против прежнего моего положения в Якутской области. А потому имею честь почтительнейше просить Ваше Превосходительство войти в мое положение и ходатайствовать пред министром о том, чтобы мне было можно прописаться в Тюмени (где находятся теперь все мои родные и моя престарелая мать) или Ялуторовске с правом разъезда по Сибири. 1885 года, февраля 25 дня.

*Сосланный на житье в Тобольскую губернию
из политических ссыльный
Иван Иванов Папин.*

Его Превосходительству
Господину Тобольскому Губернатору
Политического ссыльного
Ивана Иванова Папина

Прошение

9-го июня 1884 года Якутским Окружным Исправником по распоряжению Якутского губернатора мне было объявлено, что моя переписка освобождена от контроля. Этой льготой я и пользовался до марта месяца текущего 1885 года, то есть до приезда на жительство в город Сургут, где мою корреспонденцию вновь на-

чали контролировать. А потому я почтительнейше просил бы Ваше Превосходительство разъяснить мне, по чьему распоряжению и по какому поводу, с моей ли стороны или на общих особых для Тобольской губернии основаниях, наложен вновь контроль на мою переписку? Или же, если это произошло по недоразумению местных властей, разъяснить им это недоразумение. Сургут. 1885 года, мая 24 дня.

Политический ссыльный
Иван Иванов Папин.

* * *

Временно и.д. начальника
Тобольского губернского жандармского
управления
11-го января 1888 г.,
№ 38

г. Тобольск

Секретарю
Господину Тобольскому губернатору

В заведываемом мною сем Управлении получены сведения, что подвергнутый по Высочайшему повелению каторжным работам за составление вместе с другими лицами прокламации, направленной к возбуждению явного неповиновения Верховной власти и бунту, ныне состоящий под гласным надзором полиции в г. Тюмени государственный преступник Иван Папин приобрел большое влияние в среде местного общества, с которым находится в обширном знакомстве и бывает во многих домах; таким образом Папин видимо играет роль как бы вполне равноправного человека. Кроме того, Папин бывает и в общественном клубе, где принимает участие в танцах и даже является распорядителем происходящих в нем развлечений;

так, 6 числа сего месяца в том же общественном клубе была устроена елка лицами, считающими себя представителями Тюменского общества; в среде таких-то лиц был и Папин, причем он, несмотря на настоящее положение свое как лица заведомо поднадзорного, руководил розыгрышем вещей и выкликал номера билетов, словом, представлял собою самое выдающееся лицо с заметным проявлением тут же в кружке его близких знакомых своего на них влияния.

О вышеизложенном доводя до сведения Вашего Превосходительства на тот предмет, что не признаете ли Вы со своей стороны возможным ввиду того, что означенные отношения упомянутого Папина к Тюменскому обществу и также к нему могут повлечь за собой крайне вредные проявления в политическом отношении, переместить его из гор. Тюмени в другой более соответствующий по надзору за ним город Тобольской губернии, так как при означенных условиях жизни Папина в Тюмени далее оставаться в сем городе он, по моему мнению, не может.

Ротмистр Исполатов.

* * *

30 января 1888

Совершенно секретно

В собственные руки

Его Превосходительству Господину
Тобольскому Губернатору
Тюменского Округного Исправника

Рапорт

На предписание от 13 января за № 37 Вашему Превосходительству почтительнейше имею честь донести, что состоящий под гласным надзором полиции в г. Тюмени государственный преступник Иван Папин состоит на службе в конторе пароконства Игнатова и К° и бывает у сослуживцев по конторе, которых семейств до сорока, имеет родственников со стороны жены казначея Николая Александровича Попова и других из влиятельных купеческих домов, между ними считается за человека равноправного и от которых ввиду гуманного обращения пользуется уважением, но особого влияния на общество вообще и со-

служивцев в частности, как мне кажется, не имеет. Чаше всего Папин бывает у управляющего конторою купца Николая Китаева, находится с ним в большой дружбе и пользуется его покровительством и у вдовы Юхневой, сын которой учится в Тюменском реальном училище, а дочь служит учительницей при приходском училище и имеет большую дружбу с женой Папина.

6-го числа января я в клубе не был, но впоследствии узнал, что Папин членом-распорядителем управляющим конторою купца Игнатова и К° купцом Николаем Китаевым был приглашен в помощь при розыгрыше на елке вещей и по его поручению вынимал номера билетов, по окончании чего танцевал с детьми. Ранее этого за мое служение Папин в клубе не бывал.

Кроме службы Папина в конторе пароходства, которая дает ему приличные средства, других занятий не имеет.

Жена Папина ранее действительно была учительницею, но в настоящее время в этой обязанности не состоит и ничем не занимается, влияния на воспитанников учебных заведений, насколько я проследил, не имеет.

По видимому Папины ведут жизнь скромную и в политическом отношении пока благонадежны. Круг знакомства Папиным с тюменским обществом был приобретен вследствие больших родственных связей до моего прибытия в Тюмень.

Сейчас я усилил надзор за Папиным и что-либо будет мной замечено неблаговидного в политическом отношении, то я буду иметь честь почтительнейше донести Вашему Превосходительству немедленно.

Окружной исправник Попов.

* * *

Его Превосходительству
Господину Начальнику Тобольской губернии
Дворянина Ивана Иванова Папина

Прошение

Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство войти с ходатайством к кому следует о выдаче мне паспорта на свободное проживание в пределах Европейской и Азиатской России, за исключением столиц и столичных гу-

берний на основании ст. VII пун[кта] 7 Высочайшего манифеста 15 мая 1883 года, так как 29 июля 1889 года исполнится пятнадцать лет со дня вступления приговора, по которому я был осужден, в законную силу; ибо в ст. VII п. 7 манифеста изложено следующее: «...даровать право для сосланных на житье в Сибирь по истечении пятнадцати лет со дня вступления приговора в законную силу, — свободного избрания места жительства в пределах Европейской и Азиатской России за исключением столиц и столичных губерний и без восстановления в правах», но в правах я уже был восстановлен на основании ст. XIV, п. 2 того же манифеста по особому Высочайшему докладу Г. Министра Внутренних Дел.

Г. Тюмень.

31 мая 1889 г.

Дворянин Иван Иванов Папин.

* * *

Министерство Внутренних Дел

Департамент Полиции

По «5» делопроизводству

16 октября 1891 г.

№ 4311

Копия

Г. Тобольскому Губернатору

На основании Всемилостивейшего Манифеста 15 мая 1883 г. и Именного Высочайшего Указа Правительствующему Сенату 17 апреля сего года и по рассмотрении обстоятельств дела о сосланном на житье в Тобольскую губернию государственном преступнике Иване Иванове Папине признаю возможным ввиду засвидетельствованного Вашим Превосходительством удовлетворительного поведения названного ссыльного применить к нему 7 пункт VII ст. Всемилостивейшего Манифеста 1883 г. и ст. 5 пун[кт] 6 Высочайшего Указа 1891 г., в силу коих Папину, за истечением в 1889 г. пятнадцатилетнего срока со дня вступления состоявшегося о нем приговора в законную силу, ныне же может быть предоставлено право свободного избрания места жительства, за исключением столиц и столичных губерний, но без восстановления в правах, причем Папину может быть выдан паспорт без наименования «из ссыльных», а равно без отметок о судимости и красных литер о лишении прав.

Вместе с сим, на основании 1 и 16 Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, Папину воспрещается пребывание в университетских городах, Твери и Нижнем Новгороде в течение трех лет.

Об изложенном имею честь сообщить Вашему Превосходительству вследствие отношения от 2 июля сего года за № 891 для зависящих распоряжений и объявления Папину, прося о последующем уведомить Департамент Полиции. Подлинно за надлежащим подписом.

Верно.

Вр. и.д. столоначальника Ямзин.

Иван Александрович Якушев

Якушев Иван Александрович (24.06.1884, г. Сургут Тобольской губ. — 11.11.1935, Прага), политический и общественный деятель. Окончил Омскую гимназию. Обучаясь в Омской центральной фельдшерской школе, приобщился к революционному движению. Затем уехал в Среднюю Азию (Ферганская область), где работал в переселенческом управлении. В 1905 г. за агитацию среди крестьян был арестован, бежал в Ташкент, где в 1907 г. вступил в партию социалистов-революционеров (ПСР). В 1910 г. Ново-Маргеланским (Ферганским) окружным судом осужден на поселение в Восточную Сибирь и сослан в Иркутскую губернию. В 1912 г. переехал в г. Иркутск, работал писарем при секретаре городской управы. С 1914 г. секретарь продовольственной комиссии городской думы. Издавал журнал «Иркутский кооператор». В июле 1917 г. от местной группы организации ПСР избран гласным Иркутской городской думы, а вскоре стал председателем Иркутского городского продовольственного комитета. С марта 1917 г. один из создателей и активный член местной группы областников-автономистов. Участник областнических съездов, проходивших в октябре и декабре 1917 г. в Томске. Был арестован в составе 20 депутатов Сибирской областной думы первого созыва. На нелегальном заседании Сибирской областной думы в ночь на 29 января 1918 г. заочно был избран ее председателем. До 19 июня 1918 г., начала антибольшевистского восстания белочехов в Красноярске, содержался в местной тюрьме. После свержения советской власти в Сибири возглавил Сибирскую областную думу, которая одобрила передачу исполнительной власти 30 июня 1918 г. от Западно-Сибирского комиссариата Временному Сибирскому правительству во главе с П.В. Вологодским. С сентября 1918 г. находился в оппозиции правительству. Опираясь на поддержку белочехов, предпри-

нял попытки отстранить министра финансов И.А. Михайлова, затем — предотвратить роспуск Думы. 19 сентября 1918 г. вместе с группой министров прибыл в Омск, пытаясь воспользоваться ситуацией и изменить состав Административного совета, сделав правительство подотчетным Думе, но попытка оказалась неудачной. 10 ноября 1918 г. под нажимом Директории Сибирская дума была вынуждена «самораспуститься». Якушев уехал на Дальний Восток, где жил в Харбине и Владивостоке, работал во Всесибирском союзе земств и городов (Сибземгоре), в Союзе сибиряков-автономистов, в котором был членом Дальневосточного комитета. В январе 1919 г. был избран почетным председателем Дальневосточного съезда земств и городов, состоял членом Дальневосточного отдела Всесибирского союза земств и городов. В ноябре 1919 г. участвовал в неудавшемся антиколчаковском перевороте во Владивостоке. В 1920 г. выпускал газету «Дальневосточная жизнь» (Владивосток). В том же году выехал в Чехословакию, проживал в Братиславе, Праге. Организатор и руководитель Общества сибиряков в ЧСР (1926—1935), редактор-издатель журналов «Вольная Сибирь» и «Сибирский архив» (ГАРФ. Ф. 5871. Оп. 1. Д. 1. Л. 3—13; Личные документы Якушева; Д. 207. Л. 1—2; Печатные материалы, некрологи: Hoover Institution Archive. Moravskii V.I. В. 11. Ф. 8; Биография И.А. Якушева; см. также: *Шиловский М.В.* Три жизни Ивана Якушева // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке: теория, история, практика; Мат. регион. науч. конф. Новосибирск, 2000. С. 205, 206).
(*Аблажей Н.Н.* Сибирское областничество в эмиграции. Новосибирск, 2003. С. 240—241).

Об авторе и его работе

Вениамин Ефимович Клячкин (1858 — после 1928) был одним из наиболее образованных сибирских врачей своего времени. Окончив естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета в 1884 году и медицинский факультет Московского университета в 1889 году, он всю свою жизнь врача посвятил Сибири. После нескольких лет службы на севере Тобольской губернии Клячкин поселился в 1893 г. в Таре, а в середине 1907 г. переехал в Омск, где занимал должности помощника директора и директора фельдшерской школы, заведовал городским санитарным бюро, руководил военно-санитарными курсами, преподавал в медицинском техникуме и в институте.

Будучи специалистом широкого профиля, как и большинство провинциальных врачей того времени, В.Е. Клячкин в особенности проявил себя как инфекционист и санитарный врач. В тобольских газетах не раз печатались сообщения о его полезном участии в подавлении эпидемий холеры, тифа, дифтерита, о новаторских опытах в этой области. В ноябре 1896 г. он участвовал в съезде врачей-специалистов по венерическим заболеваниям в Санкт-Петербурге и, по-видимому, выступал с докладом, т.к. в следующем году «Тобольские губернские ведомости» опубликовали в пяти номерах его большую статью «Мысли о страшном народном недуге», в которой дан обзор заболеваемости сифилисом по всей губернии и, в частности, в ее северной части.

С первых же лет службы В.Е. Клячкин заявил о себе как о серьезном исследователе «Санитарным очерком г. Сургута Тобольской губернии». Его доклад на эту тему в виде краткого реферата был сообщен на заседании Томского общества естествоиспытателей и врачей, а в 1894 г. опубликован в сборнике трудов общества.

Взяться за эту работу Вениамина Ефимовича заставила слабая изученность санитарно-гигиенических условий сибирских городов вообще и северных в особенности. У него возникла мысль собрать статистические данные о Сургуте и по ним судить о населении города и его

жизненных условиях. Своим трудом он хотел побудить к подобным же исследованиям коллег из других городов.

Начал Клячкин с составления опросного листа (он состоял из 39 вопросов) и съемки плана города, на который были нанесены все дома. Затем в начале ноября, во время осенней распутицы, когда все население находилось в городе, он приступил к подворному обходу, в итоге которого выяснил численность жителей Сургута и их состав. Если кого-нибудь врач не заставал дома при первом посещении, то приходил и второй раз, и третий. Наряду с материалами этой переписи Клячкин использовал для своего очерка сведения из метрических книг местной Троицкой церкви за последние 28 лет, из дел мещанской управы, полицейского управления и от отдельных лиц.

В результате получилось обстоятельное исследование, в котором, благодаря широкой любознательности автора, оказался затронутым гораздо более широкий круг вопросов местной жизни, чем в узкопрофессиональной медико-статистической работе. Очерк оказался ценным свидетельством современника обо всех важнейших сторонах быта сургутянина в конце XIX века.

Ввиду значительного объема работы она воспроизводится здесь лишь частично, опущены главы «Сведения географические», «Климат», «Квартиры», «Половая зрелость женского населения города Сургута», «Иммиграция и эмиграция», «Браки», «Смертность», «Прирост населения, средняя продолжительность жизни», содержащие сведения преимущественно специального характера и большое количество таблиц.

Санитарный очерк г. Сургута Тобольской губернии (по статистическим данным)

3. Расположение города, улицы, дома

Город Сургут расположен на возвышенном месте. Поверхность земли неровна и представляет во многих местах небольшие холмики и ямы, значительный скат с восточной стороны города к западной, к реке Бардаковке, и в некоторых местах небольшой скат к Сайме.

Все строения города занимают площадь в 61 десят. 100 саж. Кроме того, в распоряжении города имеется еще около 3739 десятин земли, из которых 2299 десятин под покосами и выгонами, 176 десятин под дровяным лесом, 280 дес. 130 саж. под водами и 1008 десятин неудобной земли¹. Площадь, занимаемая строениями, напоминает собою фигуру неправильного параллелограмма, самую длинную сторону которого составляет р. Бардаковка, параллельную сторону более короткую — р. Сайма. Один острый угол параллелограмма упирается в Бардаковку, другой в устье Саймы. Из тупых углов один граничит с полем, другой находится при устье Бардаковки. Соответственно такой конфигурации самые длинные улицы идут параллельно Бардаковке, самые короткие — перпендикулярно к ней. Из последних те длиннее, которые в центре города. Всех улиц в Сургуте 12. Улицы прямые, широкие. Ширина улиц так велика, что превосходит высоту стоящих по их сторонам домов в два, три раза. Грязи почти никогда не бывает, так как вода по скатам быстро удаляется в Бардаковку и Сайму. Только в углублениях между буграми вода застаивается, особенно весною во время таяния снега. Летом все улицы покрыты зеленою травою: в это время года езды по городу на лошадях почти не бывает, а прибывающие в город на лодках пешком отправляются на свои квартиры, вещи переносят на руках. Части улиц, ближайшие к домам, часто подметаются. Единственно, что загрязняет улицы, это коровы и овцы, которые находят себе на улицах удобные пастбища. Зимой все улицы покрыты снегом, а для пешеходов остаются такие узенькие дорожки, что можно проходить только одному человеку. Точно так же и дороги, ведущие к Сургуту, весьма узкие и удобны только для одной лошади или для пары, запряженной гусем. Чаше ездят на одной лошади: лошадей мало, да и лошади плохо приучены к езде гусем. После каждого выпавшего снега домохозяева тщательно очищают от снега ворота своего дома, образуя широкий подъезд; некоторые очищают даже значительную часть своего двора и улицы. Снег редко вывозят, чаще оставляют по сторонам ворот, где он образует высокие стены. Иные дома, стоящие на пути господствующих зимою ветров, заносятся снегом почти до крыши.

Всех зданий в Сургуте 217, в том числе две православные церкви — одна каменная, другая деревянная и одна часовня. Жи-

¹ См.: *К. Голодников*. Тобольская губ. 1892. С. 178.

лых домов 194. Старых, пустых и новых неоконченных еще домов 15. Кроме того, один дом занимает полицейское управление, один мужское училище, два больницы и два Мещанская управа с пожарной командой. Дома одноэтажные, невысокие, только 7 домов двухэтажных. Все дома деревянные, построены из соснового и елового леса, большею частью не обшиты и крыты тесом. В каждом доме обыкновенно помещается одно семейство, редко два, в таком случае дом разделен на две половины. Даже двухэтажные дома построены каждый для одного семейства. На каждый жилой дом, не считая казарм для солдат, приходится 5,9 человека. Дома стоят довольно далеко друг от друга. Дом вместе со своими надворными постройками обнесен забором и составляет, таким образом, отдельный двор. Иногда в состав одного двора входит несколько домов одного и того же хозяина или родственников. Всех надворных построек в Сургуте 509. Сюда входят бани, амбары, погреба, лавки, сараи и сортиры. При 18 домах не имеется никаких надворных построек. Такие дома стоят большею частью особняком и даже не обнесены забором.

— Бани имеются на 58 дворах с 75 домами. Это особые невысокие зданьица с одним, редко двумя небольшими, темноватыми окошками, состоят из двух комнат — предбанника и собственно бани. Предбанник маленький, темный и часто холодный. Вход в него прямо со двора. Собственно баня представляет комнату довольно теплую, но пол в ней холодный: из-под него дует, так что мыться приходится на полках. Вода заранее готовится в двух кадках, в одной горячая, в другой холодная. Грязная вода уходит под пол, между досками которого имеются большие щели, из которых сильно дует. Долго оставаться в бане невозможно — угарно. Топятся бани каждую субботу и накануне больших праздников. Жители, не имеющие собственной бани, пользуются чужою обыкновенно бесплатно.

— Погребов, амбаров и сараев, кроме казенных хлебных амбаров, 358. В среднем от одной до двух таких построек на каждый дом.

— Лавок 8, в том числе 2 ренсковых погреба. Лавки помещаются или в самих домах, или в амбарах на дворе. Товар в лавках разный, специализации нет. В лавке можно найти товар и мануфактурный, и колониальный, и галантерейный, и проч. Больше всего в

лавках встречается товару годного для остяков, с которыми местные торговцы ведут главную торговлю. Есть много товара, который привозят для местных чиновников. В ренсковых погребах продается водка местной очистки, наливка преимущественно тобольского приготовления и разные дешевые русские и заграничные вина, продающиеся здесь по довольно высокой цене. Для дробной продажи вина имеется один кабачок. Его посещают главным образом остяки, приезжающие в Сургут для сдачи ясака, продажи торговцам пушнины, получения муки из казенного магазина или для другой какой-нибудь цели. К числу надворных построек следует еще отнести особые помещения для сортиров. Стульчаком в них служит доска с отверстием в середине. Как из-под доски, так и со стен дует свободно ветер. Выгребные ямы часто переполнены и редко чистятся. И такой сортир в Сургуте считается роскошью для простого народа. Правда, в некоторых более богатых домах имеются несколько лучшие сортиры. Но теплого сортира, кроме больницы, нигде нет. В огромном большинстве сургутских дворов вовсе нет сортиров. Жители таких дворов пользуются задними частями двора, и эти места почти никогда не чистятся. Помойных ям не имеется. Нечистоты выливаются или у самого дома, или около речек. Навоз со дворов сваливается зря. Для помещения скота и защиты его от холода почти каждый домохозяин устраивает на берегу речки Саймы, очень близко от города, особые хлева, загороди. Это особый дворик, загороженный жердями и вмещающий в себе небольшой сарайчик. Последний сколачивается из тонких, не плотно прилегающих друг к другу бревен. Плоская крыша такого хлева служит сеновалом. В зимнее время скот помещается внутри сарая, весной и в начале лета на дворике. Летом же, по спаде вод, скот выгоняется на пастбища по ту сторону р. Оби, где и остается до выпадения снега. Пространство между отдельными хлевами и речкой Саймой представляет собою огромную навозную кучу, растущую с каждым годом. Попадают здесь также трупы падших животных.

5. Одежда, обувь, пища и питье

Одежда сургутян почти ничем не отличается от таковой же обыкновенного низшего класса городского населения. Только зимою в большие морозы, а также во время зимней езды они одевают поверх платья «кумыш». Это шуба из оленьего меха,

вывороченного шерстью наружу; она имеет вид мешка с небольшим отверстием для лица и широким с противоположной стороны. Кумыш одевается через голову и покрывает не только все тело почти до ступни, но и голову, и ручные кисти. Достоинство кумыша состоит в том, что он сшит наглухо, нигде не застегивается и через него не продувает. Одевается он и снимается легко и быстро. Обувью служат обыкновенные сапоги, пимы или валенки и бродни. Валенки носят в продолжение всей зимы и в дороге, и на улице, и даже дома. Бродни — длинные непромокаемые сапоги, одевают весною во время охоты на уток, гусей и других птиц, а также летом и осенью во время рыбной ловли. Во все же остальное время носят сапоги. Белье обыкновенно бумажное, меняющееся довольно редко.

Пища сургутян состоит большею частью из ржаного хлеба, картофеля и рыбы, чаще соленой, чем свежей. Мясо, по малочисленности скота и бедности жителей, употребляется в пищу редко, только в большие праздники. Оно плохого качества, тощее, безвкусное, вследствие плохого состояния местного скота. Скот питается одним только сеном, крайне плохим, похожим скорее на солому, и другой пищи не получает. Доставать мясо можно только зимою. В это время жители охотнее бьют¹ скотину, рассчитывая сбыть все мясо если не сейчас, то спустя некоторое время, так как оно не испортится. Зимою привозят еще иногда мясо из Тобольска ямщики, приезжающие за рыбными обозами. Но и это мясо плохое, хорошего не привезут, пользы мало. Весною жители Сургута употребляют в пищу дичь, преимущественно уток, а также и гусей. За полным отсутствием поздней весною и в начале лета мяса приходится пользоваться утками во всех видах. Их и жарят, и варят, и из них пекут пироги. Кроме того, их солят и в соленом виде едят все лето. Некоторые оставляют соленых уток и гусей для закусок на всю зиму. Летом, как сказано, мяса в Сургуте вовсе нет. Скот убивается только по просьбе местных чиновников и для них же самих. Прибавим еще, что в это время — до спада вод и рыбы не бывает, и мы поймем, как плохо тогда питается население. Молоко жители употребляют только с чаем, остальное продают. Чаю пьют много и часто, все

¹ Особой бойни для убивания скота нет, каждый бьет у себя на дворе.

О чистоте и говорить нечего.

кирпичного и без сахара. Яйца идут преимущественно в продажу. Водку употребляют в весьма малом количестве и только в праздники. Пьяные попадают крайне редко.

Водою жители г. Сургута пользуются, вследствие дальнего расстояния р. Оби, из речки Бардаковки, сливающейся весной с речкою Саймой. Берега Саймы у самого города сильно загрязнены отчасти свалом туда нечистот, хотя и для этого отведено особое место, отчасти устройством здесь же загородей и хлевов для скота. Накопившийся навоз лежит около хлевов, частью сваливается в Сайму, где и оседает, вследствие слабого течения и мелководья, на дно. Тут же устроено и кладбище, настолько переполненное, что при копании свежей могилы трудно найти свободное место. Если судить по месту, откуда начинается Бардаковка, можно было бы заключить, что в ней вода чистая и вполне годная для употребления, но берега этой речки во многих местах служат местом свала нечистот и кроме того р. Сайма сливается с Бардаковкой сильно портит воду последней. Тем не менее зимою делают на Бардаковке две проруби: одна для мытья белья, другая снабжает жителей питьевой водою. При полном почти отсутствии движения воды в Бардаковке значительная часть загрязненной воды смешивается с питьевой и, следовательно, портит последнюю. Правда, прорубь для питьевой воды делают ближе к истокам, но это мало помогает. К самому концу зимы или, лучше сказать, в начале сургутской весны, в апреле месяце, многие жители, особенно более богатые, перестают пользоваться этою водою для питья, признавая ее вредною, и запасаются на весну льдом, который промывают, оттаивают и употребляют исключительно для пищи и питья. От систематического анализа воды я вынужден был отказаться за отсутствием лаборатории. Температура воды в проруби в марте месяце была 0° , а дома в кадке спустя час после того, как ее принесли, 1° по Р. Рассматривая воду в высоком бесцветном стеклянном сосуде сверху вниз, она казалась мутною с желтоватым цветом. Подогретая до 40° и подщелоченная раствором едкой щелочи, вода оказалась без запаха. Неприятного вкуса она не имеет. Синяя лакмусовая бумажка, оставленная в воде на две минуты, заметно покраснела. При кипячении воды в продолжение четверти часа мути не появилось, следовательно, жесткости нет, вода мягка. Для определения ко-

личества кислорода, потребного для окисления органических веществ, содержащихся в ней, был взят раствор марганцовокислого калия 1:2500 и прилито 80 гран воды, подкисленной 5 каплями серной кислоты. Раствор марганцовокислого калия приливался по каплям к воде, которую кипятили. При этом до появления легкого постоянного розового окрашивания пришлось прилить этого раствора 8 капель, т.е., произведя соответственное вычисление, количество кислорода, потребовавшегося для окисления органических веществ в 80 гр. воды, а затем на литр, равняется 0,0077 грамма, т.е. около восьми миллиграммов, почти втрое больше нормального количества, так как, по Смоленскому¹, легко окисляющиеся вещества хорошей воды не должны поглощать больше трех миллиграммов кислорода на один литр воды.

Этих немногочисленных и не вполне точных данных, конечно, недостаточно для суждения о качестве питьевой воды, и мы можем сказать лишь, что наша вода не соответствует требованиям гигиены.

Кроме воды, жители употребляют еще квас, который имеется почти во всех домах и почти всегда.

6. Занятия жителей: торговля, промышленность, земледелие и скотоводство

Занятия жителей однообразны и несложны. Зимой рубят дрова и доставляют их на Белоярскую пароходную пристань, находящуюся в 7—8 верстах от города. Это занятие сургутянин считает самым прибыльным, дающим ему чуть ли не все средства к жизни. Белоярская пристань поглощает около 4000 сажень дров в год, что доставляет жителям заработок в 4—5 тысяч рублей (сажень дров ценится около 1 р. 20 к.), кроме того, небольшое количество дров жители доставляют местным чиновникам и приезжим.

Весною жители занимаются охотой. Главные предметы охоты суть утки и гуси. Уток ловят в так называемых перевесьях. Для этого вырубает в лесу просеку и на высоте двух аршин от земли в горизонтальном направлении прикрепляют к деревьям, стоящим по обеим сторонам просеки, редкую сеть около 5—6 сажень в длину и ширину, которая и служит основанием, подтоном. Пер-

¹ См.: Справочная книга для врачей. 1890. Т. I. С. 268.

пендикулярно к подтону и поверх его подвешивается на блоках другая тонкая и густая сеть, перевес. Вышина его от 6 до 7 сажень, ширина соответствует ширине просеки, около 6 сажень. Внизу на земле сбоку помещается охотник. Он держит в руке палочку, замыкающую концы веревок, перекинутых через блоки и привязанных к верхним концам перевеса. Как только охотник замечает приближение уток к перпендикулярной сети, он вынимает палочку, веревки освобождаются, и перевес от привязанной к нему тяжести падает на подтон. В образовавшемся от давления самих уток и падения перевеса мешке утки запутываются. Отсюда их наскоро вынимают, убивши предварительно в самом мешке, и снова поднимают сеть для следующих партий уток. Убивание уток совершается зверским образом: их хватают за головки и сквозь сеть перекусывают зубами верхнюю часть головки, поражая таким образом мозг. Ловля уток происходит при вечерней и утренней заре, в темное время, приблизительно от 10 до 11 и от 12 до 2 часов ночи. В другое время утки замечают перевесы и летят выше их или в сторону; от 11 до 12 час. ночи они вовсе не летают. Ловятся утки преимущественно для собственного употребления. В больших размерах их добывают только вдали от города, в округе. Охота на гусей не так прибыльна. Для нее устраиваются гусиные шалашики, т.е. где-нибудь на сору¹ выкапывается в земле яма, которая покрывается крышкой, снабженной большим количеством отверстий. Крышка закрывается полотном, по цвету похожим на окружающий песок. В яме помещается охотник с ружьем, а около ямы ставятся гусиные чучела для приманки, причем эти чучела должны быть обращены головой против ветра. Когда гуси подлетают и садятся возле чучел, охотник стреляет в них через сказанные отверстия. Более простой способ устройства таких шалашиков состоит в том, что охотник обставляет себя со всех сторон и сверху елками и стреляет через отверстия между ними. Описанные способы охоты на уток и гусей жители находят гораздо более выгодными, чем стрелять в птиц на лету. Да и мало найдется у нас умеющих стрелять влет. На других птиц — рябчиков, тетеревей и проч. охотятся мало и редко.

В конце лета и осенью жители занимаются рыболовством, сборанием ягод и орехов и ставят сено.

¹ Сором называется равнина, затопляемая водою.

Рыболовство развито значительно. Но большинство населения мало добывает рыбы вследствие отсутствия надлежащих рыболовных снастей, малого количества рабочих рук в каждой семье, а также вследствие лени и беспечности. Добывается, главным образом, щука и небольшое количество язей. Часть рыбы оставляется для собственного употребления, большую же половину продают местным торговцам, в руках которых находится настоящая рыбная промышленность. Они арендуют у остяков песок, т.е. часть земли у берегов р. Оби или ее притоков, устраивают здесь рыбопромышленные заведения и нанимают рабочих, снабжая их всеми необходимыми для ловли рыбы снастями. На песке устраиваются помещения для рабочих, для хозяина, для соления рыбы, бани и проч. Ловля начинается обыкновенно по спаду вод, т.е. в конце июля, и продолжается до 20-го сентября, когда вся соленая рыба вместе с посудой отправляется на последнем пароходе в Тобольск. Для сохранения рыбы живой устраиваются садки, где она остается до первых морозов, и тогда отправляют ее мерзлой в Ирбит на ярмарку или в Тобольск. Санитарное состояние этих заведений оставляет желать многого. Помещения для рабочих — тесные, темные, пища плохая, состоящая из рыбы, хлеба и чаю, и распределение рабочих часов — неудобное. Работать заставляют и в праздники. Сменной одежды не имеется, а мокрое платье сохнет на самом рабочем. Плату рабочие получают малую. Встречается и хищнический способ рыболовства, состоящий в загораживании речек, куда рыба уходит метать икру. Обыкновенные породы рыб, добываемых в р. Оби, следующие: 1) осетр, попадающийся иногда весом до 3 пудов и более и редко меньше полпуда; 2) стерлядь, по большей части мелкая; 3) муксун, более крупная и дорогая рыба; 4) сырок; 5) язь и, наконец, 6) щука. Доход с рыбопромышленных заведений, судя по количеству добываемой в них рыбы, вероятно, значительный. Некоторые торговцы, не имеющие заведений, скупают рыбу у остяков и у местных жителей.

Собиранием ягод — морошки, черемухи, черники, голубики, брусники и пр. занимаются преимущественно женщины. Больше всего собирают черемухи и брусники, ягоды идут только для местного употребления.

Орехи, собственно кедровые, — один из главных видов промышленности Сургутского края. Ко времени их созревания жители целыми семьями отправляются в лес добывать кедровые шишки и собирают иногда изрядное количество. Орехи сбываются местным торговцам преимущественно в сыром виде, т.е. не высушенными. Небольшую часть жители оставляют себе на зиму. Торговцы же покупают орехи по всему округу, главным образом у остяков, за весьма дешевые цены и отправляют их в Тобольск, где продают с большим барышом. Часто пуд орехов, покупаемый у нас за 1 руб. — 1 руб. 50 коп., продается в Тобольске за 3—4 рубля.

Сенокос начинается довольно поздно. Начало его находится в зависимости от времени спада воды, которая затопляет все луга. Раньше середины августа сенокос обыкновенно не начинается, позднее же бывает; например, в прошлом году, вследствие сильного разлива и позднего спада воды, сенокос начался в сентябре месяце, и то еще трава была очень маленькая и не вполне годная. Вследствие этого накосили весьма мало сена, которого далеко не хватило на всю зиму. Ставлением сена занимаются как мужчины, так и женщины. Накошенное сено жители оставляют на месте в стогах и перевозят его в Сургут зимою, так как луга находятся довольно далеко от Сургута, на другой стороне р. Оби, и лодками перевозить неудобно. Привозят осенью домой только такое количество сена, которое достаточно для скота до первых морозов.

Другие занятия жителей, как продажа съестных припасов на Белоярской пристани, служба в качестве прислуги и рабочих у проезжих или у торговцев, составляют удел весьма немногих сургутян. Ремесленным трудом как специальностью жители не занимаются. Правда, есть кое-какие плотники, столяры, сапожники и проч., но этими ремеслами они занимаются в свободное время. Торговцы промышленляют еще пушшиной, т.е. звериными шкурами. В строго определенное время несколько раз в год они отправляются в округ к остякам для приобретения звериных шкур, рыбы и орехов. Путешествия эти совершаются каждый раз незадолго до сбора ясака, обыкновенно раннею весною, осенью и зимою. Торговец везет с собою предметы первой необходимости, которые и меняет на шкуры и рыбу. Цены на свои товары торгов-

цы ставят произвольные. Часто приобретается таким образом не только весь наличный остяцкий товар, но остяк еще остается у торговца в долгу, получая от него товар в счет будущих благ. Мена оказывается выгодною для торговцев, но не для остяков, которые по своему добродушию, наивности и в силу традиции относятся с полным доверием к своим quasi-благодетелям. Пушной товар торговцы покупают еще в самом Сургуте во время ярмарки, бывающей в конце декабря месяца. К этому времени приезжают в Сургут остяки и самоеды. Если побывать в это время в Сургуте человеку, не посвященному в существование в городе ярмарки, он бы никак не предполагал о существовании ее. Ярмарочный торг происходит исключительно на дворах 3—5 местных торговцев. Иностранцы со своим товаром приезжают прямо к торговцам на дом, где продажа происходит семейным образом. Постороннему человеку, незнакомому, иностранцы не продают. Из звериных шкур в Сургутском округе и в городе приобретаются, главным образом, беличьи, лисьи, соболя, медвежьи, выдровые. Вся пушнина отправляется в Ирбит на ярмарку, иногда же продается в Тобольске, смотря по ценам в Ирбите.

Хлебопашества ни в Сургуте, ни в его округе в настоящее время не существует, хотя попытки в этом направлении были. Так, в 1851 году священник В. Кайдалов приступил к распашке земли и два года занимался хлебопашеством. Результаты его остались неизвестными. Равным образом неизвестна и причина, почему он бросил свои земледельческие труды. Затем в 1853 году 1-го июня есаул Невзоров¹ посеял в окрестностях города Сургута, по реке Сайме, два пуда ячменя и две пудовки овса и 20-го августа собрал 13 пудов первого и 12 последнего. В следующем году из засеянных им по два пуда озимого хлеба, а также ячменя и овса было собрано по 13 пудов каждого. С 1855 года Невзоров по неизвестной причине покончил свои земледельческие труды несмотря на то, что Императорское вольно-экономическое общество наградило его большою серебряною медалью за труды его по развитию хлебопашества на отдаленном севере Сибири. Других попыток около самого Сургута не было, но верстах в 60 от города, в с. Юганском, священник И.Я. Тверитин занимался хлебопашеством 12 лет, с 1856 до 1868 года, и

¹ См.: Сибирский листок. 1894. № 24.

пришел к тому заключению, что здесь может хорошо родиться только озимый хлеб. Засевался хлеб не раньше 14 июля и не позже 27 августа. В конце же августа или в начале сентября пашня покрывалась уже зеленью. По отзывам свящ. Тверитина, ранний посев озимого хлеба в Сургутском крае более удобен, так как засеянные семена имеют более времени «раскорениться» в земле и противостоять зимним холодам. Около Сургута, по р. Сайме, оказалось до 29 десятин удобной для хлебопашества земли. Начальство со своей стороны принимало всевозможные меры, чтобы привлечь население к хлебопашеству. Собраны были сведения об удобных для земледелия местах, лежащих в пределах Сургутского округа, отведено было Невзорову 6 десятин земли, исходатайствовано в 1861 году Высочайшее разрешение о награждении И.Я. Тверитина в вечное и потомственное владение расчищенной им под пашню землею в количестве 15 десят. 1499 саж. Земледельческие труды Невзорова и Тверитина были также поощряемы Императорскими Вольно-экономическим и Географическим обществами, а также Московским обществом сельского хозяйства избранием в действительные члены и награждением медалями, но, несмотря на все это, хлебопашество у нас не привилось. Священник Кайдалов и Невзоров бросили свои занятия; приступившие к хлебопашеству по примеру свящ. Тверитина Силины, Кондаковы и Тетюцкий получили не вполне удачные результаты и отказались от земледелия; потомство свящ. Тверитина тоже этим не занимается. Заметим, что хлебная торговля сильно развита в Сургуте. Торговцы в Сургуте и даже в с. Юганском находят выгодным закупать каждый год большое количество хлеба, следовательно, спрос на хлеб большой, но, несмотря на это, хлебопашество не прививается. Надо полагать, что как сами сельские хозяева, так и их соседи не находили никакой выгоды в хлебопашестве. Быть может, случайно и было два-три удачных урожая, но в общем урожаи, вероятно, были плохие. Яровые хлеба вряд ли могут здесь удачно произрастать при таком малом количестве безморозных ночей. Озимый же хлеб в некоторые годы может дать хороший урожай.

Огородничеством жители занимаются усердно. Почти каждый домохозяин имеет свой огород, а некоторые и по два. Всех огородов в городе 161, все они маленькие, по нескольку грядок в каждом, и

расположены частью около домов, частью на окраине города. Засеивается один только картофель, который потребляется местно. Огурцы, редька, репа, лук и т. п. овощи могли бы свободно произрастать, но их не сеют из боязни или, скорее, вследствие уверенности в том, что их растащат раньше, чем они созреют. Таскать овощи из чужих огородов — обыкновенное местное явление и воровством не считается. Занимаются этим делом преимущественно дети. Только редким счастливым удается изолировать свой огород и пользоваться собственными огурцами и другими овощами, но огурцы здесь белые, безвкусные. Картофель же родится в большом количестве и прекрасного качества.

Количество скота

В 19 квартирах нет ни одной лошади и ни одной коровы; затем в 12 квартирах имеется только по одной корове. Всех лошадей в Сургуте 553, из которых около 120 у местных торговцев и около 433 приходится на долю всего населения. На каждую душу мужского пола обычного населения приходится 1,1 лош., на одного работника — 1,8 лош., и на один дом — 2,8 лош. Всех коров в Сургуте 432, т. е. на одну мужскую душу 0,9 кор., и на один дом — 2,2 кор. Кроме того, в Сургуте имеется 87 овец и 46 собак. На каждый двор приходится 0,4 овцы и 0,2 собаки. Количество скота значительно уменьшилось в последнюю зиму вследствие бессенницы. Многие убивали своих коров, потому что нечем было кормить их. За недостатком сена приходилось кормить скот «талом»: разрезали кору тальника на мелкие кусочки, прибавляли воду и соль и этим кормили скот. Некоторые держали своих лошадей в поле на подножном корму, где, при неглубоком снеге, они питались «ветошью» — остатками растительности прошлого года. Раннею весною многие угнали в поле и своих коров, около которых и устроили себе жилища. Много лошадей и коров пало. Можно положительно сказать, что четвертая часть сургутского скота погибла в последнюю зиму.

8. Состав населения

По переписи, произведенной в конце 1890 года, в гор. Сургуте оказалось 1178 человек; из них 557 мужчин и 621 женщина, следовательно, на 100 мужчин приходится 111,5 женщины. Но в число

мужчин мы включили 33 солдата местной команды, временно проживающих в Сургуте. Если исключить это число, то на 100 мужчин обычного населения придется 118,5 женщины. Преобладание женщин в населении над мужчинами представляет обыкновенное явление. Оно замечается как в большинстве европейских государств, так и во всех почти губерниях России. Однако этот перевес нигде почти не достигает такой громадной цифры, как в Сургуте. Так, в большинстве государств Европы¹ перевес женщин над мужчинами доходит максимум до 9,5%. В России по десятой ревизии на 100 мужчин приходится 104,8 женщины. Северные губернии России дают большой перевес (107,8), чем другие губернии. Еще сильнее замечается перевес только в некоторых уездах Московской губернии, где получаются цифры 112, 115 и даже 117 на 100, но тут это явление легко объясняется: мужское население часто уходит на промыслы и не живет дома. В Сургуте же отхожих промыслов нет, а если и отправляются на рыбную ловлю, за орехами, на сенокос и проч., то зачастую вместе с женским населением. Кроме того, во время произведенной мною переписи все жители были дома, а если кто на короткое время куда-нибудь по близости и уехал, напр., в лес по дрова, то таковой записывался. Значительный перевес женщин над мужчинами в Сургуте, вероятно, объясняется большею смертностью мужчин, как мы это увидим в главе о смертности.

Распределение населения по возрастам представлено в таблицах № 14 и 15.

№14. Возраст населения

Возраст	Обоего пола	Отдельно		%	
		муж.	жен.	муж.	жен.
1	2	3	4	5	6
До одного месяца	4	2	2	0,3	0,3
От одного до 3 месяцев	6	4	2	0,7	0,3
От 3 до шести месяцев	8	4	4	0,7	0,6
От шести месяцев до 1 года	43	20	23	3,6	3,7
От 1 года до 2 лет	30	15	15	2,7	2,4
От 2 до 3 лет	25	11	14	1,9	2,2
От 3 до 4 лет	30	11	19	1,9	3,0

¹ См.: Тамбовский уезд: Диссерт., 1885.

1	2	3	4	5	6
От 4 до 5 лет	18	10	8	1,8	1,3
От 5 до 8 лет	78	36	42	6,4	6,7
От 8 до 10 лет	45	22	23	3,9	3,7
От 10 до 12 лет	49	26	23	4,6	3,7
От 12 до 15 лет	76	25	51	4,5	8,2
От 15 до 20 лет	119	59	60	10,6	9,7
От 20 до 25 лет	114	70	54	12,5	8,7
От 25 до 30 лет	107	50	57	8,9	9,2
От 30 до 35 лет	80	43	37	7,7	5,9
От 35 до 40 лет	86	40	46	7,1	7,4
От 40 до 45 лет	59	26	33	4,6	5,3
От 45 до 50 лет	53	25	28	4,5	4,5
От 50 до 55 лет	33	12	21	2,1	3,4
От 55 до 60 лет	37	15	22	2,7	3,5
От 60 до 65 лет	35	15	20	2,7	3,2
От 65 до 70 лет	19	10	9	1,8	1,4
От 70 до 75 лет	4	2	2	0,3	0,3
От 75 до 80 лет	4	1	3	0,2	0,5
От 80 до 85 лет	4	2	2	0,3	0,3
От 85 до 90 лет	0	0	0	0	0
От 90 до 95 лет	3	1	1	0,2	0,2
Всего	1178	567	621		

**№15. На 1000 человек населения
приходится разных возрастов**

	Сургут			Россия по Буныковскому			Европа по Янсопу		
	Муж.	Жен.	Об. п.	Муж.	Жен.	Об. п.	Муж.	Жен.	Об. п.
0-5 лет	138,2	140,1	139,2	154,0	149,5	151,7	120,0	121,0	123,5
5-10 лет	104,1	104,7	104,4	121,0	118,3	120,1	111,4	107,2	109,3
10-15 лет	91,6	119,1	106,1	108,7	107,2	107,9	98,2	94,6	96,4
15-20 лет	105,0	96,6	101,0	101,5	101,7	101,6	87,6	90,0	88,8
20-25 лет	125,5	87,0	105,2	91,4	90,7	91,0	84,2	88,2	86,2
25-35 лет	166,9	151,3	158,7	150,6	143,5	147,0	148,7	150,3	149,5
35-45 лет	118,5	127,2	123,0	113,9	107,8	110,9	122,6	123,2	122,9
45-55 лет	66,4	78,8	72,7	76,3	75,3	75,9	101,1	101,2	101,2
55-65 лет	53,3	67,6	61,1	53,3	69,6	61,4	69,7	70,0	79,3
65-75 лет	21,5	17,7	19,5	22,5	30,0	27,3	38,0	39,1	38,5
75-85 лет	5,4	8,0	6,8	5,0	5,7	5,3	11,2	12,5	11,9
85 и выше	1,8	1,6	1,7	0,9	0,7	0,8	1,3	1,7	1,5

Определение возрастного состава населения важно в экономическом и санитарном отношении. От большего или меньшего количества рабочего возраста зависит благосостояние населения. Большее или меньшее количество стариков и детей указывает некоторым образом на качество смертности. Если считать рабочий возраст от 20 до 52 л., полурабочий от 15 до 20 л. и от 55 до 65 л., а остальные возрасты нерабочими, то на 1000 чел. населения получим: рабочих 477 мужчин, 444 женщины и 460 обоого пола; полурабочих 159 мужчин, 164 женщины и 162 обоого пола; нерабочих 362 мужчины, 361 женщина и 377 обоого пола. Таким образом, рабочих и полурабочих возрастов у нас в среднем довольно большое число, оно больше, чем в России вообще и чем во многих губерниях России в частности. Нерабочих же, наоборот, не особенно много, меньше, чем во многих других местностях. Большое количество производительных сил весьма выгодно для населения, так как последнее не должно затрачивать значительно труда на содержание нерабочих возрастов. Жаль только, что производительные силы в Сургуте пропадают почти даром, как об этом можно судить по занятиям жителей. В раннем детском возрасте до 5 л. и в возрасте 5—10 л. Сургут дает меньший процент населения, чем Россия, по Буняковскому, и больше, чем Европа, по Янсону. В возрасте 10—15 л. процент нашего мужского населения меньше России и Европы, а женского гораздо больше. С 15 до 45 л. цифра сургутского населения превосходит таковую же цифру в России и Европе: с 45 до 75 л. процент населения значительно падает, гораздо сильнее, чем в других местах России и в Европе. В этом возрасте, преимущественно с 45 до 65 л., особенно убывает в Сургуте мужское население, что зависит от большей смертности последнего. Возрасты 75—85 л. у нас превосходят русские цифры, поменьше европейских, от 85 и больше превосходят те и другие, но старше 95 лет нет ни одного. Разбирая в отдельности детский возраст, мы находим в нем три *maximum'a*. Первый у детей от 6 до 12 месяцев, второй от 5 до 8 лет и третий от 12 до 15 лет. Во всех трех повышениях девочек больше, чем мальчиков, причем это превосходство заметно возрастает с каждым повышением.

Для определения среднего возраста живущих мы взяли сумму полных лет, прожитых всеми жителями до нашей переписи, и разделили ее на число жителей. При этом получили средний возраст для мужчин 25,6 лет, для женщин — 26,1 и обоего пола 25,9 л. Но так как мы брали число полных лет, а остатки отбрасывали, то означенные цифры несколько меньше действительных. Числа эти во всяком случае немаленькие, особенно если принять в расчет, что больше трети населения составляют дети.

Семейное состояние населения представлено в табл. № 16, из которой видно, что мужчин больше всего женатых и затем добрачных, т.е. детей и юношей до 16 лет, женщин же больше всего добрачных и затем уже замужних. Вдов у нас втрое больше, чем вдовцов. Перевес женщин в группе вдовых наблюдается почти везде. Это обусловливается тем, что вдовому мужчине легче жениться, чем вдовой женщине выйти замуж. Наибольшее количество вдов относится к возрасту от 45 до 65 л., именно к тому возрасту, в котором мужчин у нас больше умирает, чем женщин. Кроме группы вдовых, преобладание женщин над мужчинами заметно в добрачном возрасте: девочек больше мальчиков. Этими двумя группами и объясняется численный перевес женщин над мужчинами.

№16. Состав населения по семейному состоянию

Возраст	Добрачных до 60 лет		Холостых и девиц		Женатых и замужних		Вдовых	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
От 0 до 16 лет	296	225	—	—	—	—	—	—
От 16 до 20 лет	—	—	50	54	—	6	—	—
От 20 до 25 лет	—	—	53	31	16	23	—	—
От 25 до 30 лет	—	—	12	15	37	39	1	3
От 30 до 35 лет	—	—	7	6	34	29	2	2
От 35 до 40 лет	—	—	3	4	36	37	1	5
От 40 до 45 лет	—	—	1	1	21	21	4	11
От 45 до 50 лет	—	—	—	1	24	14	1	13
От 50 до 55 лет	—	—	—	—	12	8	—	13
От 55 до 60 лет	—	—	—	2	9	7	6	13
От 60 до 65 лет	—	—	1	—	10	7	4	13
От 65 до 70 лет	—	—	—	—	6	—	4	9
От 70 до 75 лет	—	—	—	—	1	—	1	2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
От 75 до 80 лет	—	—	—	—	1	—	—	3
От 80 до 85 лет	—	—	—	1	—	—	2	1
От 85 до 90 лет	—	—	—	—	—	—	—	—
От 90 до 95 лет	—	—	—	—	—	—	1	1
Всего	196	226	127	115	207	191	27	89
% на общ. число	35,2	36,4	22,8	18,5	37,2	30,7	4,8	14,4

По вероисповеданию (табл. № 17) все сургутское население, как мужчины, так и женщины, православные. Имеющиеся в весьма ограниченном количестве магометане, евреи и католики (все они вместе составляют 0,8% всего населения) временно живут в Сургуте.

№17. Вероисповедание

	Правосл.	Магомет.	Евреев	Католик.	Всего
Мужчин	548	4	3	2	557
Женщин	620	—	1	—	621

Сословное деление жителей представлено в табл. №18.

№18. Состав населения по сословиям

	Бывших казаков и их семейств (теперь они все мещане)	Крестьян и их семейств	Ссылных и их семейств	Мещан коренных и их семейств	Иностранцев			Дворян с семействами	Духовного звания	Солдат и их семейств	Всего
					Остяков	Татар	Самослов				
Мужчин	315	48	36	78	10	4	—	12	9	45	557
Женщин	366	84	31	93	11	—	2	9	15	10	621

Мещане г. Сургута делятся на две категории: одна составляется из коренных мещан, другая — из бывших казаков, переименованных в мещане. Коренные мещане поселились в Сургуте более ста лет тому назад. Они прибыли сюда большею частью из южных округов Тобольской губернии по предложению начальства и по собственному желанию. Упразднение казачьей команды Сургутского края последовало в мае месяце 1881 года, при этом казакам

разрешено было перейти на службу в другие казачьи команды или переписаться в мещане. В последнем случае им предоставлено право на многие льготы, напр., пользоваться казенным пайком в течение 5 лет, получать в собственность те угодья, которыми пользовались до 1881 года, и пр. Так как все почти местные казаки имели в городе недвижимое имущество и хозяйство, то они не пожелали перейти на службу в другие команды, а приписались в мещане. Получая паек и жалованье, казаки жили беспечно и ни о каких заработках, необходимых для существования, не думали. Вместе с городскими обывателями они эксплуатировали земли, окружающие город и принадлежащие казне: рубили дрова, ставили сено и ловили рыбу. При таких занятиях казаки остались и теперь, хотя условия жизни изменились.

Крестьяне, живущие в Сургуте, переселились сюда преимущественно из Сургутского и Тобольского округов. Что касается ссыльных, то главный контингент их составляют потомки людей, давно сосланных в Сургут. Большая часть их родилась здесь, так как сами ссыльные поженились на местных крестьянках и мещанках. В числе 36 ссыльных мужского пола находятся 3 дворянина, 2 духовного звания, 16 мещан и 16 крестьян. Женский персонал семейств ссыльных составляют 2 дворянки, 19 мещанок и 11 крестьянок.

— Инородцы — остяки и самоеды — переселились из Сургутского округа и живут в услужении. Из татар двое служат рабочими, а двое недавно приехали в Сургут с торговою целью.

— К числу дворян относятся преимущественно семейства служащих в Сургуте чиновников.

— В графе солдат мы поместили 33 солдата сургутской местной команды, 4 отставных солдата, 3 жандарма, а также солдатских жен и детей.

В таблице № 19 мы распределили жителей г. Сургута по роду их занятий. По-видимому, главным занятием жителей мужского пола служат промышленность и торговля. Виды промышленности и предметы торговли нами описаны. Графа «средства родственников» включает в себе, главным образом, детей, не способных еще к самостоятельному труду. Женщины занимаются преимущественно домашними работами: ухаживают за скотом, шьют и, кроме того, принимают деятельное участие в

ставлении сена. Многие из них служат кухарками, горничными, няньками у приезжих людей и у торговцев.

№19. Занятия жителей

Мужчины		Женщины	
Жалов. на гос. службе	11	Частный учитель	1
Священнослужителей	3	Средства родственников	179
Промышленность	174	Без обозначения	8
Торговля	30	Солдат на службе	33
Плотников и столяров	14	<hr/>	<hr/>
Сапожников	12	Всего	557
Портных	1	Женщины	
Слесарей и кузнецов	2	Жалов. на гос. службе	2
Серебряных дел мастер	1	Торговля	1
Ямщиков	8	Скорнячье	15
Служащ. при разных учред.	16	Рукоделие	6
Приказчиков	10	Прислуги	37
Прислуги	4	Повитуха	1
Пожарных	2	Прачки	2
Стражников	4	Средства родственников	262
Почтальонов	2	Домашние работы	263
Чернорабочих	38	Без обозначения	32
Фельдшера	3	<hr/>	<hr/>
		Всего	621

Национальность (табл. № 20) почти всего населения Сургута — русская (94,9% мужчин и 97,4% женщин). На долю остальных национальностей приходится весьма мало. Это все люди, временно живущие в Сургуте.

№20. Национальность

	Русских	Остяков	Поляков	Татар	Евреев	Персов	Цыган	Самоедов	Всех
Мужчин	529	12	5	4	3	2	2	—	557
Женщин	605	11	—	—	2	—	1	2	621

По отношению к грамотности нас больше всего интересует обычное население, а потому разделим все население г. Сургута на две группы: стационарный элемент и подвижной. К первой группе относятся те жители Сургута, которые здесь давно поселились, устроились, имеют постоянную осед-

лость, определенные занятия и не думают о выезде. Подвижной элемент составляют люди, временно проживающие в Сургуте. Сюда следует причислить чиновников, занимающих государственные должности, также временно сосланных, солдат местной команды и других, приехавших сюда на время с торговой или промышленной целью. Численность подвижного элемента видна из следующей таблицы № 21.

№21. Подвижной элемент населения

	Зашим. госуд. должн.	Их жены и дети	Сельские, врем. живущ. в Сургуте	Их дети	Другие временно проживающие	Солдат на службе	Их жены и дети	Всего
Мужчин	12	6	9	4	2	33	2	68
Женщин	2	13	3	—	8	—	2	28

Если исключить из всего населения его подвижной элемент, то число стационарного населения будет равняться 1082 чел., из которых 489 мужчин и 593 женщины.

Подвижной элемент населения по числу грамотных и неграмотных представляет следующие группы:

	муж.	жен.
Детей до 7 лет	12	5
Грамотных	35	12
Неграмотных	31	11
Всего	68	28

Грамотных мужского пола оказывается 51,5%, неграмотных 30,9%, детей до 7 л. 17,6%. Неграмотные относятся преимущественно к солдатам местной команды. Грамотных женского пола 42,8%, неграмотных 39,3%, детей 17,8%. Среди женщин находится меньше грамотных, чем среди мужчин. По месту получения образования грамотные подвижного элемента населения делятся так:

	муж.	жен.
Обучавшихся дома	2	2
Обучавшихся в низших школах	17	7
Обучавшихся на военной службе	6	»
Обучавшихся в средних учебных заведениях	8	3
Получивших образование в университете	2	»
Всего	35	12

Распространение грамотности среди стационарного населения выражается так:

	муж.	жен.
Детей до 7 лет	81	109
Грамотных	332	84
Неграмотных	76	400
Всего	489	593

Неграмотных мужчин 76 человек, или 16,3%. В числе неграмотных имеем 30 крестьян, 9 остяков и 37 мещан. Крестьяне, и в особенности остяки, не обучают своих детей. Неграмотных женского пола весьма много — 400 человек, или 67,4%. Грамотных женщин среди коренного населения очень мало, всего 84 чел., или 14,16%. Только коренные мещане, духовные лица и ссыльные обучают своих детей женского пола. Крестьянские девочки все безграмотны, а бывшие казаки, так охотно посылающие своих мальчиков в школу, вовсе не думают о необходимости знания грамоты и для женщины. Им кажется странным, а некоторым даже диким учить грамоте девочек, которых считают годными для сенокосов и скотоводства, и то только в том случае, если они работают под наблюдением мужчин. Среди мужского стационарного населения грамотных оказывается очень много — 332 чел., что составляет 67,9% всего мужского стационарного населения, или 81,1% мужского населения, способного к учению, так как до 7 лет обучать еще рано. Таким образом, больше 4/5 мужского населения оказывается грамотными.

По месту получения образования мы имеем следующие данные:

	муж.	жен.
Учащихся в Сургутской школе	47	10
Учащихся дома	12	12
Обучавшихся в Сургутской школе	243	50
Обучавшихся дома	10	12
Обучавшихся в низших школах других городов	14	»
Обучавшихся на военной службе	4	»
Обучавшихся в средних учебных заведениях	2	»
Всего	322	84

Таким образом, из 332 грамотных мужского пола одна Сургутская школа дала 290 человек, или 87,3%. Да и женщины тоже, главным образом, обучались в Сургутской школе. Оче-

видно, сургутяне с любовью относятся к своему источнику распространения грамотности. Рассмотрим же санитарное состояние сургутских школ.

В Сургуте имеются две школы: мужское приходское одноклассное училище и женское церковное одноклассное. Мужское училище преобразовано из бывшей казачьей школы, устроенной отставным чиновником Туполевым в собственном доме и на собственный счет. В настоящее время оно помещается в одноэтажном деревянном доме, на пустопорожней площади, на более возвышенном месте, чем окружающие здания. По западную сторону училища, саженях в 30, находится церковь, по восточную на меньшем расстоянии — старое заброшенное здание бывшей казачьей казармы. Место, где расположено училище, забором не огорожено, а стоит только несколько столбов, напоминающих, что здесь был когда-то двор. В санитарном отношении местность для училища выбрана удачно, так как эта часть города находится в лучших гигиенических условиях, чем другие. В училище 4 комнаты: одна — классная, другая — рекреационная, третья — прихожая и четвертая — для одежды. В училище находилось во время переписи 47 человек. Классная комната для 47 человек сравнительно очень мала: на каждого ученика приходится всего 0,2 куб. саж. воздуха, а если принять в расчет рядом находящуюся рекреационную комнату, то объем воздуха для каждого ученика будет 0,3 куб. саж., следовательно, такое количество воздуха, которого недостаточно даже при хорошо устроенной системе вентиляторов, а между тем конструкция вентиляторов здесь допотопная и не отвечает требованиям гигиены. Вентилируется воздух отверстиями около двух вершков в диаметре, продырявленными в стене около потолка. Таких отверстий два, одно в классной, другое в рекреационной комнате. Правда, эти отверстия открыты почти постоянно, но от этого температура комнат быстро понижается, что отражается на здоровье учеников. Света в училище достаточно. Классная комната освещается 8 окнами, выходящими на юг, запад и северо-запад. Отношение световой поверхности окон к площади пола выражается $1:4\frac{1}{3}$. В рекреационной комнате три окна с отношением $1:4\frac{1}{2}$. Всех окон в училище 13. Зимой рамы двойные. В училище две печи: одна, сло-

женная из воздушного кирпича, топится по вечерам, другая, железная, топится во время занятий, что делает воздух более сухим. Полы моются редко, всего один раз в две недели. Классные скамьи, которых 12, не имеют спинок, вследствие чего ученики сидят в полусогнутом положении. Ретирадное место устроено крайне плохо сажень в десяти от училища, здание старое, покачнувшееся набок, с большими щелями в стенах, так что ветер дует со всех сторон.

Занятия в училище происходят летом с 9 до 1 $\frac{1}{2}$, а зимою с 10 до 2-х часов. Кроме того, ученики занимаются гимнастикой два раза в неделю и пением раз в неделю. Каким-либо ремеслам не обучаются. Ввиду доверия местных жителей к училищу, выражающегося в охотном отдавании туда учеников, и такого большого количества грамотных, выпускаемых училищем, следовало бы обратить особое внимание на этот рассадник грамотности. В гигиеническом отношении училище нуждается в очень многом. Далее, следовало бы расширить курс учения, ввести преподавание самых необходимых ремесел соответственно потребностям и нуждам нашего края, так как среди обычного населения г. Сургута нет ни одного кузнеца, ни одного порядочного столяра и т. д. Затем, большую пользу могли бы принести «гигиенические» беседы с учениками с целью ознакомить их с элементарными сведениями по гигиене. Знание ремесел подняло бы несколько экономический быт населения, а гигиенические сведения, быть может, уничтожили бы в сургутском жителе невежество, с которым он относится к медицине и врачебным мерам. В понятии о медицине, санитарных мерах и необходимости врача и больницы сургутяне стоят на низкой степени развития. Всем мерам врачей, предпринимаемым с санитарною целью или в случаях появления эпидемических болезней, они сопротивляются, сколько возможно. Они скрывают больных, не желая их лечить и боясь, главным образом, чтобы больного не отправили в больницу, которая для них страшнее всего. Они свободно ходят в дом заразного больного, несмотря на раздающиеся со всех сторон предостережения. Дезинфекцию своего помещения жители считают личным для себя оскорблением, и дезинфицировать дома после заразных больных удается

с большим трудом и очень часто только при содействии полиции. Может быть, беседы о гигиене и медицине рассеяли бы несколько этот страх перед врачами и их мерами. Далее, следовало бы устроить народную библиотеку с выдачей бесплатно книг для чтения. Составление такой библиотеки обошлось бы недорого, и грамотный сургутянин со временем стал бы охотно читать.

Женское училище помещается в частном стареньком доме и занимает в нем одну комнату с маленькой передней. Фасад дома обращен на северо-запад, почему и освещение крайне недостаточно. Кроме того, размеры окон малы и отстоят от пола менее чем на аршин. Окруженная другими домами, женская школа стоит недалеко от берега речки Бардаковки, и весной вода подходит довольно близко. На каждую из 11 учениц этого училища приходится 0,6 куб. саж. воздуха, следовательно, вдвое больше, чем в мужском. Никаких приспособлений к вентилированию воздуха не имеется, почему ученицы часто страдают головными болями. Всех окон в училище 5 — четыре в классной и одно в передней, или рекреационной комнате. Отношение световой поверхности окон к поверхности пола $1:4\frac{3}{5}$. Зимой рамы двойные; окна сильно потеют. Температура воздуха 17—18° по Р. Классная мебель такая же, как в мужском училище. Ретирадного места не имеется, и ученицы ходят за нуждою в заброшенный огород, саженях в 10 от училища. Таким образом, санитарные условия женского училища также крайне плачевны; и тут меры к улучшению необходимы и неотложны.

Обратимся теперь к вопросу о месторождении жителей города. Из всего Сургутского населения оказалось:

	муж.	жен.
Родившихся в Сургуте	405	479
Родившихся в Сургутском округе	32	64
Родившихся в Тобольской губернии	80	59
Родившихся в Западной Сибири	9	8
Родившихся в Европейской России	31	11
Всего	557	621

На долю родившихся в самом городе приходится 72,7% мужчин и 77,3% женщин, в Сургутском округе — 5,7% мужч. и 10,3% женщ., в Тобольской губернии — 14,4% мужч. и 9,5%

женщ., в других местах Западной Сибири — 1,6% мужч. и 1,3% женщ. и, наконец, в России — 5,6% мужч. и 1,7% женщ. Таким образом, не только все обычное население, но и большинство подвижного элемента родились в Сибири и притом в западной ее части. Большинство чиновников — сибиряки, большая часть солдат из Тобольской губернии. Тип населения чисто сибирский. К числу приехавших из Европейской России относятся многие местные чиновники, несколько солдат Пермской губернии и ссыльные. Они родились в разных концах России.

Переписью мне желательно было еще выяснить отношение жителей к делу оспопрививания и успехи последнего, а также количество и качество телесных недостатков жителей. Оказалось:

	муж.	жен.
Оспа была привита у	483	554
Не привита оспа у	34	37
Натуральная оспа была у	40	30

Оспопрививание в Сургуте шло весьма успешно. Натуральная оспа была из обычного населения только у 22 мужчин и 29 женщин и из подвижного элемента у 18 мужчин и у 1 женщины, приехавших сюда преимущественно из Тобольской и Пермской губерний. Оспенных эпидемий не было; только в 1876 году, когда в Сургутском округе свирепствовала оспа, в Сургуте тоже оказалось несколько случаев натуральной оспы, но до эпидемии дело не дошло. Существование порядочного числа лиц, коим оспа вовсе еще не была привита, объясняется недостатком и плохим качеством детрита, получавшегося в последнее время из Тобольска, а также отсутствием в городе оспопрививателя, которого мещанская управа за недостатком средств не назначает, несмотря на частые напоминания оспенного комитета.

Телесные недостатки оказались среди стационарного населения только у 7 мужчин и 13 женщин. К числу недостатков относятся: глухота (3 м., 4 ж.), большею частью старческая, слепота (1 м., 4 ж.), чаще на один глаз, эпилепсия (1 м.), психоневроз (1 м., 2 ж.), косоглазие (1 ж.) и горбатость (2 ж.). Остальные жители на вид здоровы, хотя телосложения крайне умеренного; мышцы и подкожно-жирный слой слабо развиты, что

объясняется отчасти их ленивым образом жизни. Они выходят промыслять только тогда, когда уже почти нечего есть. Но как только наловят себе рыбы приблизительно на неделю или привезут из леса несколько сажень дров и т.д., сургутяне на этом успокаиваются и ничего не делают до тех пор, пока нужда опять не придет.

На приезжих, особенно из Европейской России, климатические и другие местные условия жизни вредно действуют. Вот почему чиновники, приезжающие сюда с надеждами прожить более или менее долгое время, по прошествии года, много двух, всеми силами стараются перевестись в другой округ. И действительно, редко кто из чиновников живет здесь больше трех лет. Начальство входит в положение местных чиновников и на долго их здесь не оставляет.

Сургутская потребительская кооперация в период Западно-Сибирского крестьянского восстания

Время гражданской войны характеризуется повсеместным бурным ростом кооперативного движения. Трудности, связанные с поставкой товаров частными торговцами, заставляли людей объединяться в потребительские общества для приобретения и сбыта различного рода продукции. Не составил исключения и Тобольский Север. Крупнейшим действовавшим здесь кооперативом являлся Северсоюз. В его задачи входило планомерное снабжение населения товарами первой необходимости, сбор и реализация пушнины, рыбы, орехов и т.п. Правление Северсоюза находилось в Тобольске. В Сургуте и Самарове размещались районные конторы союза. Они руководили и координировали работу сельских потребительских обществ, которые в большом количестве появлялись в эти годы на территории Среднего Приобья.

Установление советской власти на севере Западной Сибири в конце 1919 г. привело к утверждению новых принципов взаимоотношений между государством и кооперацией, перестройке деятельности кооперативов. Реорганизация большинства потребительских обществ Сургутского уезда в соответствии с положениями декретов СНК от 20 марта 1919 г. и 27 января 1920 г. проводится в конце августа — начале октября 1920 г. Цель реформы — слияние всех видов кооперации, использование аппарата кооперации для замены торговли «планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов». Все население принудительно прикрепляется к тому или иному распределительному пункту кооператива. Переизбираются правления и контрольные советы. Так, например, Нижневартовское единое потребительское общество объединило распределительные пункты в Нижневартовском, Былино, Ермаковском. К ним приписывается соот-

ветственно 329, 254 и 175 человек. Аналогичным образом формируются потребительские общества в Александровском, Ново-Никольском, Кривоуцком.

Но даже там, где подобную реорганизацию провести не успели, кооперативы ставятся в подчиненное положение по отношению к продконторам и исполкомам советов. На заседании коллегии по управлению Сургутской райконторой, состоявшемся 20 октября 1920 г., инструктор М.П. Замятин отмечал, что отношения между потребительскими обществами и советскими учреждениями «крайне ненормальные», т.к. уездный и волостные исполкомы, ячейки РКП(б), продработники постоянно вмешиваются в распределение товаров, загромождают кооперативы перепиской, требованиями всевозможных справок, сведений и отчетов¹. М.П. Замятин предложил разграничить сферу деятельности кооперативов и продорганов. Первые должны были осуществлять только технические операции по приемке, хранению, распределению и отправке продуктов. Непосредственное проведение розничной торговли возлагалось на структуры Народного комиссариата продовольствия. В принципе с точкой зрения М.П. Замятина согласились и в Сургутском исполкоме, и в райпродкоме. Но на практике данное предложение не было реализовано. На заседаниях правления Сургутской районной конторы Северсоюза по-прежнему заслушивались жалобы на хозяйничанье многочисленных продагентов, которые «дают распоряжения, требуют выдачи всяких товаров, в особенности муки, без всякой нормы, издают приказы» и т.п.². О том, насколько мало считались с мнением кооператоров, свидетельствует приказ Тюменского губпродкомиссара от 17 февраля 1921 г., содержащий требование не производить без разрешения сверхарестов правлений потребительских обществ, «применяя эту меру лишь в крайних случаях»³.

Западно-Сибирское крестьянское восстание существенно дезорганизовало и без того вяло протекавшую работу потребительских обществ. Различное отношение к разгоравшемуся

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 209. Оп.1. Д. 32. Л. 14.

² Там же. Д. 250. Л. 2.

³ Там же. Д. 47. Л. 2.

народному движению вызвало раскол в руководстве сургутской кооперации. Заведующий райконторой Ф.П. Муценек 26 февраля отправился с вооруженным отрядом «на Самаровский фронт», приняв самое активное участие в борьбе с восставшими. Бухгалтер А.П. Дождев был арестован и содержался под стражей как заложник, представитель «эксплуататорских классов». В дальнейшем он становится одним из лидеров местных антикоммунистических сил. Инструктор М.П. Замятин, заменивший Ф.П. Муценека на посту заведующего, занял компромиссную позицию. По своим взглядам он являлся конформистом, стремившимся сохранить лояльность любой власти. Впрочем, иного трудно было ожидать от человека, имевшего семерых детей, в возрасте 5 месяцев, 2, 4, 5, 6, 8, 9 лет. В августе 1921 г. М.П. Замятин направил правлению Обь-Иртышского союза просьбу о премиривании, мотивируя ее тем, что он «приложил максимум энергии к целостности кооперативного аппарата в тяжелый период повстанческого движения». Поддержал восстание бывший член правления Северсоюза Ерофеевский, находившийся в с. Тундрино. 18 марта он выступил с приветствием «по случаю возможности для кооперации свободно работать на благо народа»¹.

В конце февраля — начале марта 1921 г. работа райконторы свелась к выдаче со склада под расписку различным совслужащим мануфактуры, кожи, табака, посуды и других товаров, предназначенных для премиривания заготовителей пушнины. Полученное выменивалось у ханты на теплую одежду и обувь. Фактически «под угрозой расправы» происходило расхищение кооперативной собственности. По-видимому, мало кто из местного начальства верил в возможность успешной обороны города, поэтому каждый, как мог, заблаговременно готовился к эвакуации из Сургута. 8 марта политком Софьин изъял имевшуюся в кооперативе наличность (725.445 рублей). В ночь с 8 на 9 марта было погружено на подводы и вывезено в нарымском направлении все более или менее ценное имущество райконторы: дела и книги, бумага, пишущая машинка, около 3.000 шкурок белки, 124 шкурки горноста, 112 — зайцев, 31 — лисиц, 9 — росомах, 13 бочек

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 209. Оп.1. Д. 32. Л. 27.

сливочного масла, 20 фунтов пороха, 1,5 пуда дрови, табак, чай и т.д. Еще раньше до 100 мешков пушнины, 2 ящика со шкурками чернобурой лисицы, ящик с осетровым клеем отправили в Кондинск. Накануне падения советской власти кондинские коммунисты раздали пушнину бедноте. Однако позднее по приказу повстанцев кооперативное имущество было местным населением возвращено.

9 марта в Сургут вошли повстанцы. Вместо упраздненных советских учреждений создается Комитет общественной безопасности. В состав комитета в качестве заведующего продовольственной частью вошел А.П. Дождев. Ему удалось бежать из-под ареста в ночь эвакуации. Восставшие отменили продразверстку, объявили о восстановлении свободной торговли всеми товарами, кроме пушнины. По распоряжению Тобольского крестьянско-городского совета служащие и имущество ликвидированных продорганов передается в распоряжение кооперации.

9 марта М.П. Замятин через Комитет общественной безопасности запросил у Северсоюза указаний о дальнейших действиях. 11 марта была получена ответная телеграмма из Тобольска о необходимости возобновить работу кооперативов и об усилении «кадра сотрудников Райконторы служащими упраздненной Сургутской продконторы». На следующий день состоялось совещание представителей кооперативных организаций уезда, в котором помимо М.П. Замятина и А.П. Дождева участвовали члены Сытоминского общества потребителей Д.А. Замятин и Н.С. Замятин, Тундринского общества потребителей — К.Ф. Лукичев. Совещание разработало основные направления деятельности кооперативов в новых условиях. Признается невозможным сохранение прежнего способа сбора пушнины на основе разверстки. Также высказывается предложение отказаться от премирования зверопромышленников, выполнивших определенные заготовительные нормы. Связано это с тем, что в период правления коммунистов население насильственно отвлекалось от привычных занятий и вынуждено было практически бесплатно рубить дрова, возить рыбу, выполнять различные натуральные повинности. Таким образом, очень многие не смогли создать сколь-

ко-нибудь значительных запасов пушнины. Поэтому принимается решение производить сбор мехов «на принципе добровольной сдачи» с приемкой «на комиссионных началах». Расчет возлагался на сознательность населения, которое, «учитывая важность настоящего момента, охотно понесет в кооперативы имеющуюся у них пушнину»¹. Товары предполагалось выдавать всем остро нуждающимся вне зависимости от рода занятий по усмотрению особых комиссий или собраний членов кооператива. Данный уравнительный принцип распределения был распространен и на других территориях, охваченных восстанием. Совещание отметило крайнюю нужду населения во всем, прежде всего в мануфактуре. Непосредственными текущими задачами Сургутской райконторы в докладе М.П. Замятина от 15 марта 1921 г. называется установление связи с местными потребительскими обществами, учет товаров на складах, восстановление отчетности. 23 марта М.П. Замятин сообщил в Тобольск, что документация райконторы, увезенная коммунистами, была повстанцами отбита и 22 марта возвращена в Сургут. От Тобольского крестьянско-городского совета поступило указание о необходимости продолжения сбора пушнины. Тем не менее наладить нормальную работу кооперация не смогла по целому ряду причин. Среди них можно выделить следующие:

1. Вся деятельность потребительских обществ Тобольского Севера строилась на посреднической торговле. Восстание отрезало Север от основных районов поставки огнестрельных припасов, муки, мануфактуры и прочих товаров первой необходимости. Собственные же запасы были весьма ограничены. Так, муки на территории уезда к западу от Локосово оставалось только до открытия навигации, т.е. примерно до середины мая. Тем не менее предпринимались меры по перераспределению имеющихся скудных запасов в нуждающиеся районы. В частности, через Сургутский комитет общественной безопасности была получена просьба Зенковской волости о присылке 2100 пудов муки. Было принято решение об отпуске 2000 пудов зерна из Сытоминского потребительского общества.

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 209. Оп.1. Д. 32. Л. 25.

2. Изменение ситуации на фронте. 20 марта красные перешли в контрнаступление под д. Мурасы Нарымского уезда. Повстанческие отряды стали быстро откатываться назад к Сургуту. Взятие красными Локосово отрезало Сургут от восточных районов уезда, в том числе и от бассейна Ваха, находившегося по-прежнему под контролем повстанцев. И хотя до падения уездного центра оставалось еще два месяца, ожидание неминуемого поражения, понимание бессмысленности дальнейшего сопротивления не способствовало ведению нормальной конструктивной работы.

3. Сокращение до минимума штата кооперативных учреждений в результате проводимых повстанцами военных мобилизаций. Кадровый вопрос оказался одним из самых сложных для сургутской кооперации. По свидетельству М.П. Замятина, большинство сотрудников Сургутской райконторы «ушли добровольцами на фронт для преследования коммунистов»¹. К прежнему месту работы они не намерены были возвращаться, т.к. в основном были набраны по трудовой мобилизации из различных населенных пунктов уезда. 15 марта были выработаны и утверждены новые штаты райконторы, включавшие 23 служащих: заведующего, шестерых сотрудников бухгалтерии, четырех — общего отдела (секретариата), трех — информационно-статистического, трех заведующих складами, пятерых сторожей и курьера. Однако штаты оказались неукомплектованными. М.П. Замятину пришлось совмещать должности заведующего, бухгалтера и инструктора. Нехватка кадров наблюдалась и в других районах. Так, в Самарово в конце марта состоялся съезд уполномоченных потребительских обществ района, на котором принимается постановление о закрытии местной райконторы. Сырье и товары должны были быть переданы по актам местным потребительским обществам. Последние два сотрудника самаровской кооперации — счетовод и приказчик — были мобилизованы и 5 апреля отправлены в воинские части. 30 марта из Кондинска в правление Северсоюза пришла телеграмма с сообщением о том, что в «данное время в силу мобилизации работников потребобществ деятельность таковых

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 209. Оп.1. Д. 32. Л. 26.

прекращается за отсутствием грамотных»¹. Никакой заметной активности не проявляла Сургутская райконтора.

Таким образом, до прекращения военных действий нормальное функционирование потребительской кооперации на территории Среднего Приобья оказалось невозможным. В прежнем объеме деятельность кооперации возобновилась уже после подавления восстания. А.П. Дождев был арестован и предстал перед судом ревтрибунала. М.П. Замятин сохранил свой пост инструктора. На прежнюю должность вернулся и Ф.П. Муценек.

В.В. Цысь

¹ Там же. Л. 14.

Семейный архив: продолжение следует

В каждой семье, как писали в документах двадцатых-тридцатых годов прошлого столетия «имеют быть», были и легенды о делах и поступках предков. Хорошо, когда это подкреплено еще и документами того времени.

Не вина, а беда российского народа, что дальше деда в семьях, за редким исключением, уже никого не помнят и не знают. Нашей семье в этом отношении повезло, я считаю, намного больше, чем другим. Не мне первому пришлось начинать поднимать интереснейший пласт истории семьи, мне архив передали для продолжения. Семейные документы начал собирать мой дед Василий Антонович (Антипович) Калашников. Родился мой дед Антиповичем, служил в двух армиях — белой и красной — Антиповичем, учился Антиповичем, а после увольнения из армии во время работы в Тобольском земельном управлении в 1921 году кто-то из писарей однажды написал ему отчество «Антонович». Изменение отчества на жизни его, в общем-то, никак не отразилось. Осложнения из-за этого возникли у бабушки, Марии Федоровны Калашниковой, когда вдовам погибших на фронте Великой Отечественной войны стали назначать пенсии. Ведь замуж-то она выходила за Василия Антиповича, а на фронте погиб Василий Антонович. Был суд, на основании свидетельских показаний, что Василий Антонович — это и есть Василий Антипович, с которым моя бабушка состояла в законном браке, ей было выдано новое свидетельство о браке, после чего Марии Федоровне благополучно назначили полагающуюся ей пенсию.

Так вот, начал собирать семейный архив мой дед, продолжила его жена, моя бабушка, затем, когда моя мама Серафима Васильевна закончила Омский учительский институт в Тобольске и начала работать, часть документов перешла к ней. Так документы и хранились: часть у бабушки, а часть у моей матери.

В 1984 году все семейные документы были отданы мне, одновременно с этим мне объяснили, что я являюсь очередным их хранителем. В мои обязанности входит: собирать документы, причем не только старые, но и все современные, которые в настоящее время уже кажутся ненужными; проводить работу с родственниками по поводу сохранения каждой отдельно взятой справочки или какой-либо другой бумажечки. А когда, при достижении определенного возраста, мне эта работа станет трудной, я должен буду передать архив следующему. Не обязательно, что это будет кто-то из моих детей, очередным хранителем может стать любой из родственников, наиболее расположенный к этому. Есть только одно условие: архив должен оставаться в Сургуте, в главном «гнезде» нашей семьи.

После того как документы оказались у меня, а отданы мне они были в нескольких папках, передо мной и моей женой Светланой Васильевной (фамилия в девичестве Балужева) возник вопрос: как же продолжать работу с архивом? Если и дальше складывать документы в папки, то следующему, кто будет заниматься архивом, во всей этой каше уже просто не разобраться. Да и смысл хранения семейного архива в таком его виде терялся: во всех этих папках люди как бы «растворялись», чтобы найти какой-то документ, приходилось просматривать все. А если кто-то из наших меньших братьев, сестер, племянников, детей хотел посмотреть документы, то нужно было

М.Ф. и В.А. Калашниковы, 1926 г.

садиться и заниматься с ними. Да и просто нужно было вести учет документов, которые уже были, и документов, которые поступали, а сделать при таком порядке хранения это практически невозможно. Тем более что к архиву Калашниковых-Федуловых добавились документы семьи Балуевых — то, что мы с женой собрали за годы совместной жизни.

Рассмотрев несколько вариантов, мы пришли к такому: каждому был присвоен свой номер, и в журнале учета отведены страницы, затем все документы разобраны по каждому конкретному человеку и зарегистрированы в журнале учета под своим номером. Были закуплены конверты под листы формата А-4. Документы разложены по конвертам, на каждом конверте проставлены два номера — члена семьи и документа. Теперь любой документ находится мгновенно, нужно только открыть журнал регистрации на странице того, чей документ нужен, найти название документа, посмотреть его номер и после этого взять конверт с этим номером. Итак, каждый очередной хранитель все более усовершенствует работу с архивом.

По документам, собранным в семейном архиве, можно изучать историю не только семьи, но и страны. Есть документы, связанные с установлением советской власти в Сургуте, коллективизацией, годами Великой Отечественной войны, и так до сегодняшнего дня.

1910 год, столыпинская реформа — то время коснулось нашей семьи таким образом. Мария Федоровна родилась в 1904 году в Курской губернии в семье крестьянина Федора Тимофеевича Сизова. Из-за малоземелья шло переселение крестьян Центральной России в Сибирь и на Восток. По воспоминаниям бабушки, ее отец, мой прадед, был прекрасным специалистом-плотником, к тому же он был грамотным. С его мнением в селе считались. Естественно, что когда возник вопрос о переезде крестьян на новое место, односельчане выбрали именно его ходяком. По его возвращении у дома Сизовых прошел сход. Мария Федоровна говорила, что ей на всю жизнь запомнился рассказ отца о Сибири: «Леса там много, полы и крыши в домах деревянные, а главное — печи можно топить дровами каждый день».

Вот так жители Курской губернии Федор Тимофеевич Сизов, его жена Мария Лаврентьевна и семеро их детей стали тоболяками. На новом месте счастливой жизнью семье Сизовых пожить долго не пришлось — умерли родители. Младших сразу же забрали в дети. Пятеро братьев и сестер зиму пережили в избушке, построенной отцом. После этого троих меньших отправили в приют, а двое старших ушли в самостоятельную жизнь. Судьба разбросала их. Две сестры, Мария и Христина, держались вместе всю жизнь. Возможно, и остальные встречались между собой, но Мария и Христина их уже больше не встречали.

Приют, в котором они воспитывались, был специально создан для таких деток, как они, и назывался он «Ольгинский приют трудолюбия для детей-сирот переселенцев в г. Тобольске».

Всю жизнь при изучении истории России мне говорили о тяжелой судьбе крестьянских детей, а уж детей, ставших сиротами, тем более. Оказывается, в приюте они не просто имели возможность выжить, им давали неплохое по тому времени образование, обучали профессиям, готовили к взрослой жизни.

Я держу в руках свидетельство, выданное моей бабушке, в котором говорится, что Тобольский уездный училищный совет свидетельствует, что дочь крестьянина поселка Михайловского Большесорокинской волости Ишимского уезда Мария Федоровна Сизова православного вероисповедания, родившаяся в 1904 году 26 января, успешно окончила курс учения в 1915 году в передвижном училище при Ольгинском приюте. Стоят подписи председателя уездного училищного совета, инспектора народных училищ и членов совета. Полученные в училище знания дали ей возможность успешно выдержать вступительные экзамены в Соколовскую сельскохозяйственную школу и пройти конкурс, в котором участвовали, как говорила Мария Федоровна, и молодые люди, окончившие гимназию.

Следующий документ, выданный бабушке по выходе из приюта, еще более интересен. Свидетельство подписано председателем Попечительного общества Е. Будищевой, и говорится в нем о том, что воспитанница Ольгинского приюта Мария Сизова, находясь в приюте с 1911 по 1918 год, получила начальное образование в приютской школе и обучалась в

приютских рукодельных мастерских тканью материи, вышиванию гладью, ковровому и белошвейному мастерству; изучила их основательно, что правление свидетельствует надлежащей подписью и приложением печати.

Умение вышивать гладью чуть было не сгубило ее. Так как она весьма успешно овладела этим ремеслом, ей была дана работа — вышивать знамена для красных отрядов. А вот когда в город пришли белые, ей пришлось прятаться, чтобы не попасть под горячую руку. Вот так в 14 лет мою бабулю приобщили к революции.

Когда при сборе материалов мне говорят: зачем нужны эти справки, в них нет ничего значительного, исторического, — вот ответ на это. 5 августа 1927 года Дубровский районный исполнительный комитет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Тобольского округа Уральской области выдал справку за № 6271, где сказано, что Дубровский райисполком удостоверяет, что предъявитель сего Мария Федоровна Калашникова действительно является женой застрахованного служащего, а потому имеет право на бесплатное медицинское лечение. А в справке, выданной там же в 1930 году, говорится, что она имеет право на бесплатное оказание медицинской помощи и получение лекарств.

Вот она, наша страховая медицина. Сначала мы хорошо забыли отлаженный механизм, а теперь, изучив опыт зарубежных стран, пытаемся внедрить у себя страховую медицину. Что же тут поделаешь — время такое.

Поэтому любая малозначительная бумажка, выданная сейчас, может через 30–50 лет оказаться значительной. Вполне возможно, что именно по таким бумажкам через какое-то время можно будет изучать быт и историю людей нашего времени.

Поймал человек рыбу в неположенное время, не той снастью, да, не дай бог, еще и не разрешенную к вылову, или убил утку в неурочный час — за это в лучшем случае изымут у него снасти, ружье, оштрафуют и оформят все это актом или справкой. Кто знает, как на такие бумаги будут смотреть через сто лет?

А вот еще документы, выданные Калашниковым Марии Федоровне и Василию Антоновичу в 1926 году: удостоверения личности гражданина РСФСР. Одна деталь в них очень интересна.

В правом нижнем углу на первом листе написано: «Место для фотографии» и сделана в скобках приписка, что фотография не обязательна. Срок действия удостоверений — до 28 августа 1929 года. В 1933 году, 23 сентября, на последней странице удостоверения Марии Федоровны начальник сургутской районной милиции делает отметку: «Паспортизация по Сургутскому р-ну Остяковогульского округа еще не проведена а поэтому паспорт гр-ке Калашниковой не выдан. Нач. Сургутского Рум (подпись, печать)». Запись приведена без исправления.

Откуда еще можно было бы узнать, что в конце 1933 года гражданам Сургута и Сургутского района паспорта еще не были выданы? Люди удостоверяли свои личности всевозможными справками, билетами. Я встречал отметки о выдаче паспорта даже в билете члена профсоюза, как, например, это сделано в профсоюзном билете № 0402172, выданном Василию Антоновичу Калашникову: на последней странице его стоит прямоугольный штамп: «Паспорт выдан — 33 г.».

Рассматривая документ В.А. Калашникова, видишь, как жил этот человек, чем занимался.

В метрической книге Демьянской церкви за 1900 год в части первой «О родившихся» сделана запись: счет родившихся — 13; месяц и день рождения — 18 февраля, крещения — 19 февраля; имя, отчество и фамилия родителей и какого вероисповедания — деревни Островной Антипий Андреевич Калашников и законная жена его Вера Григорьевна, оба православные; звание, имя, отчество и фамилия приемников — с. Демьянского крестьянский сын Евмений Игнатиев Черняков и дер. Солунка девица Ирина Ефимова Мокроусова; совершил таинство крещения — села Уктусского священник Владимир Сосунов.

Так было отмечено появление на свет еще одного православного — Василия Антиповича Калашникова. Национальность — великоросс. Запись о национальности сделана 30 января 1932 года в «Трудовом списке» на основании личной книжки запасного РККА.

В паспортах моих родителей было написано «русский», а вот сейчас я и мои дети получили паспорта, где вместо записи о национальности — пустая строчка с пояснением: «личный

код». Вот и получается — есть у нас Бурятия, Якутия, Ханты-Мансийский автономный округ, что же это за названия-памятники, если в паспорте нет национальности. Может быть, я в чем-то не прав, но мне кажется, что национальность — это не клуб по интересам. Национальность говорит о принадлежности человека к тому или иному народу со своей историей и культурой, которыми должны гордиться граждане.

Мать Василия, Вера Григорьевна, в 1901 году во время родов второго сына умерла. Отец остался с двумя малютками на руках: одному был годик, второй только родился. Через некоторое время Антипий Андреевич снова женился, от второго брака у него родилось двенадцать детей. В 1911 году Василий успешно оканчивает сельское начальное училище, о чем получает свидетельство за № 298, выданное Тобольским уездным училищным советом. До 1916 года он остается дома и работает в хозяйстве отца. В 1916 году с фронта возвращается отец. В этом же году Василий готовится за двухклассную школу и после испытательных приемных экзаменов поступает учиться в Тобольскую сельскохозяйственную школу. С этого времени в хозяйство отца он уже больше не возвращается.

Учась в Соколовской сельскохозяйственной школе, Василий Калашников вместе с товарищами Иваном Зудиловым и Павлом Пахалковым стоял у истоков создания Тобольской организации коммунистической молодежи. В тобольской газете «Советская Сибирь» в № 112 за 15 сентября 1979 года к 60-летию Тобольского комсомола напечатана статья «Они были первыми». В ней описан случай, как молодые коммунары Зудиллов, Пахалков и Калашников спасли от белочехов всю переписку и нелегальную литературу, выведя из-под удара тем самым организацию. Автор статьи ветеран комсомола А. Москвин — участник событий того времени.

В 1919 году на территории сельхозшколы разместился штаб колчаковской дивизии. Колчаковцы узнали о молодежной организации. Коммунары ушли из школы, организовав две боевые дружины. Василий не успел уйти из города и был мобилизован в армию Колчака. Служил писарем в штабе 4-го Чистопольского полка. В этом же 1919 году он переходит к красным, что подтверждается удостоверением, выданным Тугулым-

ским волостным ревкомом Тюменского уезда Тобольской губернии от 29 августа 1919 года № 1896. В удостоверении сказано, что «предъявитель сего действительно есть солдат, перешедший из белой армии (т.е. пленный)» и следует он в город Тюмень в уездный ревком, что и удостоверяется. Подписано удостоверение председателем ревкома Коробейниковым. Поставлена печать и сделана приписка: «за неимением советской печать считать действительной».

С 29 октября 1919 года В. Калашников служит в РККА в 29-м Военно-Полевом строительстве, как написано в документах, в третьем батальоне инженерной бригады писарем в штабе.

15 апреля 1921 года на основании приказа РВСР № 316/М Калашников был откомандирован в распоряжение Тобольского земельного отдела как специалист по сельскому хозяйству. При увольнении из РККА ему дана аттестация (текст приводится без изменений).

Аттестация

Дана сия письмоводителю строевой части ШТАБА 3-го Военно-Инженерного Батальона при 29-м Военно-Полевом Строительстве тов. КАЛАШНИКОВУ Василию Антиповичу в том, что ОН состоял на службе в 3-м Батальоне с 15-го октября 1920 года и по день его откомандирования, т.е. по 14-е апреля 1921 г. как специалиста по с/х — при выполнении возложенных на него обязанностей письмоводителя являл собой пример в высшей степени: аккуратного, добросовестного и исполнительного служащего, а потому он т. КАЛАШНИКОВ при увольнении из части всем гражданским военным учреждением РЕСПУБЛИКИ может быть рекомендован как хороший в деле работник, что подписями и приложением печати удостоверяется.

Под судом и следствием в Б-НЕ не состоял.

14 апреля 1921 года.

№ 2787

Командир 3-го Воинбата (подпись)

Военный комиссар (подпись)

Адъютант Б-НА (подпись)

С 1921 года Василий Калашников работает в Тобольском уездном земельном управлении по своей специальности. Фор-

мально сельхозшкола им не закончена, так как в армию Колчака он был мобилизован перед выпускным экзаменом. Поэтому в 1922 году он в особой комиссии экстерном держит экзамены за сельхозшколу, представляет письменный отчет о практической работе, после чего получает свидетельство об окончании школы.

С 1922 по 1924 год он работает в аппарате Тобольского окружного земельного управления. По своей должности проводит среди крестьян большую работу. Сохранился интересный мандат, выданный Василию 17 февраля 1923 года (текст приводится без изменений).

Мандат

Предъявитель сего техник по сельскому хозяйству Тобуземууправления тов. КАЛАШНИКОВ. Василий Антонович командировается в волости: Новосельскую, Надцинскую, Уватскую, Юровскую и Демьянскую для участия как представитель Тобуземууправления в крестьянских беспартийных конференциях, где ему поручается сделать доклады:

1) О предстоящей весенней посевной кампании 1923 года и связанных с нею задачах;

2) Разъяснить населению земельный кодекс.

Вместе с этим т. Калашникову поручается:

1) Наладить в этих волостях работу волзоотехнических комиссий.

2) Проверить и наладить работу прокатпунктов и ремонтных мастерских.

3) Проверить на складах продконторы в селе Демьянском семенное зерно в смысле целесообразности его хранения, всхожести, натуре, сортности и влажности.

4) Побудить администрацию складов к скорейшему отсортированию семзерна, давая нужные технические указания.

Всем учреждениям, должностным лицам предлагается оказывать широкое безоговорочное содействие тов. Калашникову в исполнении возложенных на него заданий с беспрепятственной подачей бесплатных подвод для передвижения.

Предуисполком (подпись)

Завуземуправления (подпись)

Секретарь уисполкома (подпись)

Из командировки Калашников вернулся 19 марта 1923 года, на мандате стоят отметки убытия и прибытия. В то время взрослые быстро. Молодому человеку всего двадцать три года, а ему поручена работа, которая в настоящее время под силу только целому коллективу, и она им была успешно выполнена.

О серьезном отношении к порученному делу, о его деловых качествах говорит работа, которая ему поручается. Вот еще один сложный вопрос, который ему пришлось решать. 26 марта он был направлен в село Абалак в Абалакский мужской монастырь.

Мандат

Предъявитель сего КАЛАШНИКОВ Василий Антонович действительно командировается Тоб. Уездуправлением в с. Абалак для взятия на учет движимого и недвижимого имущества, а также и всего с/х инвентаря, находящегося до сего времени в ведении Абалакского мужского монастыря. Тов. КАЛАШНИКОВУ поручается на месте создать комиссию, пригласив в такую члена Исполкома, представителя от населения, производя строгий учет через посредство описей и должных актов, а потому предполагается Абалакскому Вол. Исполкому оказывать всяческое содействие по данному вопросу.

Кроме того, всем Волисполкомам предлагается оказывать безоговорочное содействие в подаче подвод для предъявителя БЕСПЛАТНО.

*Начальник Тобольского уездного земельн. у-ния (подпись)
Секретарь (подпись)*

Из командировки Калашников вернулся 30 марта.

С 1924 по 1930 год Василий Калашников работает агрономом Дубровного района Тобольского округа. Работая, он постоянно продолжает заниматься повышением уровня знаний. Сохранились следующие документы: справка № 18 от 3 февраля 1926 года, выданная в Свердловске, о том, что ученый агроном В.А. Калашников является слушателем двухмесячных курсов агроземработников: удостоверение от 27 октября 1928 года о командировании в г. Свердловск на областное совещание по поднятию урожайности, имеющие быть 3 ноября с.г. (сохранен стиль письма удостоверения).

Со своей будущей женой В. Калашников встретился в сельхозшколе. После выпуска из Ольгинского приюта для детей-сирот переселенцев она поступила в сельхозшколу и училась на специальности «пчеловод». К 1930 году у них было уже трое детей. На семейном совете они решают, что если им переехать в южные районы (планировался район Колпашево), то Мария Федоровна сможет работать на пасеке и одновременно заниматься воспитанием детей. Но то было время, когда специалисту просто и переехать в другое место было невозможно. Руководство управления посоветовало Калашникову заключить договор для работы в районах Крайнего Севера сроком на один год; отработав его, можно будет уехать в любое место. Василий Калашников так и делает: он заключает договор для работы в Сургуте. При увольнении по этому договору из Дубровного Калашникову выдали отзыв о его работе, который гласил: «Выдан настоящий от Президиума Дубровного Районного Исполнительного Комитета гр-ну Калашникову В.А. в том, что он, Калашников, работая в должности районного агронома в названном выше районе с 1 августа 1924 года по 31 июня 1930 года, все возлагаемые на него обязанности по должности районного агронома за все время службы выполнял добросовестно, не жалея сил и знаний, отдавая делу развитие и перестройки сельского хозяйства» (стиль написания сохранен). Отзыв № 2-Б-1 от 16 июля 1930 года.

В Сургут Калашниковы приезжают 25 августа 1930 года по удостоверению № 43-2607. В удостоверении говорится, что предьявитель сего агроном Дубровного района т. Калашников В.А. командирован в Сургутский район на должность зоотехника. Он был первым, кто приехал для работы в Сургут по договору. С июля 1930 года он принят на должность райзоотехника в Сургутский РИК Остяко-Вогульского округа.

В августе 1930 года Калашниковы на пароходе отправились из Тобольска к новому месту службы — в Сургут.

По приезде в Сургут первое время Калашниковы жили у Знаменских. Затем временно под жилье им отдали Дом пионеров. А уже после того, как В. Калашников отработал по договору год, а закон о неувольнении специалистов остался в силе, более практичная в жизни Мария Федоровна настояла

на покупке своего дома, говоря мужу: «Не дай бог, с тобой что-то случится, и семья останется на улице».

Работая зоотехником, Василий Антонович много сил отдавал развитию животноводства района. По каждому колхозу у него были заведены журналы, в которые заносились все необходимые для работы данные. Благодаря этим журналам В. Калашников владел, например, информацией, когда и сколько было надоено конкретно по каждой корове молока, и проводил выбраковку скота, улучшая, таким образом, породу.

В Сургуте он начинает заниматься звероводством. Под его руководством в колхозах стали строиться зверофермы по разведению песцов и черно-бурых лис.

Понимая, что полученных в сельхозшколе знаний в настоящее время уже не хватает, он поступил учиться в заочный институт сельского хозяйства, занимался на курсах повышения квалификации. Сохранилось удостоверение о направлении его на курсы и удостоверение об окончании курсов повышения квалификации, проходивших в Москве, по профилю районных звероводов. Занимаясь на этих курсах, он по всем дисциплинам получал отличные отметки, за что комиссар по земледелию приказом № 517 объявил ему благодарность.

Полученные знания В. Калашников постоянно передавал людям. Прекрасно понимая, что знать самому предмет — это одно, а суметь передать знания, доходчиво донести их до людей — совершенно другое, он учился и этому. Сохранилась справка: «Выдана районному зоотехнику Сургутского РИК тов. Калашникову в том, что на проводимых одномесячных курсах колхозных конюхов бригадирах и двухмесячных курсах колхозных животноводов в селе Сургут в период февраль-апрель 1934 г. тов. Калашниковым по основным специальным дисциплинам на указанных курсах прочитано сто пятьдесят часов. Отношение к курсовой работе тов. Калашникова и качество работы добросовестное. Справка выдана на предмет предъявления заочно в Ленинградский агропедагогический институт. Справка выдана Сургутско-Ларьякским Районным Интегральным Союзом Кооперативов и колхозов Сургутского района Остяко-Вогульского округа».

15 февраля 1938 года Сургутской районной инспектурой народно-хозяйственного учета Калашникову выдано удостоверение № 20-9, подтверждающее его участие во всесоюзной переписи скота на 1 января 1938 года в качестве старшего регистратора по Усть-Балыкскому Совету Сургутского района, где указано, что к работе он относился добросовестно и материал переписи сдал на «хорошо».

В 1939 году он принимает участие во Всесоюзной переписи населения в качестве счетчика по Сургутскому району, что подтверждается справкой, выданной Бюро всесоюзной переписи населения 1939 года № 23 от 12 декабря 1939 года.

К работе Василий Антонович относился с полной отдачей сил, не щадя себя, этого же требовал и от других. Требовал своевременного и точного исполнения необходимых для нормальной работы указаний и распоряжений от всех, несмотря

Группа жителей с. Тундрино, получивших значок «Будь готов к санитарной обороне», среди них отец автора статьи А. Федулов, 1938 г.

на занимаемые должности. Нагрузки последних лет отразились на его здоровье, он серьезно заболевает, перенеся частичный паралич.

Поднявшись после болезни, понимая, что исполнение прежних обязанностей пока ему будет не под силу, он по личной просьбе переводится зоотехником племотдела в аппарат РайЗПО. Затем его переводят участковым зоотехником Тундринского участка, а в 1940 году он назначается зоотехником Сургутского зооучастка.

В 1940 году В.А. Калашников в составе делегации от Сургутского района направляется в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку (ВДНХ) с 17 по 21 июня.

В 1933 году, чтобы подтвердить свое происхождение, он вынужден был сделать запрос по месту жительства своего отца. 21 октября 1933 года Черноярским сельским Советом ему была выслана справка, что он происходит из крестьянской семьи, отнесенной в настоящее время к середняцкой группе, и что из семьи он выбыл в 1917 году и в хозяйство отца больше не возвращался.

Василий Антонович был заядлым рыбаком и охотником. Много читал и привил любовь к книгам своим детям. Калашниковы владели прекрасной библиотекой. Уже будучи на фронте, Василий Антонович писал жене: «Если будет совсем трудно, то продай все: сети, снасти, но сохрани библиотеку». Но библиотека, к сожалению, практически не сохранилась: сургутяне брали читать, но не всегда возвращали книги назад, а Мария Федоровна никому не отказывала, она говорила так: «пусть это будет память о нашей семье». В домах старого Сургута можно было часто встретить книги с надписью: «В. Калашников».

В 1936–1937 гг. начальник Сургутского НКВД предложил Калашниковым представить список книг домашней библиотеки. После ознакомления со списком он отметил часть книг и предупредил, чтобы читать их никому не давали и из дома не выносили, в противном случае библиотеку будут вынуждены конфисковать.

Об этом списке-каталоге мне говорили и бабушка, и мать. Запрещенные к выносу из дома книги были отмечены крас-

ным карандашом. Очень жаль, конечно, что список где-то затерялся. Что же в нем было запрещено?

В НКВД Василия Антоновича приглашали и по такому случаю: в Сургуте жили политссыльные врачи — муж и жена Кригеры. Калашниковы поддерживали с ними дружеские отношения. С Василием Антоновичем провели беседу, ему предложили прервать с ними отношения, но он ответил, что не может отказать от дома людям, спасшим жизнь его детям. Впоследствии Кригеров перевели в другое место.

В сентябре 1941 года В. Калашникова увез в Омск эшелон с военнообязанными, и домой он уже не вернулся — ушел на фронт. Сохранился рапорт, написанный им политруку батареи.

Рапорт

Доношу, что по прибытию в Омск на пересыльный пункт с эшелонем военнообязанных — 103 человека и лошадей 369 (для Красной Армии), эшелон в ночь был расформирован по частям. Вследствие чего мною не закончена передача лошадей, недооформлены и не отосланы Ханты-Мансийскому Окружному Военкому и Сургутскому Исполкому денежные и другие важные документы. Денежных документов имею на руках на 18565 рублей.

Представляя эти документы на 34 листах с сопроводительным в два адреса, прошу оказать содействие в их пересылке по назначению через штаб полка.

Писарь 3-й батареи В. Калашников.

11 октября 1941 г.

Политрук 3-й батареи 1-го дивизиона документы переслал по адресам и даже рапорт, написанный ему, переслал семье Калашникова.

В письмах с фронта жене Василий Антонович пишет, чтобы она обязательно подняла на ноги детей и дала им образование. Он пишет, чтобы все ребята, хоть на коленках, но добились вершины образования, это его завещание, и, если он не вернется, пусть помогают учиться друг другу и берегут друг друга.

Старшей дочери Серафиме (в 1941—1942 гг. она училась в Омском учительском институте) он наказывал, чтобы она обязательно заканчивала учительский и готовилась в педагогический

институт. Он писал: «Наука дается не легко, но перед трудностями не отступай, а, наоборот, упорно преодолевай их. Готовь себя к работе в школе. Не пугайся первых ошибок и шероховатостей, у начинающих во всяком деле они бывают, будут они и у тебя. Никогда не уходи с учительской работы, не меняй ее ни на какую другую. Труд учителя, может, и тяжеловат, но это благодарная работа, почетная». Когда дочь закончила институт и начала работать, он писал: «С учениками веди себя без лишнего панибратства, но и без грубостей и высокомерия. Не допускай сынков и пасынков. Будь требовательна к ученикам и к себе». В другом письме он пишет ей: «Сима, твои успехи радуют меня. С преподавателями и всеми окружающими тебя людьми будь выдержана, вежлива, справедлива. Не допускай гордости, грубости, будь проста в обращении с людьми. Рабство, подхалимство, я знаю, тебе чужды, от этих пороков ты свободна».

Василий Антонович Калашников домой не вернулся — скончался в госпитале 29 ноября 1943 года. Похоронен в деревне Шахово Старорусского района Новгородской области.

Жена и дети выполнили его завещание: обе дочери, Серафима и Тамара, стали педагогами и всю жизнь проработали в школе. Владимир закончил Уральский политехнический техникум, а Леонардо закончил Свердловский автодорожный техникум.

Некоторые моменты из истории семьи были не вычеркнуты, а просто никогда не обсуждались. Один из таких моментов — командировка в Абалакский мужской монастырь, о ней никогда не вспоминали. Я о ней узнал уже в зрелом возрасте.

Когда архив оказался у меня и я начал его изучать, то спрашивать о том трудном времени было уже не у кого. В 1998 году я был в Абалакском монастыре, сделал фотографии и положил их в конверт с дедовским мандатом, сделав приписку, что фотографии выполнены через 75 лет внуком В.А. Калашникова.

Когда читаешь документы Василия Антоновича, невольно возникают вопросы, почему активный член организации коммунистической молодежи, один из организаторов ее в Соколовской сельхозшколе, впоследствии не вступил в партию? Почему он, имея престижную должность в Тобольском земельном управлении, через год после командировки в Абалак пе-

реводится агрономом в село Дубровное, а потом еще дальше от Тобольска, в Сургут? Остается открытым вопрос, какие встречи у Василия Антоновича были в Абалаке, с кем ему пришлось там общаться и как на него все это подействовало?

Мне было интересно: ну произвел дед опись имущества монастыря, а что было дальше? И вот в декабре 2003 года происходит невероятное — из небытия всплывают пять папок с документами семьи Калашниковых периода с 1919 по 1941 год.

Как я уже говорил, семейные документы частью хранились у бабушки и частью у моей матери. В 70-х годах прошлого столетия в Сургуте уже работал краеведческий музей, начинали появляться музеи при школах, открылся клуб коллекционеров — иначе говоря, появились специалисты и любители, которым изучение истории края было интересно, и они обращались к Марии Федоровне. Живя в Тобольске, она встречалась и с Распутиным, и с семьей Романовых. Дело в том, что приют, в котором она воспитывалась, был назван Ольгинским в честь царевны Ольги, поэтому, когда Григорий Распутин приезжал в село Покровское, то он, отдавая дань уважения царской семье, посещал приют.

О происходивших событиях бабушка любила и умела рассказывать, дом ее всегда был полон, в слушателях не было недостатка. И если кто-либо просил у Марии Федоровны на память документ или письмо, то бабушка — добрая душа — в этом не отказывала. Позднее, когда я вернулся в Сургут после службы в пограничных войсках и учебы, я встречал письма деда с фронта в частных коллекциях, в музее при школе-интернате.

Младший сын Калашниковых, Леонардо Васильевич, видя, что происходит с документами, взял основную часть их и убрал, оставив бабушке совсем немного. Когда он получил отдельную квартиру, то папки с документами взял с собой. Потом это как-то забылось, и документы пролежали в укромном месте тридцать с лишним лет. А нынче, как говорят, при вскрытии многолетнего культурного пласта он нашел их. Сразу же позвонил мне и принес. Когда мы открыли папки, то увидели огромное количество всевозможных мандатов, справок, направлений, отчетов о работе колхозов, ведомостей этого же плана

и много удостоверений мыслимых и немыслимых первых обществ Советской России. Среди них членский билет Всероссийского профессионального союза работников земли и леса за 1922 год, профсоюзный билет рабочих и батрачества СССР за 1933 год, членский билет профсоюза сельскохозяйственных и лесных рабочих СССР за 1929 год, членский билет Общества содействия развитию автомобилизма и улучшения дорог в РСФСР «Автодор», членский билет международной организации помощи борцам революции, секция СССР (МОПР), членский билет ВСЕРОКОМПОМа РСФСР «Помоги инвалиду», членский билет общества «Долой неграмотность» за 1925 год, членский билет общества друзей Воздушного Флота СССР (ОДВФ) 1925 г. и многое другое. Чтобы разобраться с появившимися документами, нужен будет не один месяц.

В этих же документах я и нашел продолжение абалакского дела.

25 апреля 1923 года В.А. Калашникову был выдан новый мандат за № 1166, где уже сказано: «...т. Калашникову поручается изъять из монастыря, согласно описи, взятые на учет:

1. Столярный инвентарь.
2. Кузнечно-слесарный инвентарь.
3. Лошадей, находящихся до сих пор в монастыре».

Таким образом происходило изъятие имущества у монастырей. Если в первом мандате видно еще сомнение, включать или не включать в комиссию представителей монастыря, сначала написали, потом вычеркнули, то во втором случае все предельно ясно, подготовительная работа проведена, руководящие органы настроены решительно. Раз описали, то необходимо изъять. О представителях монастыря уже никто и не вспоминает.

Вернемся к письмам нашей семьи. Когда я узнал, что в музее, созданном при школе-интернате, хранятся письма, написанные моим дедом с фронта жене и двум дочерям, я попытался выяснить, откуда у них они, тем более что писем был целый десяток, но ответа я не получил.

Однажды меня попросили выступить перед ветеранами на торжественном праздновании юбилея, прочитать письма с фронта. Посмотрев находящиеся дома материалы, я понял, что для

такого мероприятия их явно не хватает. Благо, что в младших классах школы-интерната преподавала наша родственница. Вместе с ней мы с великим трудом уговорили дать мне на неделю наши же письма. Мне дали письма из запасника, а три письма, лежавшие на стенде, остались у них. Мероприятие прошло, но вернуть письма сразу я не смог — меня отправили в командировку. Перед отъездом позвонил в интернат, извинился и сказал, что по возвращении приду и верну. А когда вернулся, то возвращать письма было уже некому — музея при школе-интернате не существовало, да и сам интернат закрыли. Куда исчезли все материалы из музея, никто не мог сказать. Так что хоть часть писем таким образом вернулась в семью.

Я не против школьных музеев, пусть они будут. Но пусть там хранятся материалы, касающиеся только истории школы. Все остальное должно храниться в семьях либо в краеведческом музее, в городском архиве.

Сам я больше склоняюсь к семейным архивам. Ведь материалы, хранящиеся в музее, не бывают доступны к свободному просмотру, разумеется, кроме тех, которые находятся на

Автор статьи А.А. Федулов (крайний справа) и его семья

выставках. В городской архив тоже не всегда хватает времени пойти. А как быть маленьким деткам, школьникам? Дома же все материалы в любое время доступны для всех родственников — от старого до малого. Ведь в семейных архивах хранятся не просто бумажки по истории семьи, здесь документы, имеющие огромное воспитательное значение. Когда смотрят кино или читают книгу о событиях минувших лет, то герои там все-таки абстрактны. Нужно видеть глаза мальчишек и девчонок, когда они берут в руки наградные документы, справки о ранениях, письма с войны не просто какого-то дяденьки, а родного человека: деда, отца, брата. А чего стоит письмо, написанное восьмилетним мальчиком печатными буквами папе на войну. Оно вернулось назад в Сургут с припиской: «Адресат выбыл». Пока письмо шло на войну, его папа уже погиб. Вряд ли после общения с такими материалами эти мальчишки и девчонки смогут сделать что-то плохое.

Документы в семейный архив иногда приходят самым неожиданным образом. Я уже отчаялся найти какие-либо документы, кроме данных из метрической книги, на своего деда, Ивана Григорьевича Федулова. Лет пять назад я приехал в родной поселок, где закончил восьмилетнюю школу. Пришел в гости к своим учителям Зое Андреевне и Владимиру Андреевичу Ромашко. И вдруг Зоя Андреевна делает мне изумительный подарок — копию мандата, выданного моему деду в январе 1924 года.

С.С.С.Р.

Тундринский Волисполком Сургутского уезда

1924 года Января 8 дня

№ 554

Мандат

Предъявитель сего Федулов Иван Григорьевич есть действительно делегат на Сургутский Рай Съезд Советов от Тундринского Совета, а посему просьба тов. Федулову давать подводы бесплатно по пути следования до г. Сургута и обратно.

Свидетельствуется подписом с приложением печати.

Председатель Волисполкома (подпись)

Секретарь (подпись)

Мандат они нашли в сургутском архиве при подготовке к юбилею Тундринского сельского Совета, администрация которого находится на Высоком Мысу, именно в моем поселке. Сняли копии и одну передали мне.

Оказывается, мой дед Иван Григорьевич Федулов был делегатом на первый съезд Советов Сургутского района от Тундринской волости.

Примерно таким же образом у нас появились два приказа за 1922 год. Эти приказы касаются младшего брата моего деда Ивана Григорьевича Василия, о существовании которого я долгое время даже и не знал — он погиб в тридцатых годах прошлого столетия. «Приказ № 174 от 10 июля 1922 года. § 4. Мл. милиционера Федулова Василия принять на службу и зачислить на все виды довольствия и жалования с 1-го июля 1922 г.». А уже в декабре этого же года издается новый приказ: «Приказ № 309 от 15 декабря 1922 года. § 6. Увольняется мл. милиционер 1-го района Федулов Василий, как ошибочно принятый на службу, подлежащий призыву на военную службу, как родившийся в 1901 году, исключить такового из списков Умилиции, со всех видов довольствия и жалования с 15-го декабря 1922 года». Оказывается, от поступавших в милицию тогда требовали документ, который подтверждал законность освобождения их от воинской службы. А в случае с Василием Федуловым этот вопрос каким-то образом был пропущен.

Изучая архивные документы, приходишь к выводу, что на Руси к написанию всевозможных справок и иных документов относились весьма тщательно и с любовью. Вот несколько примеров: «Аттестация. Дана сия письмоводителю...», «...являл собой пример в высшей степени аккуратного, добросовестного, исполнительного служащего...», «...всем гражданским и военным Учреждениям может быть рекомендован, как хороший в деле работник, что подписями и приложением печати удостоверяется», «Всем учреждениям и должностным лицам предлагается оказывать широкое и безоговорочное содействие в исполнении возложенных на него заданий с беспрепятственной подачей бесплатных подвод для передвижения». Или вот справка, выданная Сургутским сельским Советом в 1933 году: «Выдана гр-ну Калашникову В.А. в том,

что по имеющимся у него документам он имеет на иждивении троих детей, а именно:

дочь Серафима родилась 11/ХІІІ—1922 г.

—”— Тамара —”— 5/І—1925 г.

сын Виталий —”— 12/VIІ—1931 г.

что и удостоверяется».

«...Командируется в город Свердловск на областное совещание по поднятию урожайности, имеющее быть 3 ноября с.г.».

В 1942 году мой отец Алексей Иванович Федулов получил ранение, после лечения он был комиссован и отправлен домой. Причина, по которой его отправили домой, в справке о ранении объяснена так: «...по поводу остаточных явлений, исключающих возможность пользования конечности, после множественного слепого осколочного ранения правой стопы».

А вот еще одна справка, выданная моей тете сургутским отрядом юных пионеров имени Буденного: «Справка. Дана настоящая Калашниковой Т.В. в том, что она действительно состояла в группе октябрят при Сургутском пионерском отряде. Вступила в октябрята 25 января 1931 года, была активным и дисциплинированным октябренком». А Тамаре Васильевне на тот момент было-то всего шесть лет.

Кроме документов, в семейном архиве хранятся фотографии начиная с 1898 года. Фотографии, относящиеся только к нашей семье, фотографии с членами нашей семьи, сделанные во время разных мероприятий, проходивших в Сургуте и районе.

Отдельно хочется сказать о хранении наград родственников. Тоже долго думали, как же их лучше хранить, потому что если их хранить в коробочках или во что-то завернутыми, то это не впечатляет, награды, если так можно сказать, обезличиваются. Вот и стали мы делать планшеты, на которых есть все: фотография с надписью, кому принадлежит планшет, погон и все знаки, награды, которые наш родственник получил за боевые или трудовые заслуги.

Из всего вышесказанного вывод простой: если хочешь изучать историю государства, начинай с истории своей семьи. С этого и должно начаться возрождение России. Только тогда,

Паншет из семейного архива

когда мы будем знать свои корни, когда научимся не предавать забвению предков, уважать их, научимся уважать и любить свою семью и себя, только тогда нас будет уважать весь мир и будет считаться с нами.

А. Федулов

«Верь и крепко надейся, что я вернусь цел и невредим»

О моем отце

Публикуя письма отца, вероятно, следует рассказать хотя бы основное о моем отношении к нему и отношениях между нами.

В начале 30-х годов у моих родителей погибла после кори и пневмонии дочь Галя. Ей было три года. После этого врачи запретили матери иметь детей, но она подлечилась, рискнула... и появился я. На большее родители, видимо, не решились, хотя отец всегда мечтал о многодетной семье (у его матери, Елены Яковлевны, было 18 детей, правда, до зрелого возраста дожили лишь пятеро). Должно быть, поэтому любовь отца к детям «сфокусировалась» на мне. Приходится также сказать, что мне в детстве и юности как-то не повезло: пришлось немало похворать. Всем этим я объясняю некоторую его сентиментальность по отношению ко мне, повышенную заботливость (если можно так выразиться), иногда даже — «сюсюканье». Впрочем, со временем это «пришло в норму».

Видимо, отец вначале строил какие-то планы в отношении меня, но затем, опасаясь искусственно перегрузить, отступился. Он передоверил мое воспитание матери, сам наблюдал, но, подозреваю, давал советы и вмешивался в трудных ситуациях. После 18 лет я вообще оказался предоставлен самому себе: уехал учиться. Так что, можно сказать, «сделал сам себя». Сейчас, по-моему, возникает какая-то парадоксальная ситуация: хотя я по «паспортному возрасту» становлюсь старше отца, но «по жизни» этого еще не чувствую. Так, до сих пор я иногда даже «советуюсь» с ним в затруднительном положении. Объясняю это тем, что, хотя у меня сейчас тоже немалый жизненный опыт, но он, в основном, специфичен: по роду работы мне приходилось иметь дело с тяжелобольными людьми в экстремальных условиях, когда «за жизнь» не поговоришь. Но все же общежитейского опыта, думаю, достаточно, чтобы давать адекватные оценки своему прошлому.

Я помню отца с 2–3 лет. Помню его сказки, рассказы, чтение детских книжек, то, как он брал меня на рыбалку, по грибы, на

прогулки по Ханты-Мансийску и даже на «экскурсии» в педагогическое училище.

Наверное, кроме подсознательных родственных ощущений («ты нужен, тебя любят» и т.п.), это тоже послужило развитию доброго отношения, затем любви и уважения к отцу, которые со временем укреплялись, углублялись, обогащались. Вместе с тем немаловажным было то, что я с детских лет видел, чувствовал, затем понимал, как к отцу относятся мама, родные, друзья, коллеги, ученики, соседи и просто малознакомые и незнакомые люди. Отец у многих вызывал уважение и даже любовь к себе, причем не столько словами, сколько поступками.

Конечно, природа не обделила его ничем. Располагающая внешность, стать, ум, незаурядные способности, спокойный, выдержанный, добрый характер, доброжелательность, приветливость, терпимость, коммуникабельность, оптимизм, душевная чистота, энергия, трудолюбие, деловитость, обязательность — все было при нем. Везде, где он появлялся, люди обычно становились спокойнее, терпимее, приветливее, добрее. Разговаривая с отцом, человек сразу видел неподдельное внимание и интерес, а если требовалась помощь, то понимал, что она обязательно будет.

Отец умел (я — свидетель) почти сразу «разглядеть» человека, увидеть в нем хорошее, помочь ему самому оценить свои лучшие качества, а затем посодействовать их развитию. Он умел увидеть человека в перспективе. Наверное, поэтому он держал себя с детьми как с будущими взрослыми, что, думаю, тоже давало положительный результат.

Очень важным качеством его было то, что он всю жизнь постоянно работал над собой: много учился, читал, анализировал прочитанное, увиденное, пережитое, в том числе свои поступки, делал выводы. Почти каждый вечер они с мамой «подытоживали» прожитый день. Всякий раз он старался как можно точнее оценить себя и других, смотреть на жизнь и шире, с высоты своего опыта, и глубже. Можно сказать, развивал, «тренировал» разумную терпимость к людям.

Известно, что чем раньше человек осознает свое предназначение, определит цель жизни и будет неуклонно стремиться к ней, тем полнее он реализует себя, состоится как личность. Считаю, что жизнь отца сложилась именно по таким принципам, в чем его собственная заслуга несомненна. (Правда, было с кого брать пример: это отец, Кузьма Андреевич, старший брат Владимир, преподаватели, друзья,

коллеги). Несмотря на многие трудности, он никогда не изменял своему призванию и цели и, уверен, поэтому многого достиг.

Особо следует подчеркнуть, что неоценимую помощь ему на этом пути оказала его супруга Анна Кирилловна, моя мать. Интересен факт: когда отмечали 60-летие отца, то на банкете какой-то преподаватель предложил поднять бокалы за здоровье Анны Кирилловны, «которая сумела воспитать такого человека». Отец очень любил мою мать, заботился о ней, уважал и ценил за понимание, помощь, поддержку, любовь, доброту, но и твердость и принципиальность в сложных ситуациях, отдавал должное ее умению вести хозяйство, создавать уют.

Безусловно, духовное начало в его жизни преобладало над материальным. Он, можно сказать, был бессребреником, хотя и знал цену деньгам, поскольку, по большей части, уровень нашего быта (до середины 50-х годов) колебался где-то около прожиточного минимума. Есть студенческое письмо 1934 года, где он сообщает, что наконец-то удалось продать на рынке запасные брюки и любимые пластинки и выслать половину вырученных денег матери. Примерно то же в «военных письмах». Несмотря на это, даже в пору «борьбы за выживание» он легко давал деньги взаймы, не всегда ожидая возврата. Очень любил делать подарки, особенно детям.

Отец был скромным человеком. Он и мысли не допускал о высокомерии, превосходстве над кем-либо, о своем праве унижать других. Сам был очень трудолюбив и не терпел халтуры, безделья, жульничества.

В идеалы социализма и даже коммунизма, мне кажется, он верил, хотя, несомненно, видел и недостатки, и натяжки, и даже пытался «подправить» кое-что по мере сил и возможности. Критике не препятствовал, учитывал ее, незаслуженных привилегий не одобрял. Воспитывал людей в этом плане искренно, без лицемерия.

Что касается веры в Бога, то не его вина, что еще в отрочестве его «оторвали» от этого. И хотя это случилось (думаю, что он был атеистом), к вере и верующим он относился с пониманием и уважением. Позволю себе высказать мнение, что отец верил в «самодостаточность человека».

«Святошей» не был никогда, очень любил жизнь во многих ее проявлениях. В молодости увлекался охотой, рыбалкой, мог в азарте пройти десятки километров по тайге, болотам, берегам рек. Прекрасно пел, мастерски декламировал. Любил гостей, компании. Подозреваю, что обожал и женщин.

Сейчас я, конечно, лучше вижу и понимаю некоторые его слабости. Например, из «более очевидных»: много курил с детства, после войны — по две пачки «Беломора» в день и даже больше. Мог выпить, но контроль над собой не терял никогда. Что ж, иногда обстоятельства бывают сильнее самых сильных людей. При всем этом, повторяю, отец всегда стремился стать (и остаться) Человеком и Учителем и достиг этого. Он сумел сохранить доброту, отзывчивость, человечность, свет духовности, любовь к профессии до последних дней, когда к нему все еще обращались родные, друзья, знакомые за советом и помощью (даже за консультацией по русскому языку). До сих пор есть еще люди, которые вспоминают его добрыми словами.

Новосибирск, 2003 г.

Б.П. Животиков

Письма директора Сургутской средней школы П.К. Животикова 1941–1945 гг.

* * *

А.К. Кайманаковой

27 марта [1942 г.] 18 м[инут] 12-го ночи, Сургут.

Недавно пришел из клуба с лекции, поужинал и сел за стол, чтобы закончить письмо. Сегодня много впечатлений, а главное — слышал родной голос сына и жены. Бориска, дорогой мой! Как я прижал бы тебя к груди, расцеловал в губки, лобик, щечки, всмотрелся в твои умные, прекрасные карие глаза, мои глаза, искрящиеся лукавством и искренней чистотой! Как я одинок без вас, что особенно резко почувствовал, придя после разговора в свою холостую пустую комнату! Представляю, сколько переживаний у Бориса и радости, ведь он говорил с папкой через сотни километров! Милый, не может он понять всей глубины моего чувства и тоски по нему, по вам! Милая Аня! Береги его, я знаю, ты это делаешь, он тебе так же дорог! Радует одно, что скоро увидим-

ся, ведь Борис заявил сегодня: «Мы на пароходе к тебе скоро приедем». Послал сегодня тебе 100 руб. Эти деньги — зарплата, взятая авансом за 2-ю половину марта. Получил 250 рублей, из них послал тебе, остальное у меня (часть истратил на мыло 10 кусков, которые вышло с Харловым, и питание). Подъемные пока могут выдать только на одного меня (таков уж порядок!). Составил авансовый отчет на 616 руб., из них 400 р. получил в Х.-Мансийске, мне должны выдать 216 руб., на которые придется жить до полочки. (Здесь зарплату выдают только один раз в месяц в последних числах, ибо сельская местность, так что придется привыкать!). Мне загорелось купить весеннее пальто, а в магазине есть приличное — 220 руб., не знаю — сумею ли я сбиться, да к тому же придется, возможно, из них часть послать вам, ибо как вы будете там биться без моей помощи? Есть надежда достать 2–3 килограмма сл[ивочного] масла, тоже из этих денег. Вот и ломаю сейчас голову, как выйти из положения. С I/IV возьму часы, т[ак] ч[то] зарплаты будет около 1000 руб.: за директорство — 600 р., 85 северных, 350 — за часы. Больше пока никаких доходов не предвидится. Когда приедете вы, я буду дополучать подъемные, что составит около 600 руб., которые мы будем беречь на корову, которую здесь если купим, то заживем прекрасно. Я узнавал: сейчас корову можно купить за 700–800 руб., но трудно с кормом. Придется осуществить летом, а к этому [времени] скопить деньги.

Все, что достану, — пошлю с Харловым. Он очень хороший парень! Жаль, что не знал его раньше. Сегодня еще раз обошел все магазины. В раймаге были мужские сапоги, висят пальто, дамские платья, в комиссионном тоже есть ценные вещи, и никто не берет. Есть патефоны 220 руб., велосипеды по 407 р., варшавские кровати по 500 руб. и ниже, но с пружинами-решетками, матрасов нет. Я думаю, что тебе можно понемногу продаваться. Продай стулья, столы, табуретку, этажерки, продай и кровать, и другую ненужную мелочь. Посуду не продавай — не стоит, ибо здесь что-то не видел. В общем смотри сама. Хорошо, если бы ты сумела на часть вырученного просуществовать до полочки 25–27 апреля. Только пиши откровенно, не голодай, не мори ребят¹ и себя, а то сделаем хуже.

¹ Кроме сына Бориса, на попечении Анны Кирилловны остались осиротевшие племянники Павла Кузьмича, Владимир и Нина — дети его

Картофель достать можно, но по 12 руб. ведро. Придется тебе сейчас сделать так: перемерять всю картофель, подсчитать, сколько нужно отделить на еду до отъезда (примерно апрель и май — 2 месяца), ведер 10—12, остальное продать так, чтобы на эти деньги здесь купить картофель часть (ведер 10—15) для посадки и часть на еду до июля. В общем смотри и с этим особенно не торопись, а подумай, как это лучше сделать с таким расчетом, чтобы я сумел здесь купить. Напиши свои соображения.

Здесь жить и работать можно неплохо, тем более если устроиться с квартирой, приобрести корову, посадить огород. Страшного нет ничего, и я несколько не раскаиваюсь в своем поступке. Меня очень многие знают, и вообще репутация обо мне составлена хорошая. Есть знакомые и твои: Ковалева (быв. Яурова), фельдшерица Шестаева (кажется, Софья Львовна), которая тебя лечила перед курортом в Берск. санат. (помнишь?), и т.д. Люди живут — и мы жить будем. Можно развернуть большую работу по языку², к чему я скоро тоже начну приступать. Думаю, что до пароходов тебя с квартирой теснить не будут, попроси помощи (в крайнем случае!) у Павла Андреевича, что я его сильно прошу об этом! Большой привет ему и Дарье Павловне³. Как она — не с прибылью?!

старшей сестры Ольги Кузьминичны. Борис Павлович пишет: «Отец взял их на воспитание, но ушел на фронт, а мама осталась без работы и с тремя детьми, и дело дальше как-то «не пошло». Нину удочерила мамина подруга Фрида Готлибовна Бакшеева, жена известного в Ханты-Мансийске ветеринара Василия Ивановича Бакшеева. Владимир, будучи уже почти взрослым, окончил курсы фельдшеров и ушел на фронт военным фельдшером. Погиб уже после войны, в 1946 г., от туберкулеза легких. Судьба Нины сложилась счастливо.

² П.К. Животиков с 1934 г. преподавал в Ханты-Мансийском педагогическом училище хантыйский язык, в конце 30-х гг. подготовил учебник хантыйского языка для 1 и 2 классов национальных школ, написал «Очерк грамматики хантыйского языка». В начале 1940-х гг. был членом окружной комиссии по созданию литературного хантыйского языка и входил в состав ее научно-исследовательской группы.

³ В письме, очевидно, допущена обмолвка. Речь идет о соссях Животиковых, живших в том же доме по ул. Коминтерна, 6, Павле Андреевиче и Дарье Нестеровне Ширококовых. Павел Андреевич был известным в Ханты-Мансийске и в округе врачом, одно время заведовал отделом здравоохранения окрисполкома, а Дарья Нестеровна преподавала в школе биологию. (О ней см.: Белобородов В.К., Пур-

П.К. и Б.П. Животиковы. г. Москва [1961 г.]

Сообщи подробно о изменениях в Х.-Манс[ийске], новостях и т.д. — все интересно. Пиши — не ленись, ибо я скучаю! Ну, пиши, целую.

* * *

19/VI.42, [пароход] «Жорес»

Мои дорогие!

Вот уже прошло шесть суток, как я покинул дорогих моему сердцу лиц. Пароход настойчиво везет все вперед и вперед, навстречу неизвестному. За это время много пережито, много передумано. Никогда, видимо, не забудутся последние минуты, когда с палубы парохода я смотрел на вас и старался запомнить навечно ваши лица. Как [1 нрзб.] жаль было до безумия тебя и Борика, таких маленьких и незащищенных. Борис мужественно держится, не плачет, но его маленькое сердце наполнено болью разлуки со мною и за мать, которая, сдерживая рыдания, судорожно ловит взглядом меня на пароходе. Смотрю на Бориса и вижу его на-

това Т.В. Ученые и краеведы Югры: Библиограф. словарь. Тюмень, 1997. С. 311–312). Их сын Владимир Павлович Ширококов — академик-микробиолог, живет и работает в Киеве.

морщенный лобик, хмурые брови, острые черные глазки, засунутые в карман ручки и сгорбившаяся на [1 нрзб.] фигурка, за ним ты. Да, этот момент прощания, как вспышка яркой молнии, будет памятен мне всегда. Миг дорогой и незабываемый!⁴

Устроился и еду во 2 классе в 1-мест[ной] каюте № 9. Казанского из любезности пустил к себе на квартиру. На койке спим по очереди. Сразу же был назначен командиром 6-го взвода, поэтому дали каюту, и питаемся в салоне отдельно от бойцов. Время проходит однообразно: сон, еда, чтение, небольшая работа со взводом, разговоры. Нас объединилась компания: я, Аверин, Суба, Игнатов, Бугров⁵ (последнего протрезвили!). Но кажется, что едем целую вечность. Сейчас подъезжаем к Таре (времени 2 ч. 57 минут дня). На пароходе выдают по 700 гр. хлеба, сахар; обеды и ужины очень дешевые. Одним словом,

⁴ Невольно приходилось задумываться, каково было отцу, зрелому человеку, у которого было столько планов на будущее, уходить в неизвестность от семьи, от привычной жизни.

Уверен, что отец имел возможность, как сейчас не стесняются говорить, «откосить»: было много знакомых и друзей среди начальства, врачей. Уже на фронте обнаружился очаговый туберкулез легких, но и тогда он ничего не предпринял для облегчения своей участи. Видимо, таковы были воспитание, сознание. Как раз зрелость помогла отнестись к такому событию достаточно спокойно (или выдержанно, т.е. просто не подавал вида?), с пониманием своего долга перед семьей, близкими, родными, перед Родиной ввиду нависшей опасности. Впрочем, если внимательнее вчитаться в это письмо, то все яснее чувствуешь и понимаешь, что такую перемену в своей жизни отец встретил нелегко и непросто.

Что касается меня, то отец, пожалуй, «придумывает» за меня мои мысли и чувства, — вернесь, пытается их представить.

Разумеется, обстановка угнетала: было прохладно, пасмурно, мрачно в нерадостной толпе. Помню морозящий дождь, холодный чугунный кнехт пристани. Но больше всего поразило и запомнилось на всю жизнь другое: когда пароход отчалил, между его бортом и дебаркадером появилась и стала расширяться серая полоса воды, и тут внезапно раздался страшный слитный вопль сотен несчастных женщин, детей, стариков! Похоже, все они только в этот миг осознали, что, может быть, больше не увидят самых дорогих и близких людей! Пароход медленно уплывал, уменьшался и... исчез. Больше не помню ничего. — **Б.Ж.**

⁵ Аверин, Суба, Игнатов, Бугров — педагоги учебных заведений Ханты-Мансийска, коллеги П.К. Животикова.

со стороны питания все благополучно. Настроение мое бодрое. Одна забота — это вы.

В Тобольск приехали 15/VI рано, в 5 часов утра. Был сильный дождь — ливень. Пароход стоял до 2-х часов дня, т. к. бойцов водили в санпропускник. За это время я успел сходить на базар и продать пальто. В комиссионке давали 400 руб., я из нее вышел и продал крестьянину за 700 руб. 500 руб. послал телеграфом тебе, 100 р. отдал Субе, часть потратил на перевод и телеграмму. Говорят, что продал очень хорошо, хотя в Омске мог бы взять 800 руб. Считаю, что посланные деньги будут тебе значительной поддержкой. Заплати из них за квартиру обязательно.

Часы и сапоги пока берегу. Соберут в Омске — за все это можно взять вдвое выше, чем это есть в Тобольске. (За часы в Тоб. предлагали 900 руб.!). Как только представится возможность продать — это сделаю и деньги вышлю тебе. Мне денег совсем не надо.

Тобольск такой же потрепанный и жалкий, как и раньше. В магазинах пусто. Интересны цены на рынке: молоко 20 руб. л[итр], рубленый табак 30 р. чашка, яйца 50 р. десяток, картофель 80 руб. ведро, ржаная мука 43 руб. кило, масло сливочное 150 руб. полкило. Одним словом, жуть. Товаров никаких даже за дорогую цену. Видимо, так же и в Омске. Но это увижу собственными глазами. В Омск приедем только 21 утром. Говорят, что будет карантин недельки две и не дадут писать, так что ты не беспокойся, если не будет писем. Говорят, что сразу будут распределять по командам и отправлять кого куда. Трудно сейчас об этом писать. Обо всем подробно напишу при первой возможности.

Аня! Прошу только об одном — не падай духом, будь мужественна и вынослива в самые тяжелые дни нашей жизни, береги себя и Бориса. Все, что я сумею сделать для вас, я сделаю. Верь, что мы с тобою еще будем жить хорошо и счастливо! Я люблю вас, самых дорогих мне на свете существ, и в мыслях буду всегда с вами. Обо мне не заботься, не думай, не плачь. Я выйду из любого положения. Пока устраивайся где-нибудь работать, Бориса устрой в детсад. Если что нужно будет сделать, обращай к Петрову⁶, он хороший и поможет.

⁶ Петров — вероятно, сотрудник военкомата.

Боря! Здравствуй, сыночек. Как дела? Я еду на пароходе. Жаль, что нет со мной тебя и мамы. Когда-нибудь поедем на пароходе, как разобьем всех фашистов. Сыночек, слушайся мамочку, береги ее, люби ее. Пиши мне письма, рисуй. Крепко целую вас.

Ваш папа.

Привет Вовке и Нинке. Пусть слушаются тетку.

* * *

9/VII [1942]

Милые Аня и Боря!

Пишу, лежа около полевого телефона, воспользовавшись небольшой передышкой. Недалеко в небе, как назойливый шмель, гудит немецкий самолет-разведчик.

Под этот звук пишу, и мысли невольно направлены к вам, родные мои. Пока все благополучно. Стоим и обучаемся делу связи недалеко от линии фронта. Через 2—3 дня, видимо, двинемся дальше. К жизни бойца почти привык [3 нрзб.].

Забота одна — это вы. Страстно желаю получить от вас весточку. Думаю, что мой адрес дойдет до вас нескоро, поэтому буду ждать письма только в августе. Время идет быстро. Скоро будет месяц, как я расстался с вами. Как ты чувствуешь себя? Устроилась ли работать? Как и где? Как чувствует себя сыночек Боря? Я часто смотрю на ваши фото, и прошлое течет ярко перед глазами. Но как вы далеко от меня! Посмотри по карте: найди верховья Волги на северо-западе от Москвы (город Селихаров?). Около него наше временное пристанище.

Здоровье мое прекрасное. Всю пищу, какую дают, полностью съедаю. Аппетит изумительный. Видимо, жизнь в бору, всегда на воздухе, физические движения — все это идет мне на пользу в противовес тому «кабинетному» образу жизни, какой я вел дома. Горло не болит (я об этом перестал и думать!), с дыхательными путями тоже все в порядке. Может быть, эта встряска в моей жизни будет мне даже весьма полезна. Стараюсь постигнуть военное дело всеми силами и, кажется, числюсь в группе передовых бойцов. Хожу в противогазе по 5—6 километров, трудно, но выкаю и выдерживаю на одинаковом уровне со всеми.

Интересно, получаете ли вы от кого-нибудь из родных письма? Я написал всем, теперь буду ждать ответы от всех вас. Ты пиши обо всем, что касается семейной жизни, особенно вашего здоровья

и существования. Еще раз сообщаю, что деньги в сумме 500 руб. выслал телеграфом из Тобольска 16/VI и 2696 р. 06 к. почтовым переводом отсюда 3 июля. Сообщи, пожалуйста, когда получишь эти деньги. Как распорядиться деньгами, я советовать не могу, ибо тебе виднее. Но во всяком случае будь хозяйкой. У тебя много дыр: корова, койка для Бори, одежда и питание (питайтесь лучше — берегите себя!). При первой возможности часы я продам и деньги пошлю. Интересно, дают тебе или нет пособие. На всякий случай в этом письме я высылаю тебе справку от штаба нашей части, в которой подтверждается моя служба в Кр[асной] Армии. Когда и где нужно, ты ее предъяви.

Еще раз пишу, что жизнь даже в Х.-Мансийске по сравнению с иными местами кажется раем. Выезжать [1 нрзб.] не советую, ибо это будет нецелесообразный и довольно глупый поступок. Все второстепенные чувства и настроения нужно подавить: скука, тоска о родных, одиночество и оторванность и прочее. Главное — кусок хлеба, сохранение жизни твоей и ребенка, а также здоровья. У тебя огород, скоро питаться будет легче, чем когда-нибудь. Так что учти мой совет и необдуманно ничего не делай. О сиротах я не пишу, тебе виднее, что делать. Мое желание — будь к ним поласковее, а если трудно, то в августе отправь [1 нрзб.] с Ниной обратно, выдели на это деньги из мною присланных. Как живут Ерменины⁷, Бакшеевы и другие знакомые? Вместе со мною во взводе служит Зорин⁸... Живем дружно, помогаем друг другу чем можем, [так] легче переносить фронтовые трудности. <...>.

* * *

3/IX-42

Дорогие мои Аня и Боричка!!!

Ваше письмо от 15/VIII получил два дня назад и только сейчас ночью нахожу время ответить. Сообщаю, что по-прежнему здоров и бодр, надеюсь, что и в дальнейшем будет так же. Твое письмо, видимо, послано до того, как я послал тебе

⁷ В.Г. Ерменин и его жена Ю.С. Липчинская — друзья семьи Животиковых. Юлия Сергеевна в 50-е годы — директор Ханты-Мансийского окружного краеведческого музея. См. о ней: *Белобородов В.К., Пуртова Т.В.* Ученые и краеведы Югры: Библиограф. словарь. Тюмень, 1997. С. 167–168.

⁸ Зорин — знакомый П.К. Животикова по Ханты-Мансийску.

два больших письма, на которые еще нет ответа. Боевая жизнь течет своим обычным путем, к ней почти привык и втянулся, настроение тоже неплохое, ибо чувствую необходимость своего пребывания в Армии и никак не могу себя представить в положении уважаемого Казакова, сидящего около жениной юбки с броней в кармане. Ну что ж, не завидую ему нисколько, т. к. сознание, что я принимаю непосредственное участие в защите Родины, приносит глубокое внутреннее удовлетворение и помогает переносить все трудности военной службы.

Позавчера рано утром от имени бойцов части произнесил надгробное слово перед погибшими двумя товарищами во время выполнения боевого задания. Их имена: Черкашин из д. Покур и Вакадин А-ндр с пос. Банного Сургутского р-на. Погибли оба от мины, когда исправляли повреждение по линии. Невольно стало грустно от мысли, что ушли из жизни близкие, полные молодости и силы боевые друзья, с которыми только накануне шутил, вспоминал о Севере и общих знакомых. Кто знает?! Может быть, и меня ждет такая же судьба — развязка умереть хотя и честно, но вдали от родной семьи и родных мест. Но, однако, долой эти печальные мысли, жить — еще жить — таково сильное желание, и мысль о холодной могиле далеко, здесь на Западе, кажется какой-то противоестественной и обидной!

Мой ученик Киселев (из педучилища, спецпереселенец) совершил подвиг: когда осколками мины убило Черкашина и смертельно ранило Вакадина, Киселев взял из холодеющих рук провод и под огнем соединил линию, а потом перевязал раненого товарища. Командование части ходатайствует о его награждении орденом или медалью. Молодец парень, я за него очень рад.

Можешь поздравить и меня: вчера 2/IX вечером партсобрание батальона приняло меня кандидатом в члены ВКП(б), и, видимо, на днях получу документ. Рекомендации Юлии, Субы и Трусова⁹ оказались действительными, за что передай им при случае большое спасибо от меня, начинающего коммуниста. Знаю, что ты этому обстоятельству будешь очень рада, т.к. все время настаивала, чтобы я пошел в партию. От этого какая-то радость на душе и уверенность во всем. Знаешь, я все-таки буду неплохим коммунистом, ибо чувствую внутри себя подъем и

⁹ Юлия — Юлия Сергеевна Липчинская.

силы необъятные. Ну а если вдруг придется умирать, то знай, Аня, что я теперь умру коммунистом. Передай это Борису, воспитай в нем чувство радости за отца, нашедшего, наконец, свою цель и назначение в отряде Ленина-Сталина, борющемся за самое лучшее, что есть, возвышенное из всех идей на земле!¹⁰

Недавно комиссар вызывал к себе и заявил, что меня командование намерено выдвинуть политруком. Такое доверие еще больше окрыляет меня. Сейчас пока работаю заместителем политрука роты.

Твое письмо, с одной стороны, обрадовало, с другой — опечалило. Понимаю одну основную твою мысль и желание — это уехать с Севера к своим. Я тебе в последних письмах уже много писал своих соображений по этому вопросу. Теперь мое мнение, пожалуй, несколько будет другое. Если в Х.-М. стало хуже и тебе [1 нрзб.] трудно биться одной, то лучше будет уехать к своим. Но куда — решай сама. Самое главное — не дожидайся холодов. Думаю, что сначала можешь проехать в Н[ово]сибирск к Коле¹¹, посмотреть, как там сложатся дела, и если будет неважно, то списаться со стариками и уехать к ним. Ждать меня пока бесполезно... В общем смотри сама, увяжись с родными и действуй решительно и смело. Терять нам особенно нечего. Если я выйду домой, то пользу приносить по специальности могу в любом месте, о чем ты прекрасно знаешь.

Только прошу о 2-х вещах:

- 1) устрой по возможности судьбу сирот;
- 2) береги здоровье и жизнь единственного нашего сыночка и свое.

¹⁰ Я не почувствовал и не нашел ни малейшей фальши в рассказе об этом событии. Насколько мне известно, отец до этого не вступал в партию, т.к. считал, что не вполне готов и достоин этого. Однако (это моя догадка по отрывочным сведениям), может быть, мешало то, что, по непроверенным слухам (как было проверить?), старший брат отца Николай находился в эмиграции в Китае, отступив туда с атаманом Семеновым, под началом которого служил в казачьей части. Не имея точных сведений, отец, по-видимому, указывал в анкетах, что «родственников за границей нет», но опасался, что при проверке могли обнаружить, что это не так, и расценить как обман. — Б.Ж.

¹¹ Коля — младший брат матери Николай Кириллович Кайманакон. — Б.Ж.

Твое сообщение о том, что он простыл и болен, меня сильно беспокоит. Все-таки он у нас какой-то хилый. Позаботься о том, чтобы обеспечить к зиме ему одежду и обувь. То же самое позаботься о себе и ребятах.

По всему видно, что мечта о корове не осуществится. Поэтому используй деньги как можно по-хозяйски, пока живешь на Севере. В этом отношении попроси помощи от близких знакомых.

Получил письмо от Андрея Сергеевича Липчинского¹² и Василия Никитина из [1 нрзб.]. Все рады моим письмам и ответили мне. А.С. через месяц будет врачом и поедет на фронт. Сильно хочется узнать, где брат Андрей¹³... [далее стертая строка на сгибе]. Что знаешь — быстро сообщи.

Просил тебя о посылке. Пошлешь ли? Сумеешь ли? Хорошо, если б положила теплые рукавицы и чулки. В общем соображай — тебе виднее. Ребята здесь начинают получать — завидно.

Пока писать кончаю. Не удивляйся, что пишу не часто. Иногда просто нет времени, иногда настроения. Прошу только об одном — не скучай, крепись и верь только в счастливое будущее — от этого будет легче выжить. Передай привет бойца [1 нрзб.], Владимиру, Фриде, ее супругу, Нат. Фед. Ты пиши чаще — письма для меня — праздник. Обними за меня сыночка и крепко поцелуй. Жду от него, Нины и Владимира писем. Пиши, родная.

Твой П. Животиков

* * *

27.9.42

Милая Аня! Очень прошу тебя написать о Боре: как он себя чувствует, как растет, развивается, что нового в его характере, поступках. Не исправил ли он произношение согласного «р».

Интересно, как у вас теперь с питанием, не лучше ли стало? Как вас теперь снабжают, в каком магазине прикреплены, сколь-

¹² А.С. Липчинский — родной брат упоминавшейся ранее Ю.С. Липчинской. Окончил медицинскую академию в Омске. — Б.Ж.

¹³ Андрей Кузьмич Животиков — брат Павла Кузьмича. В Новосибирске выучился на командира орудия и со своей 45-миллиметровой пушкой дошел до Берлина, не получил ни единой царапины. Кавалер многих наград. — Б.Ж.

ко дают жиров? Работает ли Хатанзеев¹⁴ в педучилище (я ему писал открытку), как учится Вовка, ходит ли в школу Нина и т.д. Все это меня интересует и обо всем сообщи мне подробно.

Я живу и чувствую себя по-старому. Здоровье пока хорошее, не знаю, что дальше будет. Насчет дров и других коммунальных услуг я сделал запрос И.П. Игнатову, интересно, что ответит.

От Николая и Сапегиных¹⁵ ничего не получаю (от Коли получил одно, от С. — нет). Если пишут тебе, то сообщи, что есть интересного нового.

Получаешь ли ты от меня письма? Как нынче с сеном? Сможешь ли ты заготовить сена на всю зиму? Ну, пиши. Жду.

Твой Павел.

* * *

24/IX-42

Милые Аня и Боря!!

Почему молчишь? Если бы не письмо В.Г. Ермения, полученное мною вчера, то не знал бы, что и думать. Ведь пойми, что последнее письмо твое получил почти месяц назад (ты писала 11/VIII), следовательно, я имел основание думать и даже волноваться. Недавно получил письмо от Вовки и ответил ему. Хорошо, что у вас (как сообщает Ерм.) все благополучно. Особенно рад тому, что ты сумела купить корову. Подробности мне неизвестны, но предполагаю, что ты купила вместе с Казанскими и, наверное, дорого. Ну черт с ними, с деньгами, лишь бы вы были с молоком. Опишите подробно, как все это произошло, какая корова, «стоит ли овчинка выделки». Как думаете заготавливать корм, легко ли это сделать?

Откровенно говоря, я предполагал, что ты переезжаешь в НС¹⁶, и в последнем своем письме даже советовал тебе скорее это осуществить. Но теперь положение изменилось. Картофель и молоко — два фактора, ради которых не стоит рисковать. Так мне кажется, хотя тебе виднее — так ли это.

¹⁴ Хатанзеев Петр Ефимович (1894–1970) — заслуженный учитель школы РСФСР. В 1927–1930 г. преподавал хантыйский, ненецкий и коми языки в Тобольском педагогическом техникуме. В 1941 г. — ответственный секретарь комиссии по созданию единого хантыйского алфавита. Переводил произведения русской литературы на язык ханты.

¹⁵ Сапегины — родственники А.К. Животиковой.

¹⁶ НС, Нсиб. — Новосибирск.

Крайне заботит состояние твоего здоровья, роднуша! Наверное, работа да заботы вовсе подтачивают твои силы. Но, дорогая Аня, крепись! Ничего пока не сделаешь! Хорошо, если бы ты выписала из НС к себе Галину¹⁷, все было бы веселее и теплее жить! Как чувствует себя моя сыночка? Здоров ли? Жизнерадостен ли, как прежде? Боря, дорогой мой! Почему ты не пишешь и не рисуешь ничего своему папочке? Я о тебе очень скучаю. Как чувствует себя племянница Нина? Учится или нет в 3-м классе? Слушается ли тетю Аню? Все это меня очень интересует и заботит.

Я здоров и бодр по-прежнему. Скучать не приходится, т.к. этого не позволяет обстановка. Спешу поделиться своей радостью: недавно получил кандидатский билет, через три месяца буду членом ВКП(б). Моя и твоя мечта, Аня, осуществилась! Теперь я вернусь к вам несколько другим человеком. Во всяком случае, чувствую себя твердым и уверенным, т. к. цель жизни и борьбы определилась раз и навсегда. Советую и тебе, Аня, тоже подумать над вступлением в ряды ВКП(б). Мне кажется, что у тебя для этого есть все данные. Передай Вовке (я ему уже писал об этом) мой совет — вступить в Ленинский комсомол¹⁸.

Мои боевые дела идут неплохо. Сейчас выдвинут на работу военного корреспондента и начинаю приступать к работе. Эта работа очень интересная и полезная, а главное, живая. Сидеть на одном месте не придется. Вообще у командования состою на хорошем счету. Все время ждал от тебя результата на мою просьбу о посылке. Делала ли ты чего-нибудь по этому вопросу? Что главное, мне хотелось бы иметь фуфасчку или меховой безрукавчик под шинель, перчатки или рукавицы, теплые чулки и белье, листового табачку или махорки и немного спирту. Работа трудная в том отношении, что ночи все время мокрые и холодные, а спиртом бы протер и все хорошо¹⁹. Не знаю,

¹⁷ Галина — племянница Анны Кирилловны Кайманакowej (Живитиковой).

¹⁸ По-хорошему завидую отцу, его острой и глубокой радости приобщения к делу жизни многих людей с такими светлыми целями и идеалами, пусть хотя бы только провозглашенными. Это действительно придавало твердости, уверенности, силы. Не его вина, что красивую мечту больших и умных людей горе-исполнители не сумели осуществить. — Б.Ж.

¹⁹ Это письмо напомнило мне давнее наблюдение: отец никогда не жаловался на крупные неудачи. Но иногда он позволял себе по-

м[ожет] б[ыть] нельзя совсем посылать или его нет в магазинах. Ведь я пишу, предполагая, что все это ты сумеешь сделать не одна, а совместно с моими знакомыми и друзьями. Но моя просьба одна: не затрудняй затратами сама себя, сделай только то, что можешь в силах — и только.

Интересно, что имеется новенького в Х.-М. за это время! Так хотелось бы посмотреть на вас хоть одним глазком. Здесь начинается уже осень, у вас на Севере тем более. Как ты готовишься к зиме? Сколько накопили картофеля, и где его думаешь хранить? Каковы твои взаимоотношения с соседями? Думаешь ли ремонтировать печку? По-моему, это нужно сделать обязательно. Ты пишешь о дровах, что их тебя лишают. Мне кажется, что это неверно. Пусть тебе отопление не полагается как воспит[ательни]це детсада, но как жене учителя, призванного в Кр. Армию, коммунальные сохраняются полностью. Я об этом напишу письмом Игнатову в окроно. В отношении пособия для ребят — не знаю, что и сказать. Формально они правы, но по существу приходится туго. В крайнем случае потребуйте от девчат 100 р. в месяц из пенсии. Вот пока все. Пишите скорее ответ, а то скоро распутица. Всех обнимаю и крепко целую.

Ваш папка.

[*Приписка сверху 4-й страницы письма*]: «Передай привет Ермениным, Фриде и ее супругу, Казанским и всем остальным».

* * *

29 ноября 1942 г.

Мои дорогие Аня и Борик!!

Остается ровно месяц до Нового года. Пожалуй, пришло время поздравить вас заранее с этим знаменательным этапом, т.к. письмо дойдет как раз к сроку. Итак, поздравляю вас, самых дорогих сердцу людей, с наступающим новым 1943 годом и желаю только одного: счастья и жизненного покоя и уюта. Невыразимо сильно хочется верить, что зловецкие свинцовые

жаловаться на здоровье или военные бытовые условия. Видно, сочувствие жены было для него желательным «бальзамом» и «допингом». Вот и здесь довольно трогательно звучит просьба о посылке. Помнится, так же мы в детском саду ждали праздничные гостинцы. — Б.Ж.

тучи развеются над нашей Родиной. Ярко засияет радостными красками солнышко и согреет своими [2 нрзб.] лучами нашу семью. Как хорошо помечтать о несбыточном — встретить грядущий первый день 1943 года вместе с женой и малюткой-сыном! Да, этого осуществить нельзя... даже при самых лучших обстоятельствах. Придется быть с вами только мысленно, надеясь на скорое возвращение в первые месяцы нового года.

1942 год для нашей семейной жизни дал много тяжелых испытаний. Эта непродуманная поездка в С[ургут], разделившая нас на 2 1/2 месяца, затем отъезд на фронт и боевая работа и жизнь не для вас, мучительная полоса испытаний, которые длятся и по сей день. Будем, мои хорошие, надеяться, что будущий год залечит все раны и принесет нам только одни радости.

В эти дни у нас здесь большой подъем: события в Северной Африке, успехи наших войск на юге, наконец, большое наступление на нашем фронте настроили всех радостью и надеждой. Враг бежит, и скоро мы явимся очевидцами, а вы в тылу — свидетелями больших событий, а через месяц совершится очень многое, чего нельзя даже и предвидеть, а только чувствовать.

Вам давно не писал, что объясняется причинами, вытекающими из боевой обстановки. Но сегодня неожиданно получил возможность уделить вам за несколько часов отдыха 1—1 1/2 ч[аса] времени. Здоров, как и прежде. Много думаю о вас, а молчание ваше начинает несколько беспокоить, хотя и знаю, что почта должна на Севере возобновить работу недавно. Надеюсь, что на днях получу от вас целую пачку писем, которые расскажут о вашей жизни и успокоят меня.

Мои боевые дела обстоят неплохо. Приходится много работать во взводе как коммунисту. Кажется, что меня командование части ценит и уважает. В Октябрьские дни получил премию — 50 руб., которые посылаю Борису на подарок в этом письме. Зарекомендовал себя и как командир. Позавчера получили благодарность от командира дивизии за отличное выполнение боевого сложного задания. Слышал, что меня с группой бойцов представляют к правительственной награде. Что действительно получится из этого, пока сказать трудно, да и не наше дело, а тех, кому виднее. Обо мне не думайте и не опасайтесь. Будем надеяться, что опасности и трудности войны будут пережиты благо-

получно. Я, например, так привык не думать о плохом, что если что-нибудь даже и случится, то это будет неожиданностью. Конечно, об этом не стоит ни думать, ни писать. Повседневная жизнь протекает разнообразно, и время летит быстро. Живем в боевом коллективе исключительно дружно и хорошо. Это смягчает трудности и облагораживает суровую действительность. Командиры — люди прекрасные и чуткие, что также очень много значит для нас. За последние полмесяца писем ни от кого не получаю. Жду с нетерпением ответа от Андрея из Н[ово]Сибирска.

О тебе, Аня, и Борисе очень соскучился. Живу надеждой, что недалек день нашей радостной встречи. Заботит состояние здоровья сына, т.к. ты писала, что он переболел корью. Владимиру написал письмо, в котором высказал все обиды и отругал за все. Писал также Петелиной, чтобы оградить тебя от неприятностей, связанных с квартирой. Широкову ничего не писал, думаю, что справишься сама.

Как-то ты работаешь и чувствуешь себя? Знаю, что от всего устала и измучилась. Но потерпи еще немного, родная! Скоро наступят для тебя дни радостей и отдыха, т. к. я вернусь, и мы заживем по-иному. Главное — береги себя, старайся меньше переживать и нервничать и при самых тяжелых обстоятельствах не теряй веры в свои силы и способности. Помни, что наш Борис потребует от тебя и меня еще много физических и нравственных сил.

С новым наступающим годом, родные мои! Крепко вас целую и прижимаю к сердцу.

Ваш П.

* * *

12/1-43

Мои дорогие Аня и Боря!!

Как-то вы живете? Последнее письмо получил от 2 ноября, где сообщено, что Борис болеет. Больше ничего не получал, и [это] заботит и волнует. Завтра, 13/1, ровно семь месяцев нашей разлуки. Время неизбежно идет вперед. Долго ли еще будет нарастать месяц за месяцем, неизвестно, но надо надеяться, что скоро увидимся. К этому идет все. Я здоров. Нахожусь все в той же части. Вторую посылочку на днях получил в целости и сохранности и пока положил в вещевой мешок, т.к. особой нуж-

ды не имею. Пишем ни от кого не получаю, хотя и сам стал писать реже. От Андрея (брата) ничего также нет. Возможно, что из НСиб. его уже отправили на фронт, и мы опять потеряем друг друга. Об этом очень жалею. Суба В.И. написал письмо, но ответ еще не получил. Интересно, каковы судьбы Величко²⁰. Аверина и Бугрова? Что известно — сообщи.

Как здоровье Бори и твое? Оказывают ли тебе необходимую помощь врачи (я писал Потанину²¹). Как дела с работой? Сумела ли выйти из денежного кризиса?

Я тебе послал два небольших перевода, получила ли ты их — сообщи. Все, что возможно, я посылаю тебе, не оставляя себе ни копейки. Да деньги мне здесь и не нужны. Обо мне не скучайте и не беспокойтесь. Внуши Боре уверенность, что папа скоро вернется и мы заживем весело и хорошо. Да это так и будет.

Вспомнил, что в феврале твой день рождения. Искренне поздравляю тебя и желаю здоровья и счастья. Верь, что заботы, нужда и все, что давит и гнетет, скоро пройдет. Крепись, тем более что у тебя уже большой сын, которому ты нужна, как воздух и пища.

Пусть Боренька расцелует твои прекрасные глаза и хотя бы на миг вызовет в них искры радости. Я издали шлю тебе поцелуй и ободряющие слова: «Крепись, моя родная, переживай все ради будущего и сына». Мы с тобой еще не старички и по моем возвращении еще наделаем столько дел, что люди ахнут и позавидуют нашему семейному счастью.

Как живут Владимир и Нинка? Мне кажется, что все, что случилось, к лучшему и для них, и для вас, а на языки злые и любопытные не стоит обращать внимания.

Передай от меня сердечный привет Вл. и Юл. Ермениным (что слышно об А.С.?), Анисимовым²², Игнатовым и другим.

²⁰ Величко Георгий Тарасович (1911–1975) — педагог. В 1937–1942 и 1943–1944 гг. работал в ханты-мансийской средней школе № 1, сначала завучем, потом директором. В 1942–1943 гг. — участник Великой Отечественной войны, был тяжело ранен. В 1944–1967 гг. — директор Ханты-Мансийского педагогического училища.

²¹ Потанин Николай Александрович (1883–1969) — врач, заведовал Самаровской районной больницей, окружным отделом здравоохранения, в 1933–1946 гг. — окружным противотуберкулезным диспансером.

²² Анисимов — педагог.

Скажи, что скоро я вернусь с победой на Дальний Север и вновь примусь за любимое дело.

Вот пока все. Как встретили Новый год? Устраивала ли для сынки елку (хоть малюсенькую!)? Пишите чаще и вышлите те бумаги. Крепко вас обнимаю и целую, дорогие мои.

Ваш П. Животиков.

* * *

14/1-43 г.

Дорогая Аня!

Неожиданно И. Кир.²³ разыскался. Я писал директору фин. техникума, он сообщил И. К-чу, и тот сегодня прислал мне открытку, но весьма нерадостную. Он остался один как перст. Все ребята в Армии, о дочери ни слова, а Маруся²⁴ умерла 21 ноября (от какой причины — не пишет). Работает И.К. на табачной фабрике слесарем, а живет у своей свояченицы на квартире. (Его адрес: Шадринск, Февральская, № 96). Ты напиши ему и успокой, как сумеешь. Сама не особенно убивайся, ибо от этого легче не будет. У меня есть мысль: нельзя ли весной позвать Ваню к тебе на Север. Тебе было бы легче, да и ему тоже, а то шадринская обстановка, наверное, влияет на него убийственно. Я ему об этом писать не буду, а ты попробуй закинуть об этом словечко.

Да, прошедший год оказался очень тяжелым для нашей семьи. Смерть М.К.²⁵ и М.Т. — большое непоправимое горе для всех нас. Но нужно все пережить и до конца не сгибаться под ударами, которые наносит жизнь.

Последние дни много думаю о Борисе. Почему ты все-таки так упорно молчишь? Ведь надо иметь много нервных сил, что-

²³ И. Кир., И. К-ч — старший брат матери Иван Кириллович. В начале войны двух старших его сыновей призвали на фронт, и они как-то сразу пропали без вести. Третьего сына и дочь мобилизовали в трудовую армию, где они простыли, долго болели, но все-таки выжили. Отец делал все, что мог, чтобы хотя бы как-то устроить его, но не успел: после пережитого у Ивана Кирилловича начался рак желудка, и он вскоре умер. — Б.Ж.

²⁴ Маруся — жена Ивана Кирилловича Мария Тимофеевна.

²⁵ М.К. — Мария Кирилловна, мамина сестра, которая тоже скончалась в 1942 г. (ей было чуть более сорока лет). Отец все это тяжело переживал, да еще и, как всегда, беспокоился о нас и пытался подбодрить. — Б.Ж.

бы выдержать пытку неизвестностью о самом для меня родном существе! Пиши мне открыто и прямо о нем. Хочется верить, что его болезнь не так страшна и ее можно вылечить с успехом. Ты делай все, что в силах, но крепись, родная, даже при самых худших обстоятельствах. Я верю в твой разум, как и прежде.

Крепко целую вас обоих.

Твой муж П. Животиков.

* * *

14/III-43

Мои дорогие Аня и Боря!!

Обстоятельства сложились так, что я не мог вам долгое время написать. Все время в походах и в работе. Лично я жив и здоров. Физически закалился и, к моему удивлению, легче многих переношу встречающиеся трудности в пути и в боевой жизни. Твое письмо последнее было от 10/1 и больше не получал. Как вы там живете? Часто думаю о вас, мечтаю о скорейшей встрече, но пока действительность диктует иное. Теперь пошел десятый месяц моего пребывания на фронте. За это время ко всему привык, и даже необычайная фронтовая жизнь кажется привычной и будничной. Здесь начинается весна: ярко светит солнышко, бегут ручейки, обнажились поля. Лес стал зеленее. Вошли в пределы Смоленской области. Жители встречают тепло и взволнованно. Сколько горя, слез, нищеты и страданий видишь на каждом шагу! Вы там, в глубоком тылу, даже не можете представить того, какие лишения и [1 нрзб.] переживают здесь [1 нрзб.] люди, только вчера бывшие под властью немцев. Работаю секретарем парторганизации своей части. Много занят, но работаю с увлечением, ибо дело новое для меня, а главное — ответственное и почетное.

От В.Г. Ермения иногда получаю письма. Глубоко благодарен ему за дружбу и участие. От А.С. Липчинского на днях получил письмо. Он пишет, что академию закончил и дожидается в Омске назначения на фронт. Обижается на мать и сестер за то, что забыли и даже не пишут ему. Физа живет в деревне. Ее адрес: Омская область, Москаленский район, овцеплемсовхоз 16, ферма 4. Передай этот адрес Ермениным, пусть увяжутся.

От брата Андрея с фронта получил только одну открытку, а больше, и уже давно, ничего нет.

Вот пока все мои новости. Обо мне не беспокойтесь, больше заботьтесь о себе. Здоровье твое и Бориса особенно весной меня тревожит. Интересно, получила ли от меня переводы (3 перевода!). Сейчас посылаю в письме 30 руб. для Бориса и в конце марта переведу еще (10 руб. посылает лейтенант Федоров, который сейчас сидит рядом со мной!) рублей 200. Мало, но делаю то, что могу. Интересно, как идут твои дела? Советую тебе посадить огород, одним словом, по-хозяйски продумать и подготовить все. Ехать никуда не придется — нет смысла. Верьте, что скоро все кончится и я вернусь с победой домой. Ваш папа.

Крепко обнимаю и целую.

* * *

Мои дорогие Аня и Борик!!

Ваше молчание губительно отражается на моем настроении, на всем. В голову приходят разные глупые и дурные мысли. Проходят дни и недели томительного ожидания, однако почти не приносят ничего. Сегодня от Николы из НС получил письмо. Он сообщает, что в связи с урожаем картошки питание значительно улучшилось, здоровье тоже стало лучше. Сильно заботится о тебе и просит скорее организовать ваш переезд к нему. Откровенно говоря, я очень жалею о том, что этим летом не помог вам выехать с Севера, ибо со своими тебе легче было бы переносить всю тяжесть жизни. Главное дело в здоровье, а оно у тебя неважное, и я сильно боюсь за тебя и сына.

Эдик выздоровел, но (сообщил Коля!) не хочет учиться, несмотря на все меры со стороны И.М. Пишу ему «с подходом» письмо, где хочу «повлиять»²⁶.

Как-то ты и Борис начали жить вторую зиму без меня! Сознание этого так гнетет, что просто не нахожу себе покоя. Но стараюсь не думать о худшем. Бесит еще и то, что ничем, абсолютно ничем не в силах оказать вам помощь. Если раньше иногда посылал немного денег, то сейчас, питаюсь за плату в столовой, все до копейки проедаю. Служебное мое положение до крайности

²⁶ Эдик — Эдуард Чирке, племянник матери, потерявший ногу перед призывом. Родня считала, что отец своими письмами отвлек его от мыслей о самоубийстве. Парень крепко погоревал, конечно, затем все же поступил в техникум. И.М. — Имре (Эрнст) Михайлович — отец Эдуарда. — **Б.Ж.**

сти неопределенное, ибо должность внештатная (неоплачиваемая!), а начальство с обещаниями тянет вот уже несколько месяцев. Так только и остается делать, как пишет мне Андрей: «С мечтою встаю, с мечтою работаю, с мечтою засыпаю».

* * *

21/IV-43

Моя Аня!

Решил написать еще, чтобы дать тебе кое-какие советы по вопросам, которые тебя волнуют и мучают. Наступила весна — и перед тобой неизбежно встает вопрос ГДЕ и КАК жить? Конечно, заманчиво уехать поближе к родным, чтобы избежать тоскливого одиночества и иметь под боком близких, надеясь на их помощь и участие в минуты горя. Но об этом нужно серьезно подумать и все серьезно взвесить, чтобы не попасть в худшее, безвыходное положение.

Жить в НС или у Клавы²⁷ трудно. Народ из этих мест старается уезжать, чтобы легче просуществовать. Подумай, не станешь ли ты лишней неприятной обузой, материально зависимой от кого-то?! Не лучше ли тебе пока оставаться в ХМ, где ты имеешь работу, квартиру и неплохое общественное положение, и главное, самостоятельна. Нынче ты опять имеешь возможность посадить маленький огород, для чего использовать мои деньги (400 и 380 р.), которые я выслал и которые в условиях Севера многое тебе помогут сделать. Лето пройдет быстро. К осени может произойти многое: могу вернуться домой я — тогда все ясно и твердо войдет в свое русло; если будет хороший урожай — везде жизнь подешевеет, можно будет без особого риска думать и осуществлять переезд. Пока же, по-моему, нужно сидеть на месте, выжидать лучших дней и событий и, отбросив личные переживания, скуку и тоску, мужественно и бодро бороться за существование свое и сына.

Лично у меня складывается такое решение: если я благополучно буду возвращаться домой с фронта, то намерен резко изменить место своей работы²⁸. Хочется пожить в большом

²⁷ Клава — Клавдия Кирилловна Кайманакова, старшая сестра Анны Кирилловны.

²⁸ Впервые в жизни зачеркнул в письме отца одну фразу: почему-то решил, что она случайна и может исказить представление об его истин-

городе, впитать в себя больше культуры, создать более спокойную обстановку на последний десяток лет жизни, выучить сына. Безусловно, будет полная возможность устроиться жить и работать и мне, и тебе в Л. или М. Или недалеко от них, например, на берегу живописной Волги и т.д. Поэтому намерен заехать сразу же в Наркомпрос и взять путевку, устроиться, а затем съездить и привезти вас. Если ты думаешь разделить со мною остатки жизни, то согласишься, что я прав. И волноваться и мучаться тебе сейчас нет основания, ибо все зависит от недалекого будущего. Учить Бориса, вырабатывать из него образованного и культурного человека — наша с тобой задача. И мы будем стремиться всеми силами к этому, отбросив личные наши желания ради его будущего. Не правда ли? Я часто в минуты досуга думаю о Борисе и стараюсь в воображении представить его будущность. Безусловно, мы победим и этим дадим нашим ребятишкам широкую возможность свободно развиваться и совершенствоваться. Страдания, человеческое горе, муки отчаяния, смерти и пожарища — весь этот кошмар умрет вместе с войной. Быстро и стремительно начнется взлет культуры и нормальной радостной жизни в нашей

ном отношении к Северу. (Вот она: «Север меня теперь уже не так привлекает»). Потом сообразил: не имею права. К тому же, вся дальнейшая жизнь отца доказывает, что «старая любовь не проходит».

Чего стоят хотя бы его героические (я так считаю) командировки по Северу! (Дневники командировок см.: «...Много думаю над тем, как лучше построить работу» // Подорожник: Краеведч. сб. Вып. 1. Тюмень, 2002. С. 144–167. — Ред.). Это — после двух войн, почти без отдыха и лечения, да еще в тогдашних условиях! Он ведь добирался до школ в колониях по р. Таз в Красноселькупском районе. Инспектировал, «учил учителей», читал лекции заключенным о значении образования, русского языка и литературы.

«Занозой» сидит в памяти: когда он возвращался, мама заставляла его сбрасывать всю одежду в коридоре. Все сжигала, оставляла только тулуп, который вымораживала и «прожаривала» утюгом. Нет, без любви такую работу не сделаешь! За деньги? Да какие тогда были деньги! Помню, отец несколько лет после войны донашивал «парадный» серый пиджак и черные брюки, которые мама чудом сохранила, видимо, мистически побоявшись лишиться последних его вещей (что могла, меняла на дрова, сено и пр.).

Так вот, о любви к Северу: просто отец тогда несколько «по-маниловски» помечтал, да и, как всегда, старался успокоить мать. — Б.Ж.

стране. Через 3—5 лет, когда Борику будет 10—12 лет, раны, нанесенные войной, затянутся, небосклон полностью очистится от туч, и все мы получим возможность нормально, красиво и спокойно трудиться, жить и отдыхать. Борис должен быть настоящим, полноценным, всесторонне развитым человеком, полезным для нашего общества. Он должен воплотить в себе наши лучшие мечты и желания, получить все то, чего мы с тобой не сумели достичь в жизни: быть образованным, здоровым, жизнерадостным, приятным в обществе. Его «спасибо» нам с тобой за заботу и воспитание — вот расплата, которую мы должны добиться через годы борьбы и упорного воспитания. Для этого, когда я вернусь к вам домой, мы должны продумать все этапы нашей жизни: где, как жить и работать, чтобы сын имел соответствующие условия для своего развития и образования. Не удивляйся. Над этим придется задуматься нам серьезно и ответственно.

Хорошо если бы ты сумела пригласить на лето к себе Галину²⁹ из НС. Тебе и Боре было бы жить веселее, а ей тоже разнообразие. Приехать по Оби не так уж трудно, тем более что она уже почти взрослая. Напиши, разделяешь ли ты эти мысли.

Обо мне не заботься. Верь и крепко надейся, что я вернусь домой цел и невредим. У тебя нет основания преждевременно думать о чем-нибудь другом. Успокойся и думай только о себе и сыне. Я имею силы перенести мужественно все трудности военной жизни, пока замечательно здоров³⁰ и твердо определил свой жизненный путь. Свежие силы вливает в мои жилы сознание, что я коммунист, и мне стало легче дышать и работать.

Работы и трудностей еще много, и я отдаю себе об этом ясный отчет. Но сил и способностей хватит на все. Пусть мое настроение и бодрость, радостное представление о будущем тоже настроят и тебя уверенно и жизнерадостно. Я верю в тебя, моя Аня! Мы еще проживем с тобою полезно и красиво. Важно только мужественно пережить еще несколько месяцев войны, а там все пойдет по-иному. Вот пока то, что я хотел

²⁹ Галина — семнадцатилетняя племянница матери. Ее семья в Новосибирске тогда очень голодала. — Б.Ж.

³⁰ Получается, что отец все-таки сумел на какое-то время подлечиться или просто «загнал болезнь внутрь», не обращал внимания. — Б.Ж.

написать тебе. Пойми и взвесь мои мысли и желания. Трудись, сколько хватит сил, и заботься о себе и сыне. Крепко целую тебя и Бориса.

Ваш П. Животиков.

Интересно, взят ли Вовка в Армию? Как живет Нинка?

* * *

26/V-43

Дорогая Аня и сыночек миленький!

Вот и весна. У вас теперь по Оби и Иртышу пошли пароходы, с которыми мы, северяне, ждем от родных и знакомых весточек. Здесь тоже все расцвело. В рощах, которые нас окружают, поют соловьи и заставляют тоскливо многое переживать.

Я здоров, а боевая жизнь течет все вперед и вперед. Готовимся к скорым решающим схваткам с врагом. Настроение бодрое и решительное. Живем надеждами на благополучный исход. Но ведь это право каждого! А что подготовила мне судьба или другому — это покажет будущее. Передай мамаше бойца Карякина, что на днях он награжден медалью «За боевые заслуги». Славный паренек, такой умный и с героической душой.

От Вани из Ш[адринска], от М. Як.³¹ из НСиб. получил письмо. Жаль Н.К., который, видимо, живет плохо и не может в шадр[инской] обстановке избавиться от переживаний, связанных со смертью М.Т. Пишет, что согласен переехать на Север к тебе, а семейный совет родных в НС не советует тебе ехать в НС. Как ты смотришь на то, чтобы приютить Ваню? Тебе стало бы легче и веселее жить. Не правда ли? Я ему написал свою радость по поводу этого шага. Но главное в тебе. Продумай этот вопрос, посоветуйся с Володей Ерм[ениным] и другими, узнай, где и на каких условиях он может устроиться работать, и откровенно сообщи ему. Получила ли 380 р. — последний перевод? Да, грустно, что первый раз в жизни свой день рождения — 11/V и Борин (2 раз!) 30/VI буду не с вами, но мысленно с вами и сердцем. Поздравь меня и сына со зрелостью. Да, скоро 40 лет! А волосы — почти серебро! Что ж сделаешь! Не думаешь ли Бореньку нынче осенью в школу? По-моему, не стоит. Пусть еще поживет под твоей опекой и воспитанием.

³¹ М. Як. — Мария Яковлевна Чирке — родственница, жившая в Новосибирске, мачеха Эдуарда Чирке. — Б.Ж.

[Приписки сбоку и сверху]:

«Маргарита и Зоя с Барита³² сообщили мне адрес Андрея. Теперь успокоился. Как дела у Владимира и Нины? Опиши подробно».

«Передай привет Володе и Юлии. Отелилась ли Зорька? Посадила ли огород? Вообще как живешь? Все, все интересно. Обнимаю и целую крепко-крепко. Ваш папка».

* * *

[Лето 1943 г.]

<...> Интересно, как развивается Борис?! Наверное, у него в поведении и развитии появилось столько новых черт, что я просто не представляю. Мне кажется, что детсад должен подействовать на него плодотворно, чувство коллективизма, товарищества, ответственность за свои поступки перед друзьями и воспитателями должны привиться ему за это время и изгнать отрицательную сторону его характера — болезненный эгоизм.

Так ли в действительности это? Мне кажется, нужно будет больше уделять тебе сейчас внимания на подбор друзей, на режим его поведения в свободное от детсада время и оберегать его от разлагающего влияния улицы, которая так сильно обычно тянет ребенка в его годы. Особенно нежить, беречь и баловать тоже не стоит, нужно немножко и закалять, но постепенно и незаметно.

У Борика должен быть хороший голос и музыкальная способность. Попробуй повнимательнее приглядеться к нему и, может быть, сумеешь договориться с учителем музыки проводить изредка, но систематически музыкальные занятия. (Ведь делают же это Анисимовы для своей дочурки!). Напиши мне, пожалуйста, подробно все о Борисе, укажи его недостатки, и я попробую написать тебе ряд советов.

От родных из НС и Шадр[инска] нет давно ничего. Оно и понятно: о чем они могут мне написать, кроме разных недостатков и пр. Видимо, просто не хотят огорчать.

От В.Я. Никитина³³ недавно получил письмо, где он пишет, что находится в Томске, опять лечится в тубдиспансере. Бедный Василий! Мне кажется, что туберкулез все-таки доко-

³² Племянницы Павла Кузьмича, дочери его старшей сестры Ольги Кузьминичны. — Б.Ж.

³³ Никитин Василий Яковлевич — троюродный брат П.К. Животикова.

нает его. Просто больно от этой мысли, но что можно сделать! Написал ему о Тамаре и Зойке, чтобы сходил узнать, как они живут, и сообщил мне. От стариков Сапегиных давно ничего нет. Андрей пишет. Он пока жив и здоров. Ваня тоже молчит.

Я систематически пишу всем, хотя ответов получаю мало. Тебе за август и 8 дней сентября я послал 6 писем. Интересно, сколько же ты получила? Сообщи.

Передай привет знакомым. А тебя и сынку крепко целую.

Ваш папка.

[*Приписка с левого края второй страницы*]: «Где теперь Русская, Прыткова³⁴ и Муха?»

[*Приписка с правого края второй страницы*]: «Как к тебе относится начальство и общественность? Помогали ли?»

* * *

30 июня 1943 года

Мой милый Боря!

Поздравляю! Тебе сегодня исполнилось **семь** лет жизни! Из обстановки орудейных залпов, едкого порохового дыма, с

³⁴ Русская Юлия Николаевна (1917–1986) — выпускница Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена, с 1940 г. активно участвовала в создании алфавита хантыйского языка и подготовке первых учебников для начальной школы. Летом 1941 г. выехала в командировку в Ханты-Мансийский округ для сбора лингвистического и фольклорного материала среднеобского говора хантыйского языка и преподавания языка на окружных курсах учителей и переводчиков. В округе прожила все военные годы. Преподавала русский язык и литературу в Ханты-Мансийской средней школе, заведовала Полноватской школой, с сентября 1943-го до середины 1945 г. вела уроки хантыйского языка в педучилище, была членом научно-исследовательской группы по созданию литературного хантыйского языка. В августе 1945 г. возвратилась в Ленинград.

Прыткова Наталия Федоровна (1904–1966) — этнограф, лингвист, педагог. С начала 1930-х гг. изучала хантыйский язык и этнографию, участвовала в составлении словарей и учебных пособий, в 1935–1937 гг. преподавала хантыйский язык в институте им. А.И. Герцена. Война застала ее в экспедиции на р. Казым. Оттуда переехала в Ханты-Мансийск, в декабре 1941 г. вошла в состав окружной комиссии по созданию литературного хантыйского языка. 10 марта 1942 г. утверждена инспектором по искусству при исполкоме окрсовета. В это же время ею было выполнено научное описание этнографической коллекции окружного музея.

далеких полей войны шлю тебе страстное пожелание быть **здоровеньким и счастливым!**

Знаю, что сегодняшней твой день рождения омрачается моим отсутствием. Может быть, вспоминая сегодня меня, находящегося от вас далеко-далеко, ты и мама немного всплакнете. Но помните, что в этот день мысленно я был только с вами, что вы должны почувствовать своим сердцем.

Да, вот уже 2-й год я не с тобой, мой сын! Время неудержимо мчится вперед, оставляя позади месяцы и годы твоего безмятежного золотого детства. Жаль до сердечной боли, что я не могу быть с тобой, Борис, не могу помогать твоему формированию и наблюдать за движением твоей души и физическим развитием. Отдаленный грохот войны, лишения и тяжесть жизни, детская тревога за мать и судьбу отсутствующего отца накладывают и на тебя свой отпечаток и, наверное, заставляют преждевременно морщить лобик над многим еще непонятным твоему маленькому разуму.

Когда мы встретимся с тобою и мамой?! Не знаю! Невозможно предсказать будущее! Но нужно в это верить и я верю. Крепко надеюсь, что мы будем незабываемо переживать радость встречи, и мечта, что я смогу обнять, расцеловать, рассмотреть тебя и поведать тебе и маме все пережитое, не покидает меня.

Тебе восьмой год — последний год беззаботного раннего детства! Скоро школа — первый этап выхода в жизнь с ее радостями и обидами. Перед тобою откроется новый многогранный мир, а годы под крылышком ласковой заботливой мамуси останутся только в наших семейных воспоминаниях, а у тебя — как самое дорогое и приятное в жизни. Об этом я сужу по себе. Мне недавно стукнуло 39 лет, но свое детство до школы я помню хорошо, как дивный сказочный сон далекого прошлого.

Тебя, наверное, нынешней осенью будет тянуть в школу. Но не советую, рано еще. Нужно получше окрепнуть и, пожалуй, дожидаться меня. Я поведу тебя в школу сам. А пока этот год побудь с мамой, веселись, пой громко песни и побольше играй с друзьями на улице. Но главное — слушайся маму, то есть будь дисциплинированным, как боец на фронте. Теперь ты уже большенький и должен понять мою просьбу.

*Павел Кузьмич
Животиков*

19 $\frac{11}{VI}$ 04 — 19 $\frac{6}{VI}$ 70

Борис! Дорогой мальчик! Дай мне сегодня обещание беречь мамусю и помогать ей во всем! Я знаю, что ты сильно любишь ее и тебе больно, когда она плачет, хмурится, болеет или в плохом настроении. Ты маленький мужчина, остался дома за папу. Поэтому оберегай мамусю от обид, неприятностей и **никогда** не обижай ее сам. Маме **очень** тяжело без меня! Ты об этом

полностью не знаешь сейчас, но поймешь и оценишь, когда **созреешь** для этого. Мама для нас с тобой — это все в личной жизни.

Уверен, что ты сегодня, как именинник, доставил своей мамусе только одни радости. (Я ведь об этом все равно узнаю!).

Роднушка Борик! К дню твоего рождения я приготовил прекрасный подарок. **Сегодня** правительство наградило меня, твоего папу, медалью «За боевые заслуги», которая ярко блестит у меня на груди, когда я пишу тебе это письмо. Ты и мама должны с огромной радостью принять от меня этот подарок.

Это письмо сегодня уйдет, а я останусь и иногда в промежутках большой боевой работы, которую теперь выполняю, буду грустить о тебе, мой родной. Но эта грусть вызывается огромной тоской по тебе и мирному покою. Вот пока все, Борюшка! Прощай! Обними и расцелуй за меня мамусю и передай, что твой папа жив и помнит о вас. Пиши.

Крепко целую — твой папа П. Животиков.

* * *

У меня уцелело несколько отцовских писем, присланных лично мне. Они «адаптированы» с учетом моего тогдашнего возраста, поэтому, скорее всего, интересны лишь для меня (как память). Однако я все же отправляю вам одно из них, тем более что оно как бы «этапное», поскольку написано к моему дню рождения.

В этом письме отец не делает каких-либо «педагогических открытий», но в нем просматриваются некоторые принципы, коим он следовал при воспитании детей (да и взрослых).

Так, он обращается ко мне как к человеку если и не взрослому, то по крайней мере, как мне кажется, постарше моих семи лет. (Или, может быть, отец стремился «увидеть меня в перспективе» и писал так для того, чтобы это письмо послужило мне добрую службу и в будущем, что и произошло).

Он ненавязчиво напоминает о родственных связях и чувствах. Пожалуй, впервые он довольно подробно пишет лично мне о таком сложном явлении, как время, о его «беге», о тяжести разлуки. Когда он пишет о своей боли из-за того, что не может участвовать в полной мере в моем формировании, то этим поясняет роль отца в воспитании сына.

С особым уважением отец пишет о школе и ее значении для жизни, причем на основе нормального детства и материнской любви (эти слова и интонация, с какой они были сказаны, произвели на меня неизгладимое впечатление).

Отец рекомендует реализовать себя в общепринятых рамках поведения, под контролем матери. Поскольку этот совет полностью совпадал с тем, что говорила мать, другие взрослые, воспитатели, это, можно сказать, «резонировало», что он, безусловно, предвидел. Особенно убедительно отец просит отвечать добром на материнскую любовь и заботу. (Могу без ложной скромности сказать, что этому завету я следовал всю жизнь). — Б.Ж.

* * *

12.07.43

Дорогая Аня!

Получил письмо от Фриды и второе из детсада от т. Давыдовой³⁵. Сообщение о гибели коровы Зорьки меня чрезвычайно

³⁵ Давыдова — заведующая детским садом, в котором работала мать. Отец, видимо, переписывался с ней и с коллективом детсада, получал фотографии. — Б.Ж.

расстроило. Я понимаю, что и тебе нелегко перенести этот неожиданный удар. Вообще для тебя в июне создалось ряд печальных известий. Но что можно сделать? Главное, ты возьми себя в руки и постарайся как ни можно отгонять мрачные думы. У людей, окружающих тебя, получают удары и несчастья посильнее и гораздо непоправимее, чем у тебя. Возьми гибель Казакова³⁶ или Магрычева И.С.³⁷ Насчет коровы я пишу одновременно письмо Савину³⁸ в окрсовет и Петрову в военкомат. Тебе советую сделать так: сходи к Петрову и переговори и попроси его вмешаться в это дело. Если действительно обследования пастбища не было, то есть причина и основание требовать через суд или прокурора возмещения убытка, т.е. другой коровы. Если не помогут, то я буду писать сам прокурору. Попроси Сеню Картина³⁹ от моего имени помочь тебе на кого следует нажать. Больше помочь тебе, сама знаешь, я ничем не могу. Во всяком случае добивайся до конца, используй все законные возможности. Передай т. Давыдовой и всем детям за фото горячее боевое спасибо. С огромной радостью всматриваюсь и не могу оторваться в милые лица детишек и в частности на Бориса. Какой он стал хороший и большой. Все товарищи, когда я получил письмо, рассматривали снимок, и сынок очень и очень понравился.

Вот он, мой крошка, сидит умный, чистенький, с серьезным и, пожалуй, печальным выражением лица. Его черные глаза смотрят на меня, как бы спрашивая: «Папа, а скажи мне, скоро ли я увижу тебя?» Как сильно обнажает чувства простой фотоснимок! Сколько волнующей радости, а вместе и тоски принес он мне! Но все-таки хорошо, спасибо за милые сердцу «рожицы», за жизнь и счастье которых мы боремся здесь.

Сейчас, к моей неожиданности, я переведен в другую, соседнюю часть на большую и ответственную работу. Такое повышение объясняю только честной своей работой. Возможно,

³⁶ Казаков Коронат Иванович — учитель, преподавал в Ханты-Мансийском педагогическом училище.

³⁷ Магрычев И.С. — ханты-мансийский педагог.

³⁸ Савин Михай Яковлевич (1912–1982) — партийный и советский работник, в 1943 г. — председатель Ханты-Мансийского окрисполкома.

³⁹ Картин Семен Митрофанович, выпускник Ханты-Мансийского педучилища, ученик П.К. Животикова, родной брат мансийской писательницы А.М. Коньковой.

скоро получу звание [*несколько слов на сгибе листка стерты*] ...возможно, сумею тебе порядочно послать денег.

Только прошу, родная, крепись. Ведь я еще существую, значит, можно перенести все. Приеду домой, корову можем нажить еще, а сейчас нам нужно все пережить. Главное — жизнь твоя, Бориса и моя и наше здоровье, а остальное — еще полгоря. От Фриды получил письмо, передай ей спасибо. Будет время, я ей напишу ответ, а также т. Давыдовой и детям. А сейчас эти дни времени нет, ибо принимаю дела и вхожу в курс нового для меня дела.

Крепко целую тебя и Бориса и еще раз прошу, береги свое здоровье и силы.

Ваш П. Животиков.

[*Приписки сбоку первой страницы*]: «От брата получил письмо, он жив и здоров, но недавно от [*1 нрзб.*] сошли почти. Много и ему пришлось пережить».

[*Приписка сбоку второй страницы*]: «Очень приятно, что так прекрасно к тебе относится завдетсадом, знаешь, я всегда чувствовал и уважал твой ум, чуткость и способности»... [*2 нрзб.*]

* * *

З/VIII-44

Пароход «Пятый Октябрь» — по Тоболу

Аня!

Как я люблю и скучаю по тебе, моя маленькая Аня!

Твоя рука медленно и неотвратимо скользила по моей ладони, и теплоту твоих трепетных пальцев, последний взгляд твоих родных глаз я запомнил навсегда⁴⁰. Вот уже 8 ночей и дней [*одна строка стерта на сгибе листка*]... А сколько их впереди — до желанной встречи, об этом лучше не думать, т.к. от боли и тоски сжимается сердце.

В Тобольске — в ожидании парохода на Тюмень — пришлось прожить трое суток. Жил у Марии Андреевны Агафо-

⁴⁰ Летом 1944 г. отец получил поощрение за хорошую службу — 10 дней отпуска (видимо, без дороги). Помню его в темно-зеленой фуражке и гимнастерке. Помню, как мы разносили письма и гостинцы семьям его однополчан. И еще видел как-то: он опустил голову на руки, лежавшие на столе, и заплакал, когда по репродуктору зазвучала песня «Темная ночь». — Б.Ж.

новой, которая отнеслась очень приветливо и гостеприимно приютила. Муж ее, Валентин Леонидович, на фронте вот уже третий год. Она, Эля (помнишь, а?) и 7-летний Шурик живут хорошо, имеют корову и прекрасный огород⁴¹.

Еще раз убедился в твоей практичности. Хлеб, масло, сахар и прочее кончилось и остались только сухари, которыми и питаюсь со вчерашнего дня. Но завтра буду в Тюмени и получу новые продукты. На пристанях почти ничего не продают, исключая ягод и зелени. Ехать скучно и нудно. Состояние какого-то безразличия охватило все мое существо. Люди, окружающие меня на пароходике, какие-то блеклые, серенькие и неинтересные. Физически чувствую себя сносно, хотя сплю неважно, с кошмарами. Еще раз убеждаюсь в правильности нашего решения — не ехать. Даже в Тобольске все так дорого, дороже, чем у вас, все-все.

Николаю написал большое письмо, где подробно сообщил о причинах твоего невыезда. Особенно настаиваю на том, чтобы кто-нибудь из Чирке или он сам, взяв отпуск, приехал к тебе погостить. Ты со своей стороны тоже зови их или его и опиши, что я уехал от вас усталый и полубольной, чем, может быть, объясняется моя меланхолия и душевный гнет.

Сейчас пароход вошел из р. Тобол в р. Туру, видны рядом бегущие берега с богатой растительностью.

Ты теперь мне уже можешь писать на 95901-Р. Прошу написать подробно, какая реакция произошла у Бори на мой отъезд. Бедный мой мальчик! Сколько незаслуженных душевных мук приходится переносить нашему малютке в годы, которые у меня и тебя были безоблачными. Мне нравится его мужественность и тактичность и нежно-предупредительное отношение во все дни пребывания ко мне, отцу-солдату. Эти качества, безусловно, в нем воспитала ты, за что тебя еще больше уважаю и люблю.

Борик и ты были и остались для меня самыми дорогими существами в свете. Ради вашего спокойствия и благополучия я перенесу все-все от судьбы, как бы ни тяжелы были все ее «сюрпризы». Ты, Аня, тоже крепче мужайся, вооружи себя мужеством, терпением и выдержкой. Для тебя и меня важнее всего сохранить крепко веру в нашу с тобой хорошую и, м. б., счастливую жизнь после войны. Я же крепко буду любить и носить в своем сердце дорогие образы жены и сына.

⁴¹ Кто такие Агафоновы, установить не удалось.

Еще раз убеждаю тебя, что невыезд сейчас в НСиб. — разумное решение. Говорят многие, что посадка на поезд в Омске или Тюмени — трудное дело. Люди сидят неделями. Кроме того, дорога на пароходе такая трудная и мучительная. Дожидаясь парохода в Тобольске, я проклял все, хотя один и почти без багажа.

Придет время, когда мы с тобой и Бориком легко и радостно поедем отдыхать на пароходе и поезде на юг (Алтай или др. места; кругом нас будет слышаться радость и счастливый смех, полное довольство. А сейчас время [1 нрзб.] — и нужно сидеть на месте.

С огромным удовольствием вспоминаю ваше [далее *стерта строка на сгибе листка*]... и все-таки отдохнул душой, хотя и болел. Ты даже не представляешь, каким твой уголок кажется раем для меня на фоне всех мрачных блиндажей и землянок, которые неизбежны опять впереди! У тебя хорошие, бескорыстные друзья, Анна, это Фрида и Вас. Ив. О них сохраняю глубокое уважение, как о благородных натурах, способных понимать человеческое горе.

Из Тюмени, с дороги буду писать непрерывно. Но пишите и вы.

Полный любовной тоски и надежды еду я все вперед и вперед, навстречу неизвестной судьбе.

Прощай, моя Аничка, прощай, мой Борик.

Ваш П. Животиков.

* * *

13.9.44.

Аня и сыночек Боря!

От границ В. Пруссии шлю горячий боевой привет вам, моим друзьям Фриде и Василию Ивановичу, Широбоковым с «бабушкой»⁴² и остальным северянам. Как уже писал, до своей части добрался благополучно и вот скоро месяц продолжаю работать по-прежнему. Эти дни немного болел, простыл и получилась ангина, но проходит. Сейчас переселились жить в теплое помещение, поэтому опасность простуды миновала.

Как идут ваши дела? Пошел ли Боренька в школу? Опиши подробно, как это произошло. В чем он ходит? Как его встре-

⁴² С Широбоковыми жила мать Дарьи Нестеровны Осипа Александровна Гамморак. — Б.Ж.

тели? Доволен ли? Здоров ли? Как ты чувствуешь сама себя? Завели ли себе что на ноги? И т.д. и т.д. Интересно, пишут ли что Николай и Чирке в ответ на твое решение остаться пока на Севере или таят оскорбленное молчание. Мне ни строчки. У людей, конечно, свои мысли и рассуждения. Ничего, пройдет время, все выясним, обо всем договоримся.

Жаль, очень жаль, что сын пошел в школу без меня! Как я мечтал о том, чтобы самому повести его в школу, помочь ему на первых шагах, ободрить, поддержать. Ну, будь ты ему за меня и за себя! Ничего не сделаешь!

[*Окончание отсутствует*].

* * *

9 мая 1945 г.

Мои родные Аня и Борик!!!

Итак, сегодня первый день мира! Какая безумная радость охватывает меня при мысли, что скоро мы опять после долгой разлуки будем вместе и больше уже никогда не расстанемся. А пока поздравляю с праздником победы и желаю встретить его в прекрасном состоянии духа. Передай земной поклон Василию Ивановичу и Фриде с Ниной, а также всем Ширококовым и другим добрым знакомым, в том числе Володе, Юлии с семьей.

Не знаю, как будет дальше, но можно предполагать, что скоро поезд и пароход понесут меня в родные края. День нашей встречи не за горами. Вопрос переезда в НС ты форсируй и осуществляй, не ожидая меня⁴³. А если успею подъехать, то тем более лучше.

Ну еще раз поздравляю вас всех и прошу подготовиться как следует к встрече нас, фронтовиков!

Крепко целую и прижимаю к своему сердцу тебя и сынку, самых дорогих и единственных.

Ваш папка.

Вступительное слово и публикация Б.П. Животикова.

Примечания Б.П. Животикова и В.К. Белобородова.

⁴³ Ради семьи отец решил пожертвовать мечтой об изучении северных языков. Он надеялся компенсировать это преподаванием русского языка и литературы, которые очень любил, но и это ему не удалось, пришлось в силу рекомендаций по партийной линии заняться организационной работой, а преподавать попутно, да и то только педагогику. — Б.Ж.

Послесловие

Автор публикуемых писем Павел Кузьмич Животиков (11 июня 1904 — 6 июня 1970) — исследователь хантыйского языка, педагог и организатор народного образования в Тюменской области — уже знаком читателям «Подорожника»: в первом выпуске сборника (Тюмень, 2002) напечатана часть дневниковых записей, которые он вел в 1946–1947 гг., когда по заданию Тюменского областного отдела народного образования выезжал в длительные командировки для обследования учебных заведений национальных округов и оказания им помощи. Эти торопливые строчки, написанные в гостинице после напряженного рабочего дня, порой со слипающимися от усталости глазами, или где-нибудь в пути, представляют собой ценный материал по истории края, а автора характеризуют как человека, преданного делу народного образования, глубоко ответственного, заботливого, устремленного к добру.

В нынешней публикации, выходящей в свет в преддверии 100-летия со дня рождения автора, он открывается иными сторонами своей незаурядной личности — как любящий муж и отец, волею обстоятельств принужденный взять в руки оружие и надолго разлучиться с семьей, с любимым учительским делом.

Письма адресованы в Ханты-Мансийск — в дом № 6 по улице Коминтерна, жене Анне Кирилловне и сыну Борису, тогда еще дошкольнику. Анна Кирилловна, а впоследствии Борис Павлович сохранили более 30 писем военных лет. Весной 2003 г. встал вопрос об их публикации, и Борис Павлович начал высылать по частям автору этих строк ксерокопии писем отца с собственными комментариями. В итоге собралось несколько десятков волнующих страниц эпистолярного текста, который ввиду большого объема пришлось разделить на две публикации: во втором номере журнала «Югра» за 2004 г. и в настоящем сборнике.

Первое из писем — единственное, написанное еще штатским человеком. В начале 1942 г. Павел Кузьмич получил назначение на

должность директора Сургутской средней школы и прибыл в Сургут, сразу погрузившись в заботы о школе и устройстве на новом месте семьи, которая должна была переехать из Ханты-Мансийска с открытием речной навигации, но судьба распорядилась так, что он успел лишь отремонтировать школу и летом был призван в армию.

Кратко содержание писем, пожалуй, лучше всего выражает формула «Письма с войны мирного человека». Война в них — лишь неизбежность, фон, на котором протекает жизнь души: никакого пафоса, батальных сцен, выпадов против «ненавистного проклятого фрица» и т. п. Собственно военным событиям и обстановке автор писем уделяет очень немного строк, в его индивидуальном существовании они занимают не главное место. Война — роковая необходимость, но боец-связист Животиков, по крайней мере в своих письмах, отстраняется от нее и весь поглощен думами о близких.

Держа в руках истрепанный листок со стертыми во многих местах строчками, в какой-то момент вдруг понимаешь, что этот письменный разговор с родными и дорогими людьми мог бы длиться бесконечно, если бы не размеры листка: вся площадь его до предела заполнена убористым текстом, он даже почти не делится на абзацы, идет слитный, непрерывный поток речи. И везде, где осталось еще немного свободного места — сбоку, снизу, сверху, — приписки, вопросы: о здоровье, питании, корове, корме для нее и пр. и пр. Кажется, мелкие, но на самом деле корневые вопросы бытия — и с кем их обсуждать, если не с близким человеком? Нет, письма Павла Кузьмича — это не «здравствуй и прощай» и больше нечего сказать, потому что очень уж разные жизни на фронте и в тылу. И еще одна особенность есть у писем этого образованного человека, преподававшего будущим учителям русский язык и литературу: в них не видно никакой заботы о слоге, о литературности. Не об этом думал Павел Кузьмич, когда писал, перед его внутренним взором стояли родные лица.

Эта, казалось бы, внешняя стилевая сторона речи очень много говорит о личности автора. Если же возвратиться к содержанию, то прежде всего приходит мысль, что автор — человек, существо которого составляет христианская любовь к ближним, пусть даже он и воспитан атеистом. Конечно, над всем доминирует любовь к жене и к сыну, от нее — способность поставить себя в положение жены, проникнуться ее житейскими проблемами, почувствовать состояние ее духа, попытки помочь советом, деньгами, письмами к

разным должностным лицам и к друзьям с просьбами поддержать семью.

Особой любовью пропикнуты строки о малолетнем, подрастающем, как это ни тягостно, без отцовского влияния Борисе. В них чувствуется острая потребность в общении с сыном. Даже в военных условиях Павел Кузьмич не может снять с себя ответственность отца, не хочет бездействовать и в письмах остается педагогом, стараясь хоть как-то повлиять на воспитание сына.

По-видимому, это призвание мужа и отца лежит в основе предрасположенности П.К. Животикова часто в письмах своих переноситься в будущее и строить его основательно, в подробностях, как будто война уже кончилась и о ней пора забыть. Вообще письма наводят на мысль, что люди, подобные ему, в условиях войны еще острее ощущали ценность семьи и потребность в ней.

Нельзя не заметить при чтении писем, что фронтовые заботы и тревоги П.К. Животикова не замыкались на жене и сыне. Переписка его была обширной, на нее он, видимо, потратил большую часть свободных минут, интересуясь жизнеустройством многих людей, принимая участие в судьбах осиротевших племянников, овдовевшего старшего брата жены, отыскивая затерявшегося в хаосе войны родного брата... Нередко родные и друзья, остававшиеся в тылу, вести друг о друге получали окольным путем — через полевую почту, от Павла Кузьмича. Он же посылал сообщения о своих однополчапах-земляках их родным в Сибирь. Он постоянно связывал между собой людей и был инициатором оказания помощи и духовной поддержки кому-нибудь из них. Подтверждение всему сказанному здесь читатель найдет в публикуемых письмах и во вступительной статье «О моем отце» Б.П. Животикова.

В. Белобородов

Песнь, идущая из глубин веков

Коллекция рукописной и старопечатной книги в Сургутском краеведческом музее формируется чуть более десяти лет и насчитывает 102 экземпляра, в числе которых 41 рукопись и один гектограф. Остальные отпечатаны в 14 различных типографиях. В нашем собрании широко представлена география издательского дела, начавшегося в России в середине XVI в. Это продукция Московского Печатного двора, действовавшего с 1614 г. и преобразованного в 1721 г. в Московскую синодальную типографию. Есть у нас также широко распространенные на Руси украинские и белорусские издания: книги типографий Киево-Печерской лавры, основанной в 1616 г., Кутеинского Богоявленского монастыря, открывшейся в 1630 г. В коллекции представлен и широкий пласт старообрядческой книжности: издания типографий Супрасльского Благовещенского монастыря, Виленского униатского Троицкого монастыря, типографий В. и Я. Железниковых и Д. Рукавишника, Ф. Карташова в Клинцах, действовавших с середины 80-х гг. XVIII в., К. Колычева в Янове, а также типографии С.В. Кульженко в Киеве, функционировавшей в начале XX в.

Самые ранние книги коллекции — ровесницы Сургута. Это «Октоих» 1594 г., изданный Андроником Тимофеевым Невежей в Москве, и рукописная Минея служебная за сентябрь, датируемая концом XVI в.

Большая часть наших книг богослужебного характера, так как именно этот вид литературы был наиболее востребован среди всех слоев населения до конца XIX в. Но хранятся у нас и произведения светского характера, например, «Курсы всеобщей словесности и церковного красноречия» (рукопись 30-х гг. XIX в.) и «Царственный летописец», вышедший в Санкт-Петербурге в 1772 г.

Несколькими экземплярами (как печатными, так и рукописными) представлены певческие книги, без которых не обходилось древнее богослужение: Октоих, Ирмологий, Обиход. Музыкальные гимны записывались специальными знаками — невмами, или крюками.

Старинные фолианты представляют интерес не только своим содержанием, но часто служат и своеобразным произведением изобразительного искусства. Одна из интереснейших рукописей в нашей коллекции — «Лицевой сборник», содержащий популярное в старообрядческой среде эсхатологическое сочинение Палладия Мниха о втором пришествии Христове и о Страшном Суде. Сборник проиллюстрирован 35 красочными миниатюрами, выполненными во весь лист.

Древние книги красиво украшались: оформлялись заставки и концовки, использовались буквицы-инициалы и заголовки вязью. Переплет делался из досок, обтянутых кожей с тиснением, некоторые имели богатый оклад.

Любая книга уникальна, ведь, проходя за свою долгую жизнь через множество рук различных людей, она несет сведения и о некоторых из них. Нередко владельцы оставляли в книгах пометы на полях о каких-либо важных событиях. Подобные надписи позволяют определить местность бытования книги, ее владельцев, а зачастую и просто любопытную информацию о читателях.

В целом коллекция Сургутского краеведческого музея небольшая, но она дает достаточно полную информацию о важнейших этапах развития книжности в нашей стране в XVI—XX вв.

В настоящее время научной библиотекой Сургутского краеведческого музея заканчивается работа по созданию электронного каталога «Рукописные и старопечатные книги», проводимая в рамках гранта Департамента культуры, молодежной политики и спорта по проекту «Старообрядческая книжная традиция в фондах Сургутского краеведческого музея». Этот каталог позволит каждому желающему поближе познакомиться с любой книгой нашей коллекции.

А.В. Шатунова

ЦАРСТВЕННОЙ
ЛѢТОПИСЕЦЪ

содержащей

РОССИНСКУЮ ИСТОРИЮ

отъ 662го году, то есть отъ начала цар-
ствования Великаго Князя Владимира Все-
володича Мономаха до 698го году, то есть
до покорения Новгорода подъ власть Вели-
каго Князя Василья Ивановича, послѣ
учиненнаго бунту въ Новгородѣ
происками Марфы Посадницы и
ея дѣтей.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи наукъ 1772 года.

ЦАРСТВЕННОЙ ЛЕТОПИСЕЦ: Со-
держащий Российскую историю от 662/
1114 году, то есть от начала царствова-
ния великого князя Владимира Всево-
лодовича Мономаха до 6980/1472 году,
то есть до покорения Новгорода под
власть великаго князя Василья Ивано-
вича, после учиненнаго бунту в Ново-
роде происками Марфы Посадницы и
ея детей. — СПб.: Тип. Имп. Акад.
наук, 1772. — 439 с.; 4°.

Обложка книги обтянута коричневым дерматином, в начале и в конце по одному переплетенному листу темно-зеленой бумаги с рисунком. Книга напечатана гражданским шрифтом, введенным Петром в 1708 г. В начале издания имеется предисловие к читателю, в котором говорится о значимости истории и ее применении для пользы правительства, о побуждении автора не только самому обладать значимыми сведениями об истории Отечества, но и донести их до своих сограждан. В конце «Предисловия к читателю» стоит подпись «К.М.Щ.». Книга издана М.М. Щербатовым. По мнению М.М. Щербатова, рукопись «Царственного летописца» является 1-й частью рукописи «Царственной книги», опубликованной им же в 1769 г. Экземпляр в отличной сохранности.

ПСАЛТЫРЬ. — М.: Синодальная тип.,
[1779]. — 458 с.: 1 грав.; 4°.

Переплет выполнен из досок, обтянутых кожей с тиснением. В начале и в конце по два переплетных листа XIX в. Имеется одна застежка, вторая утрачена. На втором переплетном листе в конце имеется надпись: «Новенная книга называемая Псалтырь, написана в Черноисточенском заводе в восьмой 1000», ниже скорописью XIX – XX в.: «Замок Египетской земли». Печать в две краски. Страницы украшены заставками, концовками.

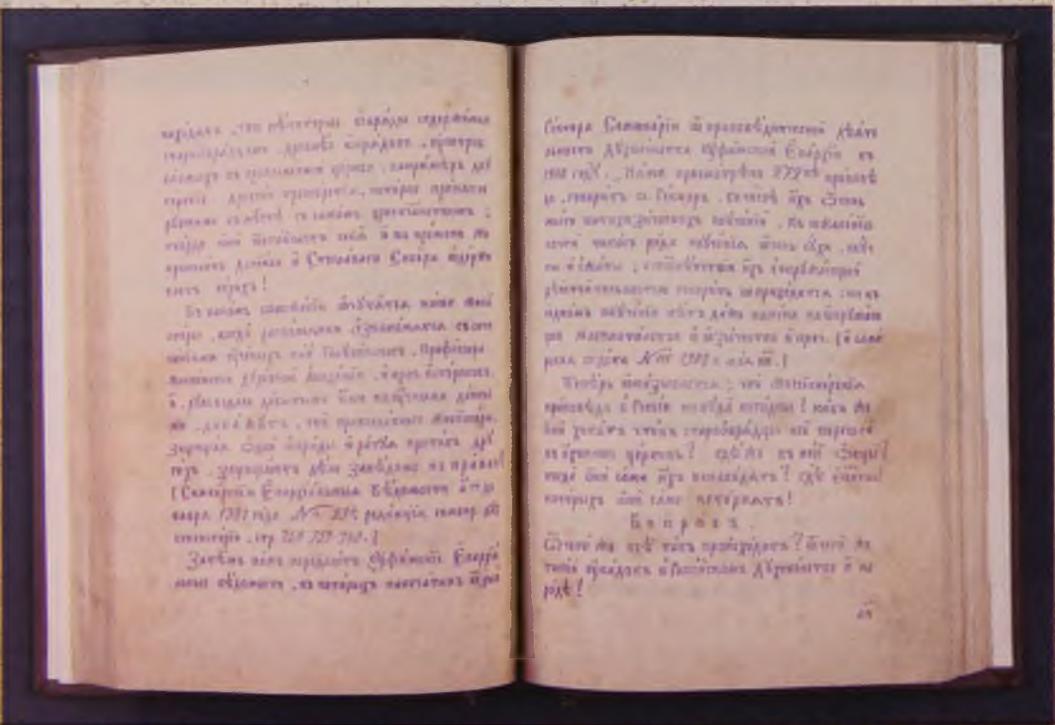
СБОРНИК: Конволют из 2-х гектографированных изданий, спутанных между собой при переплетении. — 4°.

1. Материалы Собора старообрядцев поморского законобратного согласия, состоявшегося в станице Гиагинской Майкопского отдела Кубанской области в мае 1908 г.

2. Старообрядческое полемическое сочинение. — 4°.

Переплет книги современный, выполнен из картона, обтянутого дерматином, в начале и в конце по одному переплетному листу белой бумаги XX в.

Гектографированные издания — памятники письменности, преимущественно старообрядческой книжной традиции, нечто среднее между рукописной книгой и печатным изданием. Это практически неизученная область русской книжности.

идеть моря. Окончила юдана,
гамала марица. Люди сьдани
во чмб, влѣша свѣча илани,
и сьданима въ отарѣ и
сѣни смртити, свѣча возна
пана. **Уголъ** начатъ инѣ про-
повѣдати, и глаголю: покаянса,
присажнса бо цркви нмѣ.

Иже сѣ по сьданима.

Ходя же при мори галаиле,
субѣли, влѣше
два брата, павл-
на галгомаго
и Петра, и младша
брата егво, вми-
чланиа мрѣжи
въ мори, есѣща бо

Иже сѣ по сьданима.
По вѣща сѣво, дола инѣ.

и мерица. И гла има: грядица по
море, и сотвори бы ловца тило-
вѣкшима. Она же аки шчлваша
мрѣжи, по нлаву идоста. И при-
шедъ шчлвѣ, влѣше нна два
брата, такшка зивидва, и иванна
брата егво, въ коулаи сѣ зивидому
ощима сѣ забавица мрѣжи
въ вода, и вода а. Она же аки
шчлваша коулаи и оца своего,
по нмѣ идоста. И протолѣши
вни глаголю инѣ, оути на сонми-
шаче нѣтъ, и проповѣдала евал-
штма, нмѣлаа мача м-
догѣ, и влѣше илани въ мрѣжи.

Конца нѣтъ.

И нмѣи сѣдѣ егво по вни сѣри:
и привѣдша къ нмѣ вѣа бола.

Б а цма

ЕВАНГЕЛИЕ. — Киев: [Тип. Киево-Печерской лавры], [1800—1816]. — 936 с.; 2°.

Переплет книги выполнен из досок, обтянутых красным вельветом. Верхняя часть переплета имеет металлическую пластину с изображением Иисуса и святых Марка, Луки, Матфея и Иоанна. Переплет с застежкой. Печать в две краски. Страницы в линейных рамках. В тексте на л. 100—102 между строками вписаны примитивные духовные стихи.

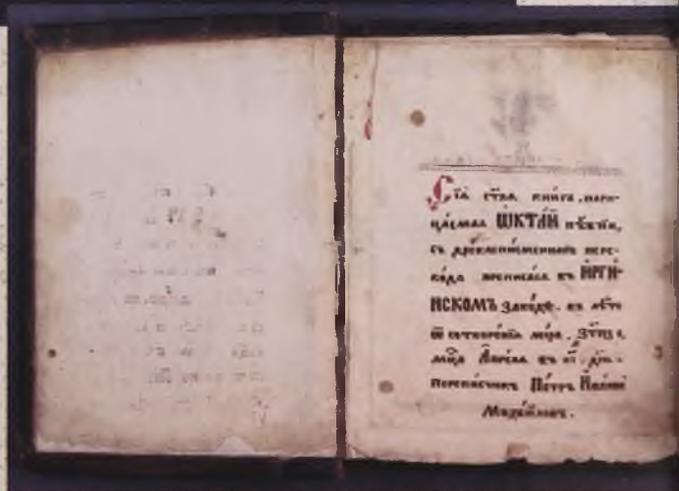
СБОРНИК ЛИЦЕВОЙ. Рукопись первой четверти—первой трети XIX в. 92 л.; 2°.

Выполнена полууставом первой четверти — первой трети XIX в. Бумага первой четверти — первой трети XIX в. нескольких сортов. Сборник содержит эсхатологическое сочинение Палладия Минха о втором пришествии Христове и о Страшном Суде. Содержит 35 миниатюр на эсхатологические сюжеты во весь лист, выполненных в красках. Переплет состоит из картона, обтянутого голубым плюшем.

ОКТОИХ НА КРЮКОВЫХ НОТАХ. — Рукопись 1879 г. 180 л.; 4°.

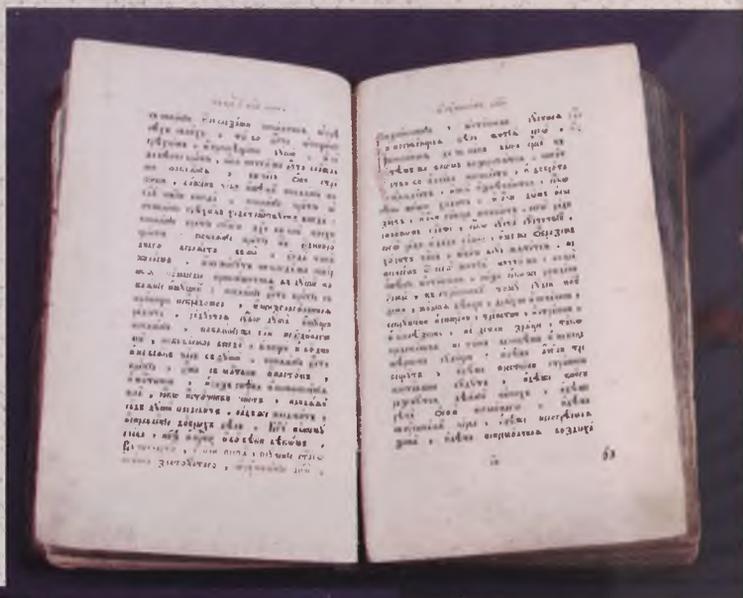

Листы книги украшены заставками, буквицами, инициалами, выполненными красками, киноварной вязью. На л.1 — запись писца полууставом XIX в., свидетельствующая об уральском происхождении рукописи: «Сия святая книга, нарицаемая Октай певчий с древлеписьменного перевода переписана в Иргинском заводе. В лето от сотворения мира 7387-е (1879 г.) месяца апреля в 18 день. Переписчик Петр Иванов Михайлов». Еще одна запись скорописью XIX в. повествует о том, что «с 1878 года октября с 9-го дня начал учиться Иван Алексеев Никонов по знаю», то есть крюковому пению. Переплет выполнен из досок, обтянутых кожей с тиснением. Одна застежка.

**ЕВАНГЕЛИЕ
УЧИТЕЛЬНОЕ.**
— Супрасль:
[Монастырская
тип.], 1790. — 832
с.; 2°.

Переплет выполнен из досок, обтянутых коричневой кожей с тиснением, украшен медными застежками с растительным орнаментом. Печать в две краски. Страницы украшены заставками с растительным орнаментом, инициалами и буквицами. В конце книги имеется надпись: «Сия книга напечатана в типографии его королевского величества Станислава Августа Великого Короля польского и великого Князя Литовского в богоспасаемом монастыре Супрасальском во обители пресвятыя богородицы благовещения чина святого Василия Великого». Евангелие — учение Господа о Царствии божием, благовестии, первая и главнейшая часть Нового Завета, состоящего из четвероевангелия, посланий апостольских и апокалипсиса; слово Божье о жизни, деяниях и учении Господа нашего Иисуса Христа.

ЗЛАТОУСТ / По благословению Святейшего Правительствующего Синода. — М.: Тип. Единоверческая, 1877. — 683 с.; 2°. — Перепечатано с тип. Почаевской.

Переплет книги выполнен из досок, обтянутых кожей с тиснением. Имеется одна застёжка, вторая утрачена. Печать в две краски. Страницы украшены заставками, инициалами.

Слово, подаренное детством (Фразеологизмы в речи сургутян в 1940–1950-е годы)

Родному языку никто специально не учится. В его стихию погружаешься незаметно с раннего детства, почти с рождения, и в этой жизненной речевой практике, задолго до поступления в школу, он и становится родным. Так же незаметно становится родной стихией вода: барахтался-барахтался в теплой, как щёлок, речной воде и вдруг однажды почувствовал — вода держит меня!

В детстве родную речь не осознаешь отдельной от всего своего существа, говорение — такая же неотъемлемая его принадлежность, как дыхание, движение, почной сон. И только через многие годы, уже взрослым, начинаешь понимать её, родную речь, как ценность, бытующую отдельно от тебя. Ты уже далеко от родины, привычной когда-то среды — тех знакомых, дорогих детских и взрослых лиц, потемневших от старости сельских домов с зеленым лишайником на тесовых крышах, заплотов, огородов, прибрежных золотых песков и пняши, обувающей босые ноги, когда бредешь по ней, покачивающихся на воде лодок-бударок, почти непрерывного разговора птиц, пролетающих над селом, июльского марева, синеющих в отдалении сосновых боров, — и когда в разговоре неожиданно для самого себя употребляешь характерное словцо, пришедшее не иначе как из детства, вдруг впервые смотришь на него отстраненно, даже с некоторым любопытством: как здорово сказано! И откуда взялось? Ведь не вспоминал, не искал — само пришло! И после этого всякий раз, как переносишься душой в детство, все больше и больше укрепляешься в этом чувстве великой ценности родной речи. Меткость и образность слова восхищает и вызывает благоговение. Ведь нет такого состояния или житейской ситуации, для которых не нашлось бы точного и красивого речевого выражения.

Радость яркого, знойного летнего дня может прорваться прибауткой:

*Нам не надо барабана,
Мы на тузе поиграем,*

*Пузо лопнет — наплевать,
Под рубахой не видать!*

Ощущение полноты жизни — в озорном кличе: «Налетай, подешело, расхватали, не берут!» Тут же все сбегаются, сваливаются в «кучу малу», орущую на разные голоса. Если при этом кто-то кому-то причинил чрезмерное неудобство, ему могут «поддать пенделя», т.е. пинка.

Разгорелось соревнование — кто кого сильнее, и проигравший, особенно если он хвастлив, мог услышать по своему адресу: «Силач, три года ломал калач». Не умевшего что-либо интересно рассказать дразнили: «Ни складушки, ни ладушки!..». Если кто-то бесцеремонно вмешивался в разговор, его тут же обрывали: «Тебя не спрашивают — ты и не сплясывай!» Случилось о чем-нибудь попросить приятеля, а он пожадничал, не дал — «Ещё приткнешься», — с обидой, но и с достоинством отвечал тогда приятель, что означало: погоди, и тебе когда-нибудь придется у меня попросить. А когда конфликт между двумя членами мальчишеской ватаги приближался к точке кипения, окружающие подначивали: «Вам не подраться, нам не посмотреть!»

Свой опыт давало общение со старшими членами семьи. Ты лазил по заборам, участвовал в мальчишеской возне, растрепался, рубаха выбилась из-под штанов, и кто-то из взрослых замечает: «Ну, опять у тебя из-под пятницы суббота». Не в меру развеселилась компания сверстников, и из бабушкиного угла доносится: «Чего разбаловались? Смех без причины — признак дурачины». Вышел из послушания, упрямисься, своевольничаешь — о тебе скажут: «Ему хоть кол на голове теши — он все свое». Увидели, что парню неохота браться за дело — тут же готов диагноз: «Э-э, молодец, лень-то матушка вперед тебя родилась».

Можно до бесконечности вспоминать разные случаи из сельской жизни и адекватные им выражения, но и сказанного, надеюсь, достаточно, чтобы мотивировать публикацию в нашем сборнике небольшого фразеологического словарика, который имеет свою историю. Около четверти века назад, в один из таких моментов, когда внезапная вспышка высветила в памяти давно не употреблявшееся, но очень соответствовавшее ситуации словечко из детства, появилось желание записывать эти сургутские слова и выражения, и оно оказалось устойчивым. Постепенно росла картотка. Теперь уже ясно, что этой копилке суждено пополняться и пополняться, потому что жизнь языка неизмеримо продолжительнее жизни отдельного человека.

Конечно, хождение тех или иных слов и речевых оборотов не ограничивалось пределами Сургута, меткая, острая, емкая по смыслу и образная речь всегда ценится по достоинству и не может быть замкнута в географические рамки. Позднее, когда появился интерес к поиску в литературе словечек, которые внутренне по-прежнему считал сургутскими, убедился в широкой, как правило, их распространенности. В книгах, журнальных и газетных статьях они встречались и узнавались, как давно не виданные земляки. В настоящем словарице многие фразеологизмы сопровождаются примерами их употребления в литературе, которые помогают почувствовать смысл выражения.

Публикуемое собрание фразеологизмов не претендует, конечно, на полноту. Более того, в него не вошло многое из того, что есть в картотеке, но уже было представлено во Фразеологическом словаре русских говоров Сибири (Новосибирск, 1983), за исключением выражений, которым дано несколько иное толкование, чем в упомянутом словаре, либо к которым имеются литературные иллюстрации.

Нельзя не видеть, к сожалению, что значительная и далеко не худшая часть прежнего живого великорусского языка ныне по многим причинам выбывает из речевой практики, отодвигается на периферию, забывается, омертвляется. Мы бы хотели напомнить о ней.

* * *

АНГЕЛ. Ангел тебя! Произносилось чаще по отношению к ребенку ласково, с интонацией умиления либо восхищения. — *Силантий Коневских, одетый в стихарь, шел перед священником и нес большой подсвечник. Парчовая одежда ослепительно блестела на солнце. Мать смотрела и чуть не плакала от умиления: «Андел, андел чистый»* (Панов И.С. Урман. Свердловск, 1965. С. 90).

БЕДА. Беда делов. Экспрессивн. Очень. — *У нас родитель беда грозный был* (Шергин Б.В. Повести и рассказы. Л., 1984. С. 163).

БЕРЕЖЬЮ. С бѣрежью. Бережливо. — *Давно бы нас разогнали, как иргизских, давно бы весь Керженец запустошили, если бы мы без*

бережи жили да не было бы у нас сильных благодетелей... (Мельников П.И. В лесах: Кн. 1-я. М., 1956. С. 581).

БИТЬСЯ. Биться, как рыба об лед. Бороться (с нуждой и т.п.) отчаянно, изо всех сил.

БЛИН. Надолго собаке блин. О небрежливом человеке.

БОЯЗЛИВЫЙ. Боязливый да пакостливый. Поговоркой отмечена частая сочетаемость этих двух качеств.

БОЯТСЯ. Глаза бояться, а руки делают. Пословица. Часто слышал ее во время какой-нибудь сельской совместной работы от матери, т.к., из-за отсутствия в семье мужчин, именно от нее получал трудовые навыки. — *Окинет глазами, сколько еще пустого места остается, и испугается. Однако глаза страшатся, а руки делают* (Шергин Б.В. Указ. изд. С. 127).

БРЕХАТЬ. На собак брехать. Предосудит. — *Он тебя научит. На собак брехать.*

БУДУ. Не я буду, если... Экспрессивн. Выражение твердой решимости и уверенности. — *Не-эт, не я буду, если жрать не добуду!..* (Астафьев В.П. Прокляты и убиты // Новый мир. 1994. № 12. С. 93).

БЫЛ. Как тут и был. Об удачно, ловко, точно пригнанной к целому какой-то его части, детали. Похвала мастерству работника.

БЫЛО. Было да сплыло. О минувшем, невозвратном. — *Издавна на такие дела был он ловким ходокон, теперь уже не то. Что было, то сплыло, а было — быльем поросло* (Мельников П.И. На горах. Кн. 2-я. М., 1963. С. 457).

БЫСТРО. Быстро только слепые рождаются. Ирон. По поводу чьей-либо чрезмерной поспешности.

ВАЛИ. Вали кулём — потом разберем. Осуждение неорганизованного, беспорядочного действия.

ВЕЗЁТ. Везёт, как утопленнику. Экспрессивн. О невезении, невезучести.

ВЕМ. Вем когда (где). Неведомо, давным-давно. У П.И. Мельникова: «Не вемы — не знаем» (В лесах: Кн. 2-я. М., 1956. С. 572). — *Около дома, в тени чудесных старых дерев, куда благоприятнее, нежели не вем где шататься с худыми ногами и глазами* (Шергин Б.В. Указ. изд. С. 456).

ВЕРТИТ. Вёртит в носу. Болезненное ощущение при сильном насморке.

ВЕРШНОЙ. На вёршной (вершнях). Верхон. — *Раз парень на коне на вершной в другую деревню поехал* (Панишев Е. Сказки бабушки Марии // Лукич. 2002. № 1. С. 96). — *А впереди двое на вершной стоят и ждут* (Мамин-Сибиряк Д.Н. Рассказы и легенды. М., 1984. С. 38). —

Встретился нам Минька Докучаев на вершинах (Шукшин В.М. Рассказы. Л., 1983. С. 78).

ВЗАДЬ. *Взадь пятки.* Назад, на попятную. — *Раз это на гумне мужики-то были, только и едет свадьба, а один тут и говорит: «Смотрите-ко, у свадьбы лошади-то...», да трижды через сноп взадь пятки и перескочил. Смотрят: а лошади-то оторвались да в лес и побежали. Он опять трижды через сноп взадь пятки перескочил. Смотрят: а лошади тут (Знаменский М. Дневники // Лукич. 2002. № 1. С. 30).*

ВЗЯТЬСЯ. *Взяться льдом (зеленью и т.д.).* Покрыться, подернуться чем-либо. — *Речка была не великой и кое-где взялась ледком (Зуйков Б. Рыжуха // Югра. 1999. № 13. С. 37).* — *Ивовы столбы от теплой воды проросли да выросли дерёвами и вызняли меня в поднебесну, да и вся баня зеленью взялась (Писахов С.Г. Сказки; Очерки; Письма. Архангельск, 1985. С. 130).* — *Середка реки водой взялась, от ветра рябь идет. Меж островами лед стоит (Шергин Б.В. Указ. изд. С. 429).*

ВОСПАЛЕНИЕ. *Воспаление хитрости.* Ирон. О симуляции болезни и пр. для оправдания уклонения от работы, исполнения обещанного и т.д.

ВОТ. *Вот те на!* Экспрессивн. Выражение удивления, разочарования, досады и пр.

ВРЕМЯ. *Одно время. Однажды.*

ВСЕГО. *Всего ничего.* Совсем немного. — *Нам и теперь-то осталось всего ничего (Косихин В. Последний рейс. М., 1983. С. 273).* — *Вот башку твою оторву, тогда думать будешь, — схватил за ворот растерявшегося Карачу не на шутку разгневанный Кучум, — выслать отряд на разведку, может, их там всего ничего, — приказал Алтанаю (Софронов В. Кучум. М., 1993. С. 360).* — *Все, конечно, знали, что заработали за день всего ничего (Белов В. Раздумья на родине // Наш современник. 1985. № 6. С. 114).*

ВСЁ. *Всё к одному.* Сетование по поводу новой неприятности, неудачи.

ВСЯК. *Всяк пьёт, да не всяк крикает.* Прибаутка. — *Всяк попьёт, да не всяк крикнет (Белов В.И. Повседневная жизнь Русского Севера. Очерки о быте и народном искусстве крестьян Вологодской, Архангельской и Кировской областей. М., 2000. С. 221).*

ВСЯКО. *За всяко просто.* Без церемоний, по-простому.

ВЧУЖЕ. *Вчуже жалко.* Не по-родственному, со стороны. — *Мне-то все равно, а жаль, ежели девушка даром пропадает. Вчуже жаль (Мамин-Сибиряк Д.Н. Рассказы и легенды. Указ. изд. С. 156).*

ВШЕЙ. *Как вшей за гашником (гасником).* Очень много. — *Подписывают, думают, планируют — на этом деле у нас малого началь-*

ства, что вшей на гаснике, говаривала моя далекая бабушка (Астафьев В.П. Веселый солдат // Новый мир. 1998. № 5. С. 46).

ВЫБИЛО. **Выбило из ума.** Экспрессивн. Сердитый упрек, означающий: в своем ли ты уме? — *Тебя не выбило ли?*

ВЫБРОСИТЬ. **Выкрасить да выбросить.** О никчемной, ни на что негодной работе, вещи. Неожиданно встретил это с детства знакомое выражение в рубрике «Приговорки и фразы-реплики», которую в 1990-е годы вел в газете «Книжное обозрение» профессор Н.Г. Комлев, со следующим толкованием: «Говорят в шутку о какой-либо безнадежно испорченной вещи или в ответ на вопрос о качестве бракованного товара. Но у нас эти слова зачастую произносились нешуточным суровым тоном».

ВЫГЛЯДЫВАТЬ. **Изо рта выглядывать.** Выпрашивать молча, одним только взглядом; смотреть просящим взглядом. Голодная собака выглядывает кусок хлеба, ребенок лакомство.

ВЫЖИМАЕТ. **Сопли выжимает.** О сильном морозе. — *Жалко смотреть бывает на мелкого русского торговца: морозится бедный целый день на холоду («сопли выжимает»), а выручит за день какой-нибудь рубль-два (Бартенев В. На крайнем северо-западе Сибири. СПб., 1896. С. 130).*

ВЫНЬ. **Вынь да положи (выложи).** О поведении нетерпеливого, настойчивого человека. — *А на одной «яловке» да «стульной» далеко не уедешь. Да ведь и она что пуд, то пять да шесть рублей вынь да выложи (Чукмадин Н.М. Мои воспоминания. Тюмень, 1997. С. 205).*

ВЫПРЯЧЬСЯ. **Выпрячься из рук.** Выйти из послушания. Совсем девка выпряглась, никого не слушает. — *Пять дней в неделе он был безотказный работник», но наступала суббота, и тут все: Алеша выпрягался (Шукин В.М. Указ. изд. С. 420).*

ГЛАЗ. 1. **Глаз на кровю.** Предосудит. О взбудораженном, суматошном, заполошном, чрезмерно торопливом человеке.

2. **Ни глаз, ни рожи.** О неузнаваемой от грязи внешности. — *Он грязный весь, ни глаз, ни рожи, ехал в кузницу пилу от жнейки заклепывать (Шукин В.М. Указ. изд. С. 78).*

ГЛАЗА. **За глаза.** Очень много, сверх меры, более чем достаточно. — *Нет, что ты! — испугался купец и повернул к иконам спину. — Сотнягу сунь... Будет за глаза (Шишков В.Я. Рассказы. М., 1982. С. 231).*

ГЛАЗАМ. **Не по глазам.** Ирон. Говорят о ком-либо, кто не замечает совершенно явного, что находится на самом виду и любому бросается в глаза. А вот пример использования этой речевой конструкции не в переносном, а в прямом значении: — *Да пишет, ровно бисером нижет, мне не по глазам (Мельников П.И. В лесах. Кн. 2-я. М., 1956. С. 359).*

ГОВНА. 1. **От говна́ подальше — не воняет.** Пословица. Предсудит. — *И правда што, не связывался бы ты с им. Правильно Иван Абрамович толкует: от говна подальше — не воняет (Астафьев В.П. Веселый солдат // Новый мир. 1998. № 6. С. 48).*

2. **Говна пинать.** Предсудит. Бездельничать, попусту тратить время, шалопайствовать. Употреблялось чаще в зимнюю пору, когда единственным видом транспорта был гужевой (на лошадях).

ГОВОРИ. **Не говори́.** Выражение согласия, солидарности; подтверждение. — *Ну и жара стоит. — Не говори. — А не говори, Андрон Агатимыч. С переписью завтра придут (Зазубрин В.Я. Два мира. Горы: Романы. Иркутск, 1980. С. 464).*

ГОВОРЯТ. **Говорят, в Москве кур доят.** Скептическая реплика по поводу чьего-либо легковерия.

ГОЛОВА. **Голова босиком.** Лысина.

ГОЛОВАХ. **В голова́х.** В изголовье. — *...Мать протопопица вдвоём с Феклинкой придвинули к головам постели отца Савелия тяжёлый, из карельской же березы, овальный стол на массивной тумбе (Лесков А.С. Соборяне). — Карты раскладывают крестом. То, что ляжет в «головах», означает будущее, в середине — настоящее, в ногах — прошедшее (Панишев Е. Село Кугаево: Этнографические этюды // Лукич. 2001. № 2. С. 71).*

ГОЛОДНЫМ. **С голодным наравне.** Шутл. После плотного обеда: — *Ну вот, теперь можно работать с голодным наравне.*

ГОРОХ. **Как об стенку горох.** Об упрямстве, своеволии, невосприимчивости к замечаниям, просьбам, советам, требованиям. — *Так и махнули на него рукой. А что сделаешь? Убеждай его, не убеждай — как об стенку горох. Хлопает глазами... (Шукшин В.М. Указ. изд. С. 420).*

ГОРОШКА. **По два горошка на ложку.** Поговорка, осуждающая жадность, поспешность, желание одним махом достичь нескольких целей, суетливое стремление к выгоде.

ГОРУ. 1. **Как на силённую гору.** О состоянии, когда необходимо делать что-то через силу, подавляя нежелание, слабость, плохое самочувствие. Не раз в мальчишеские годы слышал от матери, не понимая формы выражения. Слышалось: «в населенную гору», что никак не «переводилось» на русский язык.

2. **На кудыкину гору.** Груб. Выражение нежелания отвечать на вопрос. — *Ты хоть куда собрался? — Куда... на кудыкину (Панов М. Деревня Ямки — 6 км // Сибирская горница. 1998. 3. С. 10).*

ГОСПОДЬ. **Господь (осподь) прибрал.** О чьей-либо смерти.

ГОТОВО. Готово дело. Тотчас. — *Вот заживем так заживем. Я сейчас же у себя собрание, и готово дело, эту самую коммунию зачинать будем* (Зазубрин В.Я. Указ. изд. С. 492).

ГРЕХОМ. С грехом пополам. Кое-как, еле-еле, едва-едва, через силу. — *С грехом пополам бывает такое дело или даже самая жизнь, что можно выразить также словами: кой-как, так-сяк, с примесью добра и худа, горя и радости, довольным быть нечем, а впрочем, ничего — не жалуемся, а терпеливо носим: от греха не уйдешь* (Максимов С.В. Избранное. М., 1981. С. 416).

ГРОМ. Не из тучи гром. Насмешл. О неожиданном поступке слабого, робкого человека. — *Ах он, плюгавый!.. Вот гром-от не из тучи!.. — весело захохотал Самоквасов* (Мельников П.И. В лесах. Кн. 2-я. М., 1956. С. 370).

ГУБА. Губа толще — брюхо тоньше. По адресу обидчивого, капризного человека, отказывающегося от еды.

ГУЛЯЩЕМУ. Гулящему на столбе. Укоризн. Так, бывало, говаривала строгая баба Аня, когда опоздавшая к обеденному столу внучка просила поесть.

ГУСТО. Где густо, а где пусто. О неравномерном распределении чего-либо, например, семян моркови, высеянных на грядке.

ДАВАЙ. Давай сюда. О какой-либо небольшой прибыли в значении: хорошо, что хотя бы это получилось, удалось, и это сгодится и т.п. — *И то давай сюда! — И с каждой пары сапог двугривенный да двугривенный барыша, тоже «все давай сюда»* (Чукмалдин Н.М. Указ. изд. С. 205).

ДАДУТ. Догонят да еще дадут. Ирон. По поводу завышенного, напрасного ожидания чьей-либо помощи, подарка и т.п.

ДВЕРЬ. В одну дверь (в одне двери). Войти или выйти одновременно с кем-либо. Так говорили гости хозяевам перед тем как уйти и выходили вместе, чтобы не открывать лишний раз дверь, не выстуживать избу.

ДЕЛА. 1. Дёла не делал и от дёла не бегал. Пословица. Создавал видимость дела.

2. Ни дёла, ни работы. О вынужденном безделье.

ДЕЛО. 1. Последнее дело. Осуждение худого поступка. — *Вот почему посадские занимаются и таким последним делом, как битье кошек* (Максимов С.В. Указ. изд. С. 87). — *Уметь надо жить, дорогой товарищ. А это последнее дело: увидел, что человек хорошо живет — значит ворует* (Шукин В.М. Указ. изд. С. 60).

2. То ли дело. Похвала, высокая степень положительной оценки.

ДЕНЬГИ. За рыбу деньги. Выражение досады, неудовлетворенности собеседником, который либо не понимает сути разговора, либо сознательно напускает туману. — *Ну вот, опять за рыбу деньги.*

ДОБРОМ. Куда (куды) с добром. Экспрессивн. Удачно, отлично, на славу. Похвала. — *И жилье наше инвалидное изнутри сделалось куда с добром! В нем было всегда чисто, светло от белой печки и штор на окне, сотворенных из старых наволочек (Астафьев В.П. Веселый солдат. Указ. изд. С. 56).*

ДОБРУ. Не к добру. Предчувствие или воспоминание о примете. — *Не к добру что-то я сегодня развесялся.*

ДОБРЫЙ. Как добрый. Презрит. О демонстрирующем достоинства, каких у него на самом деле нет. — *Ой, ой, — стал смотреть на них Яковлев, — пара гнедых. Как добрые! (Шукин В.М. Указ. изд. С. 467).*

ДОВЕДИСЬ. Хоть до кого доведись. Подчеркивание общего в поведении разных людей в определенных ситуациях. — *Хоть до кого доведись, каждому любо поглядеть, как корабли рождаются (Шергин Б.В. Указ. изд. С. 57). — До кого хошь доведись, переполошится (Писахов С.Г. Указ. изд. С. 36).*

ДОЛГИ. Не в долги. Вскоре.

ДОЛГУ. В долгу, как в шелку. Экспрессивн. О большой задолженности.

ДОЛЖНА. Должна, не спору, отдам не скоро. Прибаутка.

ДОРОГО. Дорого да мило, дешево да гнило. Поговорка. — *Бесспорно, покупать товары дешевые в интересах потребителей... но если «дешево да гнило», как тут быть?! (Суханов П. Тобольский сапожник // Сибирский листок. Тобольск, 1896. 24 нояб.).*

ДОСЫТА. Сладкого не досыта, горького не до слез. Пословица. О чувстве меры.

ДРАКУ. На драку — собаку! Мальчишеский игровой клич, сопровождающий подбрасывание мяча или другого предмета перед кучкой товарищей: кто схватит первым.

ДУЙ. Дуй не стой! Экспрессивн. Действуй без промедления. — *Тут наш Антип заорал с перепугу благим матом: «Сгинь, нечистая сила, сгинь!» — да в одном бельишке, босой по морозу-то — дуй не стой! (Шишков В.Я. Угрюм-река. М., 1982. С. 48).*

ДУРАКА. 1. Дурака работа любит. Поговорка. Насмешл.

2. Заставь дурака богу молиться — он и лоб расшибет. Пословица. Насмешл.

ДУРНИНОЙ. Орать дурниной (дурнинушкой, дурноматом). Отчаянно, благим матом. — *Мусье главный бегаёт по берегу и ревет дурноматом... (Зазубрин В.Я. Указ. изд. С. 324).*

ДУША. Еле-еле душа в теле. Насмешл. 1. О худобс. 2. О медлительности в движениях, действиях.

ДУШЕ. На душе кошки скребут. Поговорка. Состояние подавленности, тоски, скорби.

ДЫРАМИ. Со старыми дырами. Шутливый ответ на похвальный отзыв о новизне и красоте одежды.

ДЫШИТ. На ладан дышит. Совсем слаб, при смерти (о человеке). Сильно изношен, почти негоден (о предмете). — *А на Аксинью Захаровну рассчитывать нечего, и с радостью бы понянчилась с внуком, да сама на ладан дышит* (Мельников П.И. На горах. Кн. 2-я. М., 1963. С. 500).

ЕГО. По его (по ее). О волеизъявлении, требовании сделать так, как хочет он (она).

ЕДУ. Еду черту отдавать. Потягиваться во время еды. Бабушка Анна Митрофановна этого не любила, связывая, по-видимому, с ленью и праздностью, и часто употребляла это выражение.

ЕШЬ. Ешь — не хочу! Об избытке и разнообразии пищи.

ЖАЛКО. 1. Жалко у пчелки в попке (жопке). Поговорка, основанная на игре слов и преимущественно употреблявшаяся детьми. Выражение против проявления жалости. — *Переживаю, потому что не могу спокойно на дураков смотреть. Мне их жалко...* — *Жалко у пчелки в попке. Жалко ему!* (Шукин В.М. Указ. изд. С. 198).

2. Как душу жалко. Экспрессивное выражение горечи утраты, сочувствия. — *Литовку сломала. Чем теперь косить буду? Как душу жалко...*

ЖАРКО. Ни жарко ни холодно. Не имеет значения. Выражение безразличия, равнодушия.

ЖИВОЙ. Живой рукой (ногой). Быстро, проворно, споро. — *Почухайся пока, — добавил он, — а я живой ногой обернусь, дровишек притащу для костришка* (Жернаков Н. Однажды в весеннем лесу // Поморская сага. М., 1984. С. 314).

ЖИВУЛЬКУ. На живульку. Пренебреж. Непрочно, некачественно, кое-как. — *Однако, присматриваясь к настоящим кооперативам, особенно потребительским лавкам, заметим, что жидким клеем скреплены они, сшиты на живульку* (Петрович. Народный учитель и кооперация // Северосоюз. 1918. № 36–37. С. 7). — *Задник у трухинских башмаков кардонный, товар на башмаках самый легкий от бракованных кож, шьешь их, что называется, на живульку, только бы выгнать лишние пары в неделю* (Суханов П. Тобольский сапожник // Сиб. листок. 1896. 81).

ЗАВОДЯХ. В заводях. На практике, в обиходе. — *Книги старинные, Марко Данилыч, а в старину, сами вы не хуже меня знаете, мир-*

ских книг не печатали, и в заводах их тогда не бывало... (Мельников П.И. На горах. Кн. 1-я. М., 1986. С. 456).

ЗАГРЕБАТЬ. Чужими руками жар загребать. Пожинать плоды чужого труда, паразитировать.

ЗАДАХ. На задах. С тыльной стороны. — Из окон домов свет выходил на улицу и освещал сугробы. В другой стороне, «на задах», около ручья виднелся огонь (Арсеньев В.К. В дебрях Уссурийского края. М., 1987. С. 46).

ЗАМАХ. Второй замах хуже дрисни. Презрит. Мальчишеское осуждение нерешительности в ударе битой по мячу при игре в лапу или в аналогичных случаях.

ЗАСТЫЛА. Во рту каша застыла. О мямле, тихоне, не умеющем слова сказать от робости. — Он... сел на пол и стал что-то говорить. Но во рту будто каша, — мямлил и выговор имел странный... (Шишков В.Я. Угрюм-река. М., 1982. С. 77).

ЗВАНИЯ. Звания нет. 1. Не сохранилось. — А теперь и звания нашей реки не стало: завалило ее, голубушку, каршами, занесло замоинами, пошли по ней мели да перекааты (Мельников П.И. В лесах. Кн. 1-я. М., 1956. С. 248).

2. Не существовало, не было в поминс. — Еще этих заводов и званья не было, как отцы-то наши прибежали с Выгу-реки (Мамин-Сибиряк Д.Н. Указ. изд.).

ЗВОН. Слышал звон, да не знаешь, где он. — Про Леху ты тоже зря: слышал звон, да не понял, где он. Леха — аккуратный мужик, он порядок любит (Распутин В. Век живи — век люби // Когда ты людям нужен. М., 1987. С. 296).

ЗНАТЬ. Много будешь знать — скоро состаришься. Насмешливый ответ любопытствующему. — Много будешь знать, скоро состаришься, — закинув голову и прищуриив насмешливо глаза, ответила Фленушка (Мельников П.И. В лесах. Кн. 2-я. М., 1956. С. 364).

ЗНАТЬЁ. Не знатьё. Сетование; признание в том, что не имел нужных сведений, позволявших вовремя что-то предпринять, не предвидел. Знатьё — знание. — Вот ведь не знатьё. Поди, сколько раз мимо плавал (Панов И.С. Указ. изд. С. 132). — Всякое знатьё — известно — за плечами не носить, после все сгодилось, как еще сгодилось-то! (Еремеев П. Обиход. М., 1990. С. 17).

ЗРЯ. Зря ума. 1. Напрасно. — Понастроили они много, но зря ума, ровно для того только, чтоб народ мучился (Зазубрин В.Я. Указ. изд. С. 393).

2. Легко, без труда. — В село-то не проскользнешь зря ума: всюду стражники шарят (Кабарин Ф. Самарьяне. Саратов, 1964. С. 13).

ЗУБЫ. 1. **Зубы мыть.** Предосудит. Легкомысленно, глупо посмеиваться, зубоскалить. — *Чё зубы-то моешь? Ведь вправду это было.*

2. **Зубы на полку.** Положить зубы на полку — голодать. Напоминание о том, что нужно бережно расходовать пищу.

ИГОЛКАХ. Как на иголках. Состояние беспокойства, возбуждения, нетерпения.

КОНЕЦ. 1. **Ближний конец.** — *Я сутки напролет сидел да ел, ел да пил. Ведь не ближний конец до неба добраться и с неба воротиться, так проголодался, что суток для еды мало было* (Писахов С.Г. Указ. изд. С. 176).

2. **По конец рук.** Из рук вон плохо, небрежно, некачественно, халтурно (о качестве работы).

КОПЬЯ. Ни копьё! О безденежь.

КРАЙ. Край дороги (берега и пр.). Около, подле, возле. — *Мы поднялись край противоположного берега, вверх по реке...* (Дмитриев-Садовников Г.М. Рыболовные осенние и зимние промыслы окрестностей Обдорска // Урал: Техничко-экономический сборник. Свердловск, 1926. Вып. 8: Уральский Север. Ч. 2).

КУМАХА. Кумаха́ (комуха) тебя затряси (возьми, заberi и т.п.)! Бран. — *Вода-то льда холоднее, комуха их заberi!* (Чукреев В.И. Река. М., 1977. С. 213).

ЛЕЖАТЬ. Лежать влѣжку (пластом). Экспрессивн. Быть в тяжелом болезненном состоянии, не подниматься с постели. — *Целую неделю пролежал он влѣжку. Настроение было мрачное, угнетенное...* (Шишков В.Я. Рассказы. М., 1982. С. 226).

ЛЁГКОМУ. По-лѣгкому. Легко одетый в холодное время.

ЛЕНЬ. 1. **Лень-матушка вперед тебя родилась.** По адресу законченного лентяя.

2. **Лень отдавать.** Тянуться, потягиваться. Существовало поверье, будто таким образом лень передается другому человеку.

ЛИСТИК. В листик. Об аккуратно выглаженном белье. Слышал от матери, некоторое время работавшей в пошивочной мастерской.

ЛИХОМАНКА. Лихоманка тебя затряси! Бран. — *Чтоб тебя лихоманка затрясла!* — *сердито пробурчал Платон* (Кабарин Ф. Указ. изд. С. 109). — *И про все-то ты знаешь, тебе бы не в кузне, а в энтих, в министрах сидеть, разбей меня лихоманка!* (Бахлыков П. Медвежья падь. Тюмень, 1997. С. 92). — *Ну и пусть их всех лихоманка треплет... таковские* (Березовский Ф. Бабы тропы. Иркутск, 1986. С. 421).

ЛОЖКЕ. В час по чайной ложке. Очень медленно.

МАЛО. Мало-мáло. Немного, чуть-чуть. — *А свежая рыба есть?* — *Мало-мало* (А-в. Из поездки по р. Туртасу в 1896 г. // Сиб. листок. 1897. № 51).

МИР. Мир не берет. Часто ссорятся.

МОРОЗИТЬ. Сопли морозить. Быть на морозе. — *Рыбалка не рыбалка, а так, только сопли морозить* (Ткачук В. Знакомство // Югра. 2003. № 1. С. 66).

МОТАТЬ. Сопли на кулак мотать. Переносить лишения, мытарства, мучиться, страдать, быть в крайне затруднительном положении.

МОТЫГА. Из *моты́г моты́га*. Во фразеологическом словаре русских говоров Сибири (Новосибирск, 1983) — ленивый, не любящий работать. В Сургуте моего детства это выражение употреблялось в иных значениях: неверный, не имеющий постоянных привязанностей, гуляющий.

МУХИ. Белые мухи. Снежинки, снежные хлопья поздней осенью. — *И первый снежок... он уже тоже пожаловал. Показался ли белыми мухами или даже полежал несколько деньков, но — сошел все-таки* (Чукреев В.И. Указ. изд. С. 145). — *Настала осень, а с нею и холодные заморозки, верные предвестники близкой зимы; полетели белые мухи, как говорят некоторые сибиряки* (Черкасов А.А. Из записок сибирского охотника. М., 1990. С. 297). — *...На задвиженье птица улетела. Лебеди, гуси, гагары — все потерялось. Полетели былые мухи, будто саван белый спустился* (Шергин Б.В. Указ. изд. С. 66).

МЫШЬ. Мышь копной не задавишь. О телесной разновеликости мужа и жены. — *А твоя-то! Твоя-то! Ма-а-ахонья! И как токо ты ее не задавишь?! — Копна мышь не давит...* (Астафьев В.П. Веселый солдат. Указ. изд. С. 39).

МЯСО. Были бы кости, а мясо нарастет. По поводу подростковой худобы.

МЯСОМ. С мясом. Оторвал пуговицу с мясом, т.е. с тканью, к которой она пришита. — *Он уцепился за тетку, с мясом не оторвешь, орет, призывая бабушку на помощь* (Астафьев В.П. Ода русскому огороду // Когда ты людям нужен. М., 1987. С. 258).

НА. 1. На, холера! Выражение удивления, досады. — *И вот — на тебе, она, оказывается, правда горевала, что он такой молчаливый и неласковый* (Шукшин В.М. Указ. изд. С. 113).

2. На нет. Напрочь. — *Весь невод на нет изорвало.*

НАДО БЫТЬ. Должно быть, по-видимому, вероятно. — *Ну лешак! Как истинно поклялся. Надо быть, и верно не он первый Федюшку с собаками заметил* (Чукреев В.И. Указ. изд. С. 244). — *Хорошо, надо быть, другу моему советному на том свете у Христа, у батюшки!* (Мельников П.И. На горах. Кн. 2-я. М., 1963. С. 83).

НАЕЛСЯ. На один бок наелся. Шутл. Так говорят, если кто-либо пошатнется, вставая после еды из-за стола.

НАЗРИТСЯ. Дома не на́зрится. Предсудит. О члене семьи, который много времени проводит вне дома, постоянно где-то в бегах, в гульбе.

НАКВАСИТЬ. Реку наквасить. Утонуть.

НАМЫВАТЬ. Намыва́ть гостей. Примета. Так говорят, когда кошка вылизывает свою шерсть, лапы. — *Вот видишь, Петр Захарыч, — обратился он к Яптину, — сегодня кот гостей нам намывал, и впрямь гости приехали (Лукоморец. Колокольчики звенят // Сиб. листок. 1915. № 42).*

НАЧАТЬ. Нача́ть да ко́нчить. Шутливый ответ на вопрос, много ли осталось работы.

НЕЖИВОЙ. Как неживой. О вялом, медлительном человеке. — *Чё ты еле шевелишься, как неживой?*

НЕЛАДЕН. Будь ты неладен! Беззлобное ругательство. — *А-а, кума Авдотья! А я думала снова эти шалопаи, будь они неладные! (Кабарин Ф. Указ. изд. С. 76).*

НЕНАБУДЬ. Кого-ненабудь. Кого-нибудь. — *Зовет он ево «ваше благородье», а я и думаю опять: да неужели, мол, это и взаболь чиновник? Али, мол, уж нечистая сила кого не набудь Михалке за себя показывать! (Кузнецов Е.В. Летопись мирного городка // Литературные фантомы. Тюмень, 1997. С. 355).*

НИ. 1. Ни два ни полтора. Ни то ни сё. О неопределенности, нерешительности. — *Боже как низил!.. Мог ведь по-иному. Ни вашим — ни нашим, ни два — ни полтора (Лагунов К.Я. Иринарх. Сургут, 1993. С. 195).*

2. Ни за́ что ни про́ что. Экспрессивн. Ни за что, без вины. — *Рвет и мечет Смолокуров. У приказчиков, у рабочих каждая вина стала виновата — кто ни подвернись, всякого ни за что ни про что сейчас обругает... (Мельников П.И. На горах. Кн. 1-я. М., 1986. С. 544).*

3. Ни к селу ни к городу. О неуместном, несообразном. — *Экспонаты сельскохозяйственной опытной станции в сельскохозяйственном отделе, собаки, орлы и другое зверье отдельно и далеко от чего-либо северного или охотничьего, словом, «ни к селу ни к городу» (Писахов С.Г. Указ. изд. С. 269).*

НИКТО. Больше никто. Экспрессивн. Усиление отрицательной характеристики. — *Свинья ты, больше никто.*

НИЧЕМ. Ни́чем ни́чего́ (ни́кём ни́кого́). Экспрессивн. О полном отсутствии. — *Какие-то слабые вы... Ишо ничем ничего, а уж мысли бог знает какие (Шукин В.М. Указ. изд. С. 191).*

НОГА. Как собаке пятая нога. О полной ненужности чего-либо. — *Мне этот суд нужен, как собаке пятая нога (Шукин В.М. Указ. изд. С. 166).*

НОГОЙ. *Сухой ногой (пройти).* Не замочив ног.

НОЖ. *Нож острый.* Не по нутру. — *Прискучила мне эта работа. Стал расчет просить. Заводчику деньги платит — нож острый (Пи-сахов С.Г. Указ. изд. С. 61).*

НОЖКИ. *По одежке протягивай ножки.* О необходимости соиз-мерять желания и возможности. — *...у чиновных людей, что покрупнее, были свои дома, а мелкая сошка перебивалась на маленьких квартирках мещанских домов — тесно там, и холодно, и угарно, да делать нечего — по одежке протягивай ножки (Мельников П.И. На горах. Кн. 2-я. М., 1963. С. 418).*

НОЧЕВОЙ. *С ночевой.* На ночь. — *Как нравилось мне, каким взрос-лым, несколько удрученным заботами о семье мужиком я себя чувство-вал, когда собирались вверх с ночевой (Шукин В.М. Указ. изд. С. 8). — Если мамаша спросит — предупреди, что я с ночевой в избушку (Шиш-ков В. Угрюм-река. М., 1982. С. 174).*

НОЧЕВУ. *На ночеву.* На ночь. — *Те, что постарше да посильнее, отправляются рубить дрова подальше от слободы, на ночеву, т.е. ночи на три-на четыре, а то и на неделю (Зобнин Ф. Из года в год // Лукич. 2000. № 3. С. 66). — Собираются обыкновенно артелями, с тем чтобы ночевать одну или две ночи, называя это: идти на ночеву за ягодами или за грибами (Авдеева-Полевая Е.П. Записки и замечания о Сибири // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990).*

НУ. *Ну тебя (вас)!* Выражение недовольства, несогласия, нетер-пения, рассерженности, отказа от продолжения разговора, спора. — *Наденька меж тем запрягала лошадь, настойчиво звала: — Поедемте, право!.. Ну вас (Шишков В.Я. Угрюм-река. М., 1982. С. 658).*

ОДИН. 1. *Один к одному.* Как на подбор. — *Стол был роскошным. В тарелках дымились парком красиво вылепленные один к одному пель-мени (Косихин В. Указ. изд. С. 64).*

2. *Один по одному.* Порознь, друг за другом. — *У людей суда одно по одному домой воротятся, а о желанном кораблике и слуха нет, и не знаем, где промышляет (Шергин Б.П. Указ. изд. С. 20). — В то время не один по одному, как водится, а гурьбой ввалило в избу с дюжину молодых парней (Мельников П.И. На горах. Кн. 2-я. М., 1963. С. 462).*

ОДНО. *Одно к одному.* Нарастание ряда однородных событий. — *...Жеребца купил... Невод хочет заводить. Не гулящий, не мот... К нам перейдут — глядишь, одно к одному — хозяйству помога (Панов И.С. Указ. изд. С. 47). — Сегодня толпа зрителей стояла праздничная, все, как нарочно, было одно к одному (Залыгин С.П. После бури. Кн. 1-я. М., 1988. С. 304).*

ОТПУСТИТЬ. Вожжи отпустить. Предосудит. Избаловать дочь, сына, в результате чего они выходят из повиновения.

ОТСКАКИВАЕТ. От зубов отскакивает. Об уверенно, бойко отвечающем на вопросы.

ПАНТАЛЫКУ. Сбить с панталыку. Сбить с толку, с пути. — *Недолго побыл Афонька в тихой шкуре Афанасия Петровича. Немного и понадобилось, чтобы сбить его, как говорят северяне, с панталыку (Косихин В. Указ. изд. С. 176).*

ПАРА. 1. Два сапога — пара. Очень похожи поведением, характером.

2. **Пара — гусь да гагара.** Поговорка. Насмешл.

ПЕРЕВАРИВАТЬ. Не перева́ривать. Не терпеть, испытывать стойкую неприязнь к кому-либо или чему-либо. (Но «переваривать» — не означало «питать симпатию»).

ПЕРЕД. Перед чем. Ирон. Отчего, по какой причине. О поступке, какого никак нельзя было ожидать от этого человека. — *Перед чем это он так раздобрился?*

ПЕРЕЛИВАТЬ. Переливать из пустого в порожнее. Пустословить.

ПЕРЕШИБЕШЬ. Соплей перешибешь. Презрит. О тошем, хрупком, тшедушном человеке. — *Что ж я дурак, Якуня-Ваня?! Маланью променяю на барышню?! Кабы она была вроде наших девок... А то соплей перешибешь... (Березовский Ф. Указ. изд. С. 339).*

ПИЛОСЬ. Пилось бы да ёлось, а работушка на ум не шла. Поговорка. Шутл.

ПЛОДИТЬ. Нищету плодить. Рожать много детей в бедной семье.

ПО. По её (его). Как она захочет. — *Всю жись этак, все в доме по ней равняйсь, по ее будь (Астафьев В.П. Прокляты и убиты // Новый мир. 1992. № 12. С. 219).*

ПОВАЛЯЕШЬ. Не поваляешь, так не поешь. Поговорка на случай, когда что-либо из еды упало на пол.

ПОЛКИ. С верхней полки. О крепкой ругани. — *Понужнул меня с верхней полки.*

ПОМИНЕ. Лёгко на помине. — *Ну, брат, легко на помине, а я только сейчас о тебе думал. — Значит сердце сердцу весть подает, вот это что! (Черкасов А.А. Указ. изд. С. 256).*

ПОМОГАТЬ. Помогать кому делать нечего. Насмешл. Бездельничать.

ПОПЫТКА. Попытка — не пытка. Побуждение к действию, к упорству в работе, достижению цели.

ПОРУ. В ту же пору. Экспрессивн. Соображение о неизбежности, неотвратимости последствия какого-либо действия. — *Дурною приметой считается, когда при таком важном выезде баба пересечет дорогу. После такой беды хоть назад воротиться так в ту же пору. Так и делают, если еще не выехали со двора...* (Зобнин Ф. Указ. изд. С. 67).

ПОСЫЛАТЬ. За смертью посылать. О нерасторопности, медлительности. — *Придем домой, а тетушка моя ругает нас: «Вас только за смертью посылать»* (Диодорова Т. Детство мое — птица сизокрылая // Вестник Приобья. 1995. 23 мая).

ПОТЕШНО. Что ни дурно, то потешно. Поговорка. Предосудит.

ПРАВДА. Правда что. На самом деле, действительно. Подтверждение. Экспрессивное выражение согласия с известной истиной. — *Вот уж, правда что, стебелек малый: давай цепляйся теперь из всех силенок, карабкайся* (Шушкин В.М. Указ. изд. С. 423). — *А она, правда что, еще молодая была в ту пору, кошка, так нуще, чем сейчас, ревели...* (Залыгин С.П. Указ. изд. С. 198).

ПРОИГРЫВАЕШЬ. Не корову проигрываешь. При мальчишеских играх адресуется осторожному, трусливому игроку. Вообще — тому, кто стоит перед рискованным выбором.

ПРОКУКАРЕКАЛ. Прокукарекал, а там хоть не рассветай. Поговорка. Предосудит. О склонности дело подменять словом. — *...им-то здесь не плавать, они на карте стрелы нарисуют, кому где плыть и куда высаживаться, — прокукарекано, а там хоть не светай!* (Астафьев В.П. Прокляты и убиты // Новый мир. 1994. № 10. С. 74).

ПРОЛЕЖИТ. Места не пролежит. Запасливый, бережливый человек говорит так, когда старую или ненужную в ближайшее время вещь не выбрасывает, а откладывает на хранение.

ПРОНЕСЕШЬ. Мимо рта не пронесешь (кусок, ложку). Поговорка на случай, когда приходится есть в темноте.

ПРОЯЗВИ. Проязви тебя (его и т.д.). Беззлобное ругательство. — *Кто же, проязви их, воровски промышляет в моем садке?* (Кабарин Ф. Указ. изд. С. 13).

ПРЯНИК. Копеечный пряник. Ломается, как копеечный пряник.

ПУТЁВЫЙ. Как путёвый. Насмешл. — *Приезжи от берега отъедут верст с десяток, тоже как путевы, песню заведут* (Писахов С.Г. Сказки. Очерки. Письма. Архангельск, 1985. С. 25).

ПЯТНАЙ. Пятнай тебя (его, ее и т.п.)! Экспрессивн. Выражение досады, раздражения, неудовольствия и многих других оттенков эмоционального состояния. То же, что распятнай тебя, язви тебя, разъязви тебя, якорь тебя, холера тебя, расхолера тебя. — *И Сергуха, пятнай его, не подает весточки. Ладно ли уж с ним? Опять, поди, вязался в*

заваруху какую? (Кабарин Ф. Указ. соч. С. 310). — Мужики охали, охали, восклицая при этом «язви ты» или «пятнай его холера» (Лагунов К.Я. Все — в человеке, все — от него // Тюменская правда. 2001. 13 июля).

РАД. Рад не рад. Экспрессивн. Радёхонек. — Раз я попал в кружок пирующего купечества и был рад не рад, что незаметно унес ноги... (Вагин В.И. Сороковые года в Иркутске // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 469).

РАЗБОРУ. К шапочному разбору. Об опоздании. Пришел к шапочному разбору — к самому концу, «под занавес», когда уже все решено, сделано и осталось только взять шапки и разойтись.

РАЗВЕДУ. Чужую беду руками разведу. Поговорка. Ирон. О том, кому проблемы других кажутся легкоразрешимыми.

РАЗГОВОР. Сибирский разговор. Кедровые орехи. — «Сибирский разговор», или кедровые орешки, составляет для обитателей севера предмет немаловажной торговли (Словцов И.Я. В стране кедра и соболя: Пелымский край // Лукич. 1999. № 5. С. 117).

РВЕТСЯ. Где тонко, там и рвется. Пословица. О цепи неприятностей («Беда не приходит одна»). — Но за поворотом нас подкарауливала еще большая неприятность: нарта Василия Николаевича попала в щель, провисла и переломилась пополам. — Тьфу ты, дьяволищина! Где тонко, там и рвется! — буркнул он с досадой, сбрасывая лямки и опускаясь на снег (Федосеев Г.А. Тропую испытаний. М., 1969. С. 159).

РЕВЕТЬ. Белугой реветь. Экспрессивн. Сильно, громко, отчаянно.

РЕДЬКИ. Хуже горькой редьки. Экспрессивн. О навязчивом, прилипчивом, бесцеремонном человеке. — Надоел ты мне, Яким Прохорыч, пуще горькой редьки с такими разговорами, — с недовольством промолвил Патап Максимыч (Мельников П.И. В лесах. Кн. 1-я. М., 1956. С. 256).

РОДНЯ. 1. Далёко не родня. О чем-либо, сильно уступающем по своим качествам лучшим образцам. В этом же значении — о человеке.

2. Родня от старого бродня. Пренебреж. — Это человек, которого не считают по ряду причин своей родней (А.В. Кузнецов, 1997). — Слушай, а ведь мы с тобой, кажись, родней доводимся... — Ну да, мы родня от старого бродня! Я тебе, как старому забору двоюродный плетень... (Еремеев П. Указ. изд. С. 221).

РУКА. Развилась рука. Произошло растяжение связок, сухожилий. — Случалось, как говорили, рука разовьется — разом ослабнет в кисти от тяжелой работы, — то перевязывали кисть или шерстяной ниткой, или уж ремешком от старого гужа (Еремеев П. Указ. изд. С. 14).

РУКАВИЦАМИ. С рукавицами. — *Вернулся с рукавицами!* — говорят про неудачную охоту или промысел (Дмитриев-Садовников Г.М. Плоти // Северосоюз. Тобольск, 1918. № 36/37. С. 13).

РУКЕ. По левой (правой) руке. Слева (справа). — *Иди до околицы, увидишь по левой руке избу-пятистенку...* (Паустовский К.Г. Ильинский омут. М., 1984. С. 18).

РУКИ. 1. С **рукí.** Об удобстве какой-либо ручной работы. — *...некоторые метальщики... требуют конны подвозить так, чтобы метать было «с руки», т.е. удобно* (Ларионов Ф.Ф. Семейная хроника: Материалы к истории культуры Западной Сибири: Рукопись. Л., 1949. С. 62).

2. Руки как крюки. О неумелом, неловком человеке.

РУКУ. По левую (правую) руку. Слева (справа). — *Красивое место! По правую руку гора высилась обрывом* (Доронин Г. По худому льду // Наш край. Тобольск, 1985. № 5. С. 2). — *Дом по левую руку от нашего тоже пуст* (Белов В.И. Раздумья на родине // Наш современник. 1985. № 6. С. 119).

РУЧКЕ. По ручке. Рукопожатие.

САДЫ. На сады. Для посадки (о картофеле).

САХАРНЫЙ. Не сахарный. Слова ободрения промокшему под летним дождем: «Не сахарный, не растаешь». — *Вон какая грязь, а дождик так и хлещет!* — говорила Дарья Сергеевна. — *Не сахарная, не растает,* — сказала Аграфена Ивановна (Мельников П.И. На горах. Кн. 2-я. М., 1963. С. 188).

СВЕТ. 1. Ни свет ни заря. Чуть свет, спозаранку. Экспрессивн. — *Господи, ни свет ни заря!* — всплеснула Марья Кирилловна руками (Шишков В.Я. Угрюм-река. М., 1982. С. 92).

2. Не ближний свет. Далеко.

— *Вот и я — давно ли лётала*

На своих до Киекбаева

Или к Ленке до Суворова?!

Это ведь не ближний свет.

(Козлов В. Троицыно утро. Екатеринбург, 1999. С. 86).

СЕБЕ. По себе. По своим домам, квартирам, хозяйствам. — *Блоки-то оконны да переплеты целехоньки почитай что были, плахам половым да потолочным, на полатах которы, на колбце, на лавках — имя и сносу нет, их-то люди по себе растащили* (Седов Л. На родине Н.М. Чукмалдина // Лукич. 1999. № 5. С. 154).

СЕРДИТЫХ. На сердитых воду возят да тараканов морозят. Шутливая примирительная прибаутка.

СИДЕТЬ. 1. Сидеть гусей. О весенней охоте на гусей из скрадков. — *Ружье ночью не посылайте, потому что ныне должно быть не придется сидеть гусей...* (Лопарев Х.М. Самарово. СПб., 1896. С. 92).

2. Сидеть перевесами. Способ ловли водоплавающей птицы с помощью сети. — *Весною же на светлые ночи жители ездят «сидеть перевесами», промыслять птицу большими сетями, растягиваемыми в лесных просеках, обыкновенно между двумя водными пространствами, где любят плавать утки* (Там же. С. 122).

3. Сидеть сетями. О сетном промысле рыбы. — *Рыбы в Самарове добывали не много: в некоторых протоках, в Щучьей и по заливам; сидели и сетями* (Там же. С. 88).

4. Сидеть смолу (деготь). О смолокурном промысле. — *А сколько они в год-от этой смолы в вашем лесу накурят, сколько дегтю насыдят...* (Мельников П.И. На горах. Кн. 1-я. М., 1986. С. 399). Вообще сидеть — значит промыслять.

СИЛЕ. По силе возможности. Экспрессивн. По возможности. — *Пашня ночью не шибко манит, таиться нечего, но ввиду поступившей просьбы аймисполкома, я думаю, каждый посеет по силе возможности* (Зазубрин В.Я. Указ. изд. С. 317). — *Пиши, чтобы знать, где находишься, по силе возможности стану тебе каждый год присылать на житье* (Мельников П.И. На горах. Кн. 2-я. М., 1963. С. 500). — *Нет, ты, язви тебя, отчаянная. А как я, по силе возможности, учну тебя целовать да приголубивать?* (Шишков В.Я. Угрюм-река. М., 1982. С. 369).

СКРЕБЕТ. Кошка скребет на свой хребет. Предостережение, напоминание о неизбежности последствий чьих-либо действий.

СКРИПИТ. Гнилое дерево дольше скрипит. Поговорка о живучести болезненных людей.

СЛЕЗЕШЬ. Где сядешь, там и слезешь. О ненадежном (ленивом, безответственном) человеке.

СЛУХУ. Ни слуху ни духу. Экспрессивн. Давно не слышно о ком-либо. — *Ни слуху ни духу про него у нас никогда не бывало, вдруг ровно из земли вырос, как из ведьминой трубы вылетел* (Мельников П.И. На горах. Кн. 2-я. М., 1963. С. 394).

СЛЫШАТЬ. Слышать носом. Чують. — *Именно с появлением первой зелени у зверей появляются в носу черви... вследствие чего в это время звери худо слышат носом, обоняние их притупляется...* (Черкасов А.А. Указ. изд. М., 1990. С. 307).

СМЕРТЬЮ. Не своей смертью. Насильственной либо в результате несчастного случая. «Своей смертью не умрет», — говорили в Сургуте об отчаянном, часто рискующем человеке. — *Если человек помер не своей смертью (убили или утонул), то такого на кладбище не хорони-*

ли — грех, а хоронили у кладбища (Баннов Ф. По нехоженным тропам / Лукич. 1999. № 6. С. 14).

СМОТРЕТЬ. Смотреть не на что. Пренебреж. О ком-либо (чем-либо) недостойном внимания, ничтожном. — *Сопляк, смотреть не на что, а туда же.*

СНОМ. Сном давит. О сонливости. — *Вообще, если человека начинает клонить в сон не вовремя, или, как здесь говорят, «сном давить» не в обычное время, то это предвещает какое-нибудь несчастье или даже близкую смерть (Неклепаев И.Я. Народная медицина в Сургутском крае // Тобольский Север глазами политической ссыльных XIX — начала XX века. Екатеринбург, 1998. С. 328).*

СОБАК. Как нерезаных собак. Экспрессивн. Много. — *Посмотрим, посмотрим, — неопределенно пообещал Глеб. — Кандидатов сейчас как нерезаных собак (Шукин В.М. Указ. изд. С. 227).*

СОБАЧКА. Маленькая собачка до старости щенок. Поговорка. О низкорослом человеке. — *Кандидат фон Шульц: голосит, как стрельба из пушки, но внешний вид как маленький зобачка, до старости щенок, из подворотни... (Шергин Б.В. Указ. изд. С. 318).*

СОБРАТЬСЯ. Нищему собраться — только подпоясаться. Поговорка. (Софронов В.Ю. Указ. изд. С. 278).

СОВРЕТ. Соврет — недорого возьмет. Поговорка.

СОЛНЦЕ. Цыганское солнце. Луна. — *В некоторых отраслях с 3 до 4 ч[асов] утра работа продолжается до появления на небе «цыганского солнца», как сибиряки называют луну... (М-ко А. Комиссия о рыбопромышленных рабочих Обского района // Сибирский листок. Тобольск, 1903. № 94).*

СОПЛЯХ. На соплях. О сделанном ненадежно, непрочно, кое-как, без души, «по конец рук».

СПРОСИЛ. Спросил у мертвого здоровье. Шутл. О вопросе неуместном, на который может быть дан только отрицательный ответ, или запоздалом, когда ответ заранее известен.

ССАТЬ. Ссать кипятком. Экспрессивн. О проявлении крайне возбужденного состояния.

СТАВИТЬ. Ставит сено (дрова). Заготовливать. — *...в 1908 и 1909 годах все лето и осень луга были затоплены так, что негде было ставить сено и пришлось зарезать большую часть скота (Шульц Л. Краткое сообщение об экскурсии на реку Салым Сургутского уезда // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск. 1913. Вып. 21. С. 7).*

СТЕНЕ. Стенé (стенке) говорю. О безрезультатности словесного воздействия. — *Не раз я говорила ей, не годится, мол, делать так, а она ровно и не слышит, ровно я стене говорю (Мельников П.И. На горах. Кн. 1-я. М., 1986. С. 564).*

СТО. Сто рублей убытку. Шутл. Мягкая форма осуждения. — *Это не Марья, а сто рублей убытку.*

СТОЯТЬ. Стоять (висеть) над душой. Настаивать на чем-либо нежелательном, торопить. — *...он принял систему не торопить дочерей своих замуж, то есть не «висеть у них над душой» и не беспокоить их слишком томлением своей родительской любви об их счастье... (Достоевский Ф.М. Идиот // Собр. соч. в 12 томах. Т. 6. М., 1982. С. 41).*

СУСЕДКА. Сусёдка конская. Бран. Не раз слышал эти сердитые слова от бабушки.

СЪЕЛ. Кто смел, тот и съел. Поговорка. Перевода, очевидно, не требуется.

ТАК. 1. Так, сказал бедняк. Прибаутка, произносимая, зачастую невольно, в момент раздумья перед началом дела или принятия решения, заполняющая паузу. — *Та-ак, сказал бедняк, — отметил Шуть, — на безрыбье и это рыба (Астафьев В.П. Прокляты и убиты// Новый мир. 1994. № 10. С. 74).*

2. Так они и жили: дом продали — ворота купили. Поговорка. О неумении вести семейное хозяйство.

ТИПУН. Типун тебе (вам) на язык. Шутливое выражение несогласия с чьим-либо предложением, предсказанием. — *Типун вам на язык, батюшка, — засмеялась хозяйка, поглядывая на Петра Данилыча нежно, по-весеннему (Шишков В.Я. Угрюм-река. М., 1982. С. 184).*

ТО. То да потому. О надоедливом повторении одного и того же в разговоре. — *Господи! Да никого мне не надо! То да потому, то да потому! Не померла до сих пор и дальше не помру (Панов М. Указ. изд. С. 9). — Да-а... — инспектор опять выматерился. — Дурак попался! Я ему то да потому, то да потому, а он хоть бы хны!.. (Косихин В. Указ. изд. С. 94).*

ТОШНО. Тошно мне! Экспрессивн. Выражение страдания, боли, удивления, недоумения и т.д.

ТРУСЛИВЫЙ. Трусливый да пакостливый. Констатация близости этих двух качеств, сопутствия одного другому.

ТУДА. Туда-сюда. Сойдет с натяжкой, более или менее приемлемо. — *Как-то не глянется такой порядок интеллигентному человеку. На Западае еще туда-сюда (Бартенев В. Указ. изд. С. 150). — ...лисица-белодушка спрашивается на Ирбитской ярмарке охотнее и идет еще ладно, туда-сюда (Из Березова // Тоб. губ. ведомости. 1863. № 29. С. 231).*

ТУТ. Тут и есть. Экспрессивн. Совсем близко, рядом. — *Старик взял бинокль и скоро настроил его по своему зрению. — Фу ты, язви ее, какая диковина сделана! Кажется, уж на что далеко, а в машинку-то сколь близко показывает, тут и есть! (Черкасов А.А. Указ. изд. С. 261).*

УГОЛ. Гнилой угол. Сторона света, откуда чаще всего приходят осадки. — *...грозы сего времени ополчаются против города с пределов западных, с той болотистой стороны, которая слывет у жителей гнилым углом* (Словцов П.А. Письма из Сибири. Тюмень, 1999. С. 148).

УКРАЛ. Как украл. — *Погода благоприятствовала ровно настолько, чтобы успеть закончить работу. Так говорили на сенокосе. Поднималась дождевая туча, надвигалась гроза, а в это время гребли сено и складывали в копны. И только успевали закончить, как начинался ливень. Вот и говорили: «Как украл»* (А.В. Кузнецов).

ХОДАМ. По ходам. Напрямик через огороды.

ХОДУ. На ходу подмётки рвет (дыру вертит). Экспрессивн. Энергичный, подвижный, бойкий. — *...шибко бойкий был, как говорили у нас, «на ходу дыру вертел». В масленицу себя выказывал. Вырядится, вскиснет на убранного коня, обскачет всю деревню, так и этак изломается в седле...* (Еремеев П. Указ. изд. С. 161–162).

ХОТЬ. 1. **Хоть матушку-репку пой.** Экспрессивн. Отчаянное положение. — *До того мне тошно, что хоть матушку-репку пой.*

2. **Хоть топор вешай.** — *...я долго не мог уснуть — то ли от жары, то ли от духоты, потому что от скопища народа в таком тесном помещении был такой спертый воздух, что хоть топор повесь, как говорят любители красного словца* (Черкасов А.А. Указ. изд. С. 211).

ЧАЙ. 1. **Пустой чай.** Без еды, без сахара, варенья. — *Ты пустой-то чай не пей, бери шаньгу!*

2. **Чай с сахаром!** Приветствие гостя хозяевам, когда он застаёт их за едой. — *Большим крестом помолившись на иконы и чопорно поклонясь «хозяюшке», перелетная гостейка весело молвила: — Чай да сахар! — К чаю милости просим, — не особенно приветливо отозвалась ей Дарья Сергеевна* (Мельников П.И. На горах. Кн. 1-я. М., 1986. С. 22).

ЧЁ. Чё к чему? Выражение отношения к нелепости, несуразности, неубедительности высказывания, поступка.

ЧЁМ. Не при чём. Не приготовился, не собрался. — *Все уже на берегу у лодок, а ты не при чём.*

ЧЁРТ. Чёрт за язык дернул. Выражение досады на себя после сказанного не вовремя, некстати, необдуманно. — *Бес меня дернул за язык про Реполово... Промахнулся, едри твою корень!* (Кабарин Ф. Указ. изд. С. 46).

ЧЕРТИ. Не было печали — черти накачали. Поговорка.

ЧЕСТЬ. Честь по чести. Чинно, солидно, упорядоченно. — *Идут под ручку, честь по чести...* (Шукшин В.М. Указ. изд. С. 467).

ЧТО. 1. **Что в лоб, что по лбу.** Все равно.

2. **Что дурно, то потешно.** Предосудит. О плохом поведении.

3. **Что шаг, то пятак.** О человеке корыстном, ничего не делающем задаром; о ленивом.

ШЕРСТИ. Ни шерсти, ни молока. Никакого толку. — *От козла — ни шерсти, ни молока. — ...все девчухи охали и подсмеивались, мол, хозяйка не под стать хозяйке, хил, невзрачен и «ни шерсти от него, ни молока» (Астафьев В.П. Ода русскому огороду // Когда ты людям нужен. М., 1987. С. 269).*

ШИВОРОТ. Шиворот навыворот. Наоборот, не по порядку.

ШИЛЬЯХ. Как на шильях. Беспокойно, тревожно, неусидчиво. — *Афанасья сидит, как на шильях, если кто-то что-то делает, куда-то пошел, а она дома (Белов В. Раздумья на родине. Указ. изд. С. 120).*

ШКУРА. Шкура барабанная. Добродушное ругательство.

ШУТКА. Шутка в деле. Экспрессивн. Легко сказать. — *Не дойдешь ты до своей воли все одно. — Парень вскинул голову: — Почему? Через всю Сибирь идти — шутка в деле! (Шукиин В.М. Указ. изд. С. 110).*

Я. 1. Я не я. Экспрессивн. О красующемся, важничающем человеке.

2. **Я те дам!** Экспрессивн. Высокая степень похвалы. — *Ну, на зиму, известное дело, несколько мешков наморозишь его для уха. Уха-а из ерша, я те дам! С охотки иной раз так похлебаешь, никакого деликатеса не надо! (Косихин В. Указ. изд. С. 35). — Галстук у парня — я те задам! Никак не определишь: круги на нем или завитушки? (Чукреев В. Указ. изд. С. 167).*

ЯЗВИ. Язви тебя (его, её и т.д.) в душу! Бран. — *Емелькин... потеряв всякую надежду, раздражается градом местных ругательств: — О, будь ты проклят! Язви тебя... и т.д. (Лухманова Н.А. Очерки из жизни в Сибири. Тюмень, 1997. С. 21). — Как же он, чертова ноздря, говорил — в контору... Распроязви его, черта, дурака... (Шишков В.Я. Угрюм-река. М., 1982. С. 368).*

ЯЗВИЛО. Чтоб его (ее и т.д.) язвило! Бран. — *Подошел к самому утесу, выглянул потихоньку и вижу: вместо одного медведя ходит их шестеро, чтоб им язвило, черной немочи!! (Черкасов А.А. Указ. изд. С. 108). — А ты, чтобы тебя через сапог в пятку язвило... (Шишков В.Я. Рассказы. М., 1982. С. 88).*

ЯЗЫК. 1. Язык без костей. Презрит. О болтливом человеке, не отвечающем за свои слова. — *Не трогайте моего мальчика, Анфиса Петровна... Неужели на вас креста нет? — С чего это вы взяли?.. — Господи!.. Язык-то без костей у вас (Шишков В.Я. Угрюм-река. М., 1982. С. 149).*

2. **Язык за порогом оставил.** О робком человеке. — *И хотелось бы, и бояться бы, кажется, нечего, да тех слов не может он вымолвить; язык-то ровно за порогом оставил* (Мельников П.И. На горах. Кн. 1-я. М., 1986. С. 149).

3. **Язык проглотил.** О робком человеке.

4. **Язык смозлил.** Постоянно приходится твердить кому-либо одно и то же.

ЯКОРЬ. *Якорь тебя (его и т.д.)!* Бран., иногда насмешл. — *Секретарь, якорь его!* — смеялись мужики (Березовский Ф. Указ. изд. С. 362).

Собрал В. Белобородов

«Где-то есть город...»

(Вспоминаю о покинутом отчем доме, о сургутских родственниках и друзьях, о своих проделках и выдумках)

В конце 2003 г. тюменский издатель Ю.Л. Мандрика выпустил в свет новое издание книги воспоминаний микробиолога, доктора биологических наук Юрия Ефимовича Конева. Автор, уроженец Ханты-Мансийского района, в 1949 году окончил Сургутскую среднюю школу, а затем фармацевтический институт в Ленинграде, где и прошла вся его жизнь ученого, создателя новых лекарств, и художника-любителя.

Книга издана очень небольшим тиражом — всего 200 экземпляров, и найти ее можно даже не во всякой библиотеке, поэтому предлагаем нашим читателям для знакомства с ней небольшой отрывок, иллюстрированный карандашными рисунками автора. Этот альбом школьной поры посчастливилось получить, когда уже заканчивалось составление настоящего сборника. В нем — исключительно одни портреты: друзей, одноклассников, односельчан, родственников. Первые публикуемые, они, на наш взгляд, очень созвучны тексту, написанному с весело-грустной улыбкой.

Первым моим другом до школы был Коля Задворкин. Его родители жили рядом с нами на улице Просвещения в двухэтажном доме (в сороковых годах его перестроили в одноэтажный). За домом был большой огород, засаженный картофелем. Коля часто ходил ко мне, и я ему рассказывал разные истории, которые нам читали медсестры в больнице. Иногда нам показывали кинофильмы. Тогда кино было немое, но детское воображение это только тренировало. Из

*Юрий Конев
в юношеские годы*

одного фильма я познакомился с жизнью и обычаями дикарей: как они добывают огонь трением, как жарят на костре мясо и жадно пожирают его большими кусками, обжигаясь. Я рассказал об этом Коле и внушил ему, что их картофельное поле — это что-то вроде джунглей, а за куски мяса вполне могут сойти клубни картофеля, надо только отпугнуть «бледнолицых», которых полно вокруг, и занять круговую оборону, а это значит — заложить вокруг костры и зажечь их. Мы насобирали щепок, соломы, мелких палочек и сделали оборонительный вал. Огонь, правда, с помощью трения нам не удалось добыть, но Коля мигом слетал на второй этаж своего дома и принес спички. Надо думать, его родители, выглянув со второго этажа, были немало удивлены и даже напуганы, когда увидели, что их огород взялся дымом. Урожай от дыма не пострадал, но виновник «удивления» получил трепку за то, что унес без спросу спички. Мне тоже дома сделали внушение за то, что я путаю сказку с жизнью. Но как их отличать, я еще долго не знал.

Когда мы приобрели часть дома на улице Красных партизан, моим другом стал сосед по дому Витя Король. Дом, принадлежавший ранее купцам Глафириным, был большой, пятистенный, с пристройкой и двумя отдельными входами. Во второй половине его жили две семьи: Король и Черемных.

С Виктором Королем мы сдружились сразу же на почве рыбалки и походов в ближний лес. Виктор с детства был страстным рыболовом и знатоком местной природы и меня научил этому. А я ему рассказывал разные байки, выдуманные или прочитанные (я уже был школьником). Но мы с ним были людьми деловыми, и одних баек нам не хватало.

В первый год после въезда в новую квартиру я решил устроить себе мастерскую, по-сургутски — стан. Насобирали во дворе старых досок и сделал из них невысокое строение, у которого дверь закрывалась невидимой сна-

Витя Король — друг детства по стрельбе с порохом

ружи хитрой задвижкой. В мастерскую я притащил старые металлические вещи из амбара Глафириных (амбар стоял у нас во дворе) — сломанные вилы, топоры, сточенные почти до обуха, ржавые обручи и т.д., выпросил у отца молоток и клещи, и фабрично-заводская деятельность началась. Вбив старый топор в чурбак, я получил надежную наковальню. Из стальных зубьев вил изготовил стамески, пробойники и зубило. Раскалив их докрасна, опустил в жар, как это делали местные кузнецы, и получились прочные инструменты. Позднее я дошел до того, что мог починить лопнувшую пружину у патефона или настольных часов, заменить боек у одноствольного ружья и т.п. Это, пожалуй, была единственная в Сургуте детская мастерская. Практическая работа в ней помогла мне в дальнейшем, при экспериментальной научной деятельности. Но она же и учила осторожности, как это видно из описанного ниже случая.

В те времена в окрестностях Сургута еще было много пернатой дичи. Осенью, при снижении уровня речной воды, в озерах, сорах за Бардаковкой и около кладбища у старой больницы садились утки. Однажды даже на одну из старых елей, стоявших во дворе нашего дома по улице Красных партизан, № 3, сел утром косач (тетерев). У нас с Виктором чесались руки поохотиться на эту живность, но отцы не доверяли еще нам своих ружей. И вот мы, натренировавшись на изготовлении разных металлических изделий, решили, что можем сделать и огнестрельное оружие.

Почему-то за образец такого оружия мы взяли пистолет, с которым Пушкин вышел на дуэль с Дантесом. То ли потому, что нам нравились сказки этого поэта, то ли потому, что форма пистолета была простой для изготовления (его ручка была почти продолжением длинного ствола). Мы выбрали медную трубку с диаметром чуть больше карандаша, заклепали и загнули задний конец ее, пробили в нем отверстия для крепежного гвоздя и сбоку в стволе — для зажигательной спички, затем прочно приколотили к деревянной ручке. Пистолет действительно походил на дуэльный. Мы зарядили его порохом, затем забили пыжом, самодельной дробью и еще раз пыжом. Виктор стал испытывать наше «оружие».

Судьба оберегала нас: Виктору спалило только волосы и нанесло «татуировку» на лбу впившимися частицами пороха, а меня не задело, я был намного ниже его.

В третьей семье, которая жила в доме Глафириных, я познакомился с Геной Черемных. Он был старше меня и учился в 7 или 8 классе. С большим жаром Гена мог рассказывать о битвах Александра Македонского, походах Тамерлана, разгроме Наполеона. Заметив, что я временами что-то мастерю, он предложил мне составить компанию по строительству военного флота. Фантазия у него была ключом, не меньше, чем у меня. Он хотел, чтобы главный корабль флота — линкор — обладал собственным ходом и был снабжен «орудиями». Обжегшись на изготовлении пистолета, я предложил Гене самому обеспечить вооружение линкора, а я сделаю корпус корабля и двигатель (паруса). Гена согласился с генпланом — эскизом двухпушечного и двухмачтового парусного линкора и принес материал для его изготовления — лист старого кровельного железа. Я сделал из толстой доски днище и палубу корабля, обил их полосой железа и поставил мачты с бумажными парусами. Мы с Геной принесли белоснежный корабль на Бардаковку, спустили на воду, к зависти всех мальчишек. Гена стал мечтать — каким зрелищным был бы бой между такими кораблями! А корабль все дальше и дальше уходил от берега. Мы не стали его извлекать из воды, а дали возможность уйти в свободное плавание. Вместе с ним ушел пыл к кораблестроению.

Надо сказать, что перед началом Отечественной войны многие сургутские мальчишки были охвачены азартом военных игр. Они делали сабли из дерева или из старых железных обручей, щиты и сражались стенка на стенку. Обычно местом «битвы» были развалины старой кирпичной церкви, стоявшей недалеко от Барсовой горы. Часть «бойцов» забиралась на крышу «крепости», другая часть пыталась их оттуда выбить. «Битва» шла с переменным успехом: то одна группа овладевала вершиной, то другая. «Сражение» прекращалось только с наступлением сумерек. «Героями» становились те, кто больше получал синяков и ссадин. Конечно, таковыми были знаток древних войн Гена Черемных и мой новый друг, сын начальника милиции Витя Коробкин, которым я «ковал» оружие

«победы» из обручей. Я думаю, боевое возбуждение молодых возникало от тревоги стариков, интуитивно чувствовавших приближение страшной войны, которая унесет в свою пучину кормильцев многих сибирских семей.

Вспоминая годы, проведенные в стенах Сургутской средней школы, где я учился с 1 по 10 класс (кроме 7 класса, который я закончил в деревне Локосово), я не могу припомнить, чтобы у меня были враги. Я неплохо учился, ко всем окружающим относился доброжелательно, «не пряча камня за пазухой», и получал такой же ответ. И так было всегда, где бы я ни учился и ни работал.

И что еще поражает меня, когда я вспоминаю мои школьные годы, меня никто не дразнил, по крайней мере прямо в лицо, хотя фамилия и физические недостатки подталкивали к этому. Но обидных кличек не было, даже в такой «ласковой» форме, которую подсказывала известная сказка сибирского писателя П.П. Ершова. На меня не обижались и не отвечали грубостью даже тогда, когда я рисовал карикатуры в стенгазетах, ибо карикатуры я рисовал смешные, но не обидные. Что такое щадящее отношение школьного коллектива ко мне не было случайным, я убедился по одному эпизоду. К нам в класс подсадили ученика, приехавшего вместе с отцом, командированным на месячный срок в Сургут. Когда мы, как обычно, на большой перемене выбежали на свежий морозный воздух, чтобы «подичать», разминая суставы, и сунуть кое-кому снежный шарик за шиворот «для пушей веселости», я случайно столкнулся с новичком. Он грубо обозвал меня, но я спокойно отошел в сторону, ибо не в моих правилах было отвечать на бранные слова тем же. Но мои одноклассники нашли момент, чтобы «закатать салазки» новичку и пообещать, что будет еще хуже, если он будет вводить свои порядки. Поведение одноклассников мне тогда казалось естественным ответом на мой спокойный и доброжелательный характер. К тому же я сознательно следил за своим поведением. Дело в том, что, много читая с третьего класса, в том числе и серьезную литературу, я запомнил мысль известного французского писателя Виктора Гюго, душеведа, а по некоторым источникам — женолюба, о том, что индивидуумы, имеющие физические недостатки, от-

носятся к остальным людям завистливо и ожесточенно, виня их за свои страдания и уродство. С тех пор я стал анализировать свое поведение, но не находил в себе ожесточения.

Разумеется, самовоспитание и самоконтроль имеют большое значение для формирования характера (особенно если их начинать с раннего детства), но часто бывают ситуации, когда «шила в мешке не утаишь». Теперь я знаю, что главные черты характера человека определяются наследственностью (ее материальными носителями — ДНК, генами, как их называют ученые). А их трудно переделать. Даже мой кумир детства А.С. Пушкин, советуя быть сдержанным («Хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспаривай глупца»), не мог сдержать страстей, узнав об ухаживании Дантеса за своей женой, вызвал его на дуэль, желая убить и не щадя своей жизни и величайшего таланта.

Позднее, изучив свою родословную (журнал «Югра», № 1, с. 20, 1996 г.), я понял, что мною руководят в той или иной степени три линии наследственности, идущие от моих предков: твердость духа и настойчивость русских казаков, пришедших в Сибирь с Ермаком и давших свою фамилию нашему роду; вольность польских шляхтичей (по материнской линии), сосланных в Сибирь за свободомыслие, и выносливость сибирских угров (по отцу), отличающихся безграничным добродушием и добротой, готовых почти все отдать первому встречному, чем и пользовались прежние купцы. Примеры проявления таких черт характера я наблюдал у некоторых ближних и дальних родственников.

Под влиянием чтения и изучения произведений классиков литературы (у нас в школе были хорошие преподаватели) я разработал для себя систему, подразделяя всех встречающихся мне людей на три группы. Критерии были следующие: первое — доброта к людям и всему живому, второе — разумность, обширные знания и третье — полезность для людей, для общества. Ну а мелких штришков характера и их сочетаний было столько, сколько самих людей. К первой группе я относил многих людей, обладающих всеми тремя качествами. Ко второй группе относились люди, у которых было урезано одно из них, но не первое. К третьей группе я относил тех, у которых все три признака были в урезанном состоянии, а их место занимали пороки. Со всеми людьми указанных групп я мог спо-

койно работать, но при свободе выбора стремился общаться с людьми первой группы и избегать — третьей.

Близкими своими друзьями школьных лет я считаю людей, с которыми длительно общался в то время, чувствовал взаимное расположение и переписывался или встречался в последующие годы, после того как мы разъехались в разные стороны нашей большой страны. Из одноклассников это, в первую очередь, было братство «Три Ю» (Юра Туринцев, Юра Толкачев и Юра — я сам). Из трех Юр Юра Толкачев, единственный в семье и очень опекаемый мамой сын (и несмотря на это рано пристрастившийся к спиртному), первый сошел с «тропы» дружбы. Страстно желая быть моряком, искренний и добрый, он, не дожидаясь окончания средней школы, пошел в юнги и исчез из нашего поля зрения. Юра Туринцев, особенно тепло относившийся ко мне, при расставании в Сургуте подарил мне уникальный перочинный нож со многими принадлежностями; от ножа и ножниц до стамески и пилы с двухрядными зубьями. Я никогда не расставался с этим ножом, пока не попал в крутую переделку (грабеж).

Дружил я и с активным на юмор и веселым Степой Замятиным, приехавшим в Сургут из соседней деревни Тундрино. Это мы с ним и другими отличниками Сургутской средней школы и передовиками производства села рапортовали открытым письмом в районной газете товарищу Сталину о своих успехах к очередному празднику Октября. Тогда это считалось событием чрезвычайным для Сургута.

Юра Толкачев и Юра Туринцев

Пожалуй, лучшим учеником нашего класса был мой друг москвич Володя Клочков. У него была цепкая память и хорошо поставленная речь. Своими успехами в учебе он был обязан благородной женщине, энергичной

Степа Замятин

Володя Ключков

Володя Щепеткин

и оптимистичной, полушведке по национальности Екатерине Сергеевне Пашковой. Она усыновила Володю, помогла получить ему среднее образование и закончить нефтяной институт в Москве. Позднее Екатерина Сергеевна вернулась в Ленинград, откуда была эвакуирована в годы войны, там она помогала и мне в трудные времена. К сожалению, Володя после окончания института не воспользовался своими большими способностями в научном плане.

Из аборигенов моим лучшим другом стал Володя Щепеткин. Кроме того, мы с ним были и друзьями по несчастью — в детские годы провели много времени вдаль от семьи, на больничной койке. Уже при первой встрече мы почувствовали друг к другу определенное расположение, а затем, через очень много лет, уже в старости, будучи на пенсии, выяснили, что находимся в родстве. Нашу искреннюю привязанность друг к другу подтверждает и такое событие, случившееся в школьные годы.

В летние каникулы дирекция Сургутской школы при согласовании с райисполкомом и райздравом направляла ослабленных по здоровью детей в своего рода дом отдыха, который назывался «Детский лечебно-оздоровительный санаторий». В нем были специальный, укрепляющий организм детей режим и усиленное питание. Я получил путевку в этот санаторий в июне 1945 года. Приехав туда на попутном почтовом катере, я увидел, что это недавно выстроенное заведение было райским уголком. Местом для

строительства санатория была выбрана красивая часть берега Иртыша между городом Ханты-Мансийском и селом Самаровом (они тогда еще не слились воедино). Три двухэтажных корпуса с резными верандами поднимались вверх по ложбине между холмов. От самого берега до верхнего корпуса вела широкая деревянная лестница с перилами. На берегу стоял домик сторожа. Между строениями был сохранен девственный лес, состоящий из сосен, елей и пихт. У берега росли березы и осины. В солнечные дни воздух вокруг наполнялся терпким смолистым запахом хвойных деревьев и ароматом других целебных растений. Ближе к берегу находилась выровненная площадка для проведения пионерских линеек и для подвижных игр.

Я получил место на втором этаже второго корпуса. Мои соседи по палате занимались чаще всего игрой в карты или беседами о противоположном поле. Меня эти занятия не устраивали. Я, как и дома, отдыхал активно: читал книги из санаторной библиотеки и бродил, изучая ближние окрестности, осыпи на горе, и не без успеха: в одной из них я нашел горный хрусталь. У меня дома была небольшая коллекция минералов, но объяснить свое влечение к ним я не мог. Это осталось у меня «детским» вопросом.

Иногда я вместе с другими мальчишками, любителями рыбной ловли, удил рыбу закидными переметами. Мы поджаривали окушков и плотвичек над костром на палочках, как на вертеле, и тут же поглощали свежайшую пищу. Однажды мне удалось поймать небольшую стерлядку. Я расчленил ее ножом, и мы съели ее по-туземски — сырой, без соли. Никогда более я не едал такой вкуснятины!

Но время пребывания в санатории подходило к концу. Стали приезжать из родных мест школьники нового набора отдыхающих. За 2—3 дня до моего отъезда приехал Володя Щепеткин. Я показал ему ближайшие укромные уголки леса, места на реке, где можно ловить рыбу, и обещал оставить рыболовные снасти. Но Володя, узнав, что я провожу здесь последние денечки, вдруг решил уехать вместе со мной (вот где оно — родственное притяжение!). Я ничем не мог убедить его остаться: ни хорошим питанием, ни интересными делами. Он оставался непреклонным. В душе я был рад его решению, и мы вместе вернулись в Сургут на пароходе «III Интернационал».

Выставка-ярмарка «Югорский книжный мир»

Сегодня каждый производитель услуги или товара представляет их в выгодном свете: рекламирует, организует выставки-ярмарки или участвует в них. Книга, хотя и представляется больше продуктом духовным, чем материальным, — тоже предмет рекламы и продвижения на рынке. Иллюстрация тому — множество книготорговых СМИ, различные книжные премии и конкурсы, выставки-ярмарки. Причем количество проводимых в 70 странах мира международных и национальных книжных выставок, ярмарок, салонов все увеличивается. Их разнообразие и многожанровость с трудом поддаются учету: ярмарки детской, женской, приключенческой и морской, учебной, научно-технической литературы, периодической печати. Всем ценителям книги известны Московская международная книжная выставка-ярмарка (проводилась уже 16 раз), Лондонская и Лейпцигская ярмарки, Парижский книжный салон, а также самая авторитетная в Европе — Франкфуртская (прошла уже 52-й раз). Мало того, и в России такая выставка не одна: есть национальная — «Книги России», проходят выставки и в регионах.

В Ханты-Мансийском автономном округе в 1999 г. состоялась первая книжная выставка-ярмарка «Югорский книжный мир», организована она была на базе Сургутской Центральной библиотеки совместно с окружной библиотекой. С тех пор прошли еще две выставки — в 2001 и 2003 годах. Опыт трех выставок позволяет сделать некоторые выводы.

То, какие задачи ставит перед собой выставка, зависит от организатора. Участниками выставки, организованной библиотекой, становятся издательства, полиграфические предприятия, редакционные отделы и все, кто участвует в издательском процессе. Это международный опыт. В Швеции (Гетеборг) ежегодно проходит международная библиотечная выставка-ярмарка «Книга и библиотека», на многих книжных выставках

работают библиотечные секции, в том числе на Франкфуртской ярмарке — Международный центр книготорговцев, библиотекарей и документалистов.

Задачи, которые ставят перед собой организаторы подобных выставок, — объединение библиотек, издательств и книготорговцев с целью поддержки издательского дела и книгоснабжения библиотек, создание библиотекам возможности получать информацию и продукцию издательств, а издательствам — её показать, продать и вести изучение библиотечного спроса.

История Сургутской выставки

С самого начала выставка приобрела культурно-просветительский и информационный характер и имела своей целью прямое взаимодействие библиотек и издательств.

Первая выставка проходила в 1999 году, её участниками стали 22 учреждения и предприятия с 10 территорий округа, они представили 357 изданий. Вторая состоялась в 2001 году, на ней 20 участников с 13 территорий представили 308 изданий. Впервые проходил конкурс и были определены победители в номинациях «Лучший стенд», «Лучшее издание», «Симпатия», «Меценат».

В программу выставок входят презентации новых изданий, конкурс, «круглый стол». К чести организаторов нужно сказать, что они пытаются раздвинуть региональные рамки, тем самым открывая новые возможности для библиотек. Так, участником второй выставки стал мегапроект «Пушкинская библиотека» Института «Открытое общество». Постоянно участвуют в выставке Управление по охране окружающей природной среды округа, которое давно стало для библиотек надежным партнером, градообразующее предприятие Сургута «Сургутгазпром», тюменский издатель Ю.Л. Мандрика.

Количество представляемых на выставке изданий позволяет говорить о продолжающемся издательском подъеме в округе, который характеризуется увеличением количества участников в этой интереснейшей сфере деятельности.

Третья выставка-ярмарка. Интрига

Число участников увеличилось до 31 и они представляли 12 территорий. Это были издающие организации и предприятия,

издательско-полиграфические предприятия Сургута, Ханты-Мансийска, Нефтеюганска, Нижневартовска, Нягани, Югорска, Лангепаса, Когалыма, Мегиона. Гостями выставки стали благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», издатель Ю. Мандрика, московские издательства «Гранд-Фаир», «МК-периодика», «РОССПЭН». Представлено 521 издание. Впервые в нашей выставочной практике фирма «Дютек» представила свои новые технологии и материалы по реставрации и сохранности документов. Появились и новые участники: Управление внутренних дел автономного округа, Югорский государственный университет, чьи издания вызвали общий интерес.

Интригу создало появление еще одной номинации в конкурсе — «Самому обязательному издателю». Победа должна была быть присуждена тому, кто безукоризненно выполняет окружной Закон «О библиотечном деле и обязательном экземпляре документов в ХМАО». Но вручения свидетельства и специального приза — авторской работы художника Виктора Шмакова — не состоялось. Сами библиотеки оказались не готовыми определить местного издателя, который наиболее аккуратно предоставляет библиотекам обязательный экземпляр. Значит, отсутствует точная регистрация и реальная издательская картина. Интрига сохранилась до следующей выставки.

Победителями же выставки стали НИИ угроведения («Лучший стенд»), пятитомник «Сибирский листок» издателя Ю. Мандрики («Лучшее издание»), «Чертежная книга Сибири» С. Ремезова, изданная общественным фондом «Возрождение Тобольска» (номинация «Симпатия» преобразовалась в «Событие»), Управление по охране окружающей природной среды (номинация «Меценат»).

Тенденции

Что объединяет такие две, казалось бы, полярные стороны — библиотеку и издателя? Издатель заинтересован в прибыли, библиотека (на местном уровне) — в получении местного обязательного экземпляра, формировании наиболее полной коллекции местных изданий.

Участие в выставке столичных издательств говорит о том, что они заинтересованы в партнерских отношениях с библиотеками округа. Библиотека для них — пусть не очень денеж-

ный, но постоянный, надежный, перспективный покупатель. К тому же взаимоотношения издательств и библиотек выходят на более цивилизованный уровень: издатель сегодня готов издавать то, что необходимо библиотекам. С помощью библиотеки он получает не только широчайший выход на любые читательские категории, но и весь комплекс рекламы книги.

Смотрит ли местный издатель на библиотеки как на партнеров, а не просителей обязательного экземпляра? Напрашивается ответ, что нет. Ведь местный издатель работает по заказам, сам не формирует издательский портфель — значит не заинтересован в продаже и продвижении книги на рынке.

Причина этой «незаинтересованности» в том, что во взаимоотношениях библиотеки и издательства отсутствует объединяющее звено — орган власти, который определяет издательскую политику в округе. Вопросы комплектования фондов библиотеки должны рассматриваться, и на выставке в том числе, в контексте издательской политики, организации каналов книгоснабжения, доставки обязательного экземпляра, распространения информации об издательской продукции.

Изменится эта ситуация тогда, когда выставка станет общим делом библиотек, издателей и комитета по СМИ и полиграфии. Решение этой проблемы тем более важно, что издаваемая сегодня в округе книжная продукция в ряде случаев имеет невысокое качество (к счастью, это не правило, и подтверждение тому — издания, представленные на выставке).

В чем выход?

Надо работать от выставки до выставки, пытаясь решить вопросы, которые обнажила и обозначила выставка. Кто будет это делать — библиотеки, издательства? В регионах России есть опыт создания новых организационных форм: региональных информационных центров, книготорговых центров на базе центральных библиотек. Выставка может стать основой для «органа», строящего взаимоотношения между властными структурами, издателями и потребителями (большой группой в категорию которых входят библиотеки).

Чтобы быть готовой к этой роли, выставке необходимо расти, выходить на более высокий уровень, привлекать новых участников, искать другие формы взаимодействия библиотек и из-

дательств. Поможет этому и принятие итоговых документов, рекомендаций, которые наметят пути решения проблем, сформулированных уже на первых «круглых столах»: выработки механизма предоставления местного обязательного экземпляра, создания информационного банка данных по югорской книге, изучения спроса на книгу через библиотеки, заполнения информационных лакун. Необходимо обсуждение этих проблем, привлечение к ним внимания, формирование общественного мнения, ведь «за порог» выставки они не выходят.

А напоследок — два взгляда на выставку «Югорский книжный мир» «союзников» и «антагонистов» — библиотекаря и издателя.

Взгляд библиотекаря

Книжные выставки — это, конечно, библиотечная форма работы, и выставки разной тематики и масштаба библиотеки организовывали всегда. Выставка «Югорский книжный мир» по масштабам и задачам, которые она перед собой ставит, на мой взгляд, выходит за рамки чисто библиотечной деятельности.

Главным заинтересованным лицом в получении и донесении до читателя информации о краеведческих и местных изданиях являются библиотеки. И выставка «Югорский книжный мир» решает эту проблему, хотя и далеко не полностью. Я принимала участие во всех трех выставках и могу сказать, что состав ее участников примерно один и тот же. Не все территории хотят или могут участвовать в «Югорском книжном мире». Поэтому выставку надо расширить территориально. Как это сделать? Есть несколько путей, и за «круглым столом» выставки в Сургуте об этом говорилось. Выставок, на мой взгляд, должно быть несколько, и организовывать их можно по кустовому принципу — для близлежащих районов.

Что дает выставка Государственной библиотеке округа? Мы создаем архив печати Югры и на выставке получаем информацию о многих изданиях, которую затем отражаем в указателях текущей библиографии. Зачастую это единственная возможность получения информации о литературе, выходящей на территории округа, и в еще большей степени — изданной за ее пределами, но на средства организаций и учреждений края.

В округе нет единой издательской программы, координационного плана изданий, поэтому кто платит деньги, тот и владеет

тиражом, отсюда — не с кого спросить, почему же не выполняется Закон «О библиотечном деле и обязательном экземпляре».

Сургутская выставка — это место профессионального общения библиотекарей. Мы обсуждаем общие проблемы, это важно. Бывает всегда приятно встретить на выставке людей, интересующихся краеведческой литературой, авторов книг, краеведов, с которыми у нас давние творческие связи.

Чего не хватает «Югорскому книжному миру»? Хотелось бы, чтобы статус выставки был более высоким. Чтобы можно было наконец-то решить вопрос взаимодействия библиотек и издающих организаций, добиться выполнения Закона «О библиотечном деле и обязательном экземпляре». Чтобы выставку посещали работники торгующих организаций и были заинтересованы в распространении местных изданий через книжные магазины. Чтобы посетителей на выставке было больше.

Взгляд книгоиздателя

Что привело меня в этот раз в Сургут? Скорее всего, давнее сотрудничество с Ханты-Мансийской окружной библиотекой. Но никак не расхожее мнение, что участие в выставках — это возможность оценить конкурента. Такого я пока не вижу. Ибо издательство все еще в единственном числе в достаточно большом радиусе сибирской территории пытается как-то обозначить свою деятельность как краеведческую.

Десять-пятнадцать наименований вот уже почти десять (исполнится в нынешнем ноябре) лет подряд выдает на-гора издательство. Это, как правило, переиздания в современной орфографии или репринтным способом книг, уничтоженных временем и властью. История, этнография, беллетристика — все то, что так или иначе рассказывает о нашем крае, о Сибири. Без координации, без государственной поддержки и практически без чьей-либо другой... Просто свободное плавание. Сплошной рынок, правда, сегодня уже без особой надежды на самостоятельность.

На первую выставку я вез большую коллекцию сибиряки: Кастрен и Буцинский, Патканов, впервые переведенный нами с немецкого, и классик Петр Словцов с «Письмами из Сибири»... Посетителей, на мой взгляд, тогда в Сургутском выставочном зале, где проходила выставка-ярмарка, было много. Может, впечатление такое осталось потому, что книга была востребована.

Около сотни почтовых отправлений наложенным платежом ушло из Тюмени в Сургут в далеком 1999 г.

Я не смеюсь. Сегодня, спустя всего лишь пять лет, то время кажется стародавним. Тогда библиотеки округов комплектовались... И наша литература, адресованная именно им — эксклюзивная книга, малый тираж до 500 экз., а то и все триста, — попадала по своему назначению...

В минувшем году мощная централизованная городская библиотечная система г. Нижневартовска, возглавляемая достаточно цепким руководителем, не приобрела у нас практически ни одной книги. А ведь они всегда хвастались фондами своего краеведческого отдела, закомплектованного с помощью нашего издательства. Может, мы издавали плохие книжки? Все-таки на свой страх и риск, без изучения рынка и спроса. Но один пятитомник «Сибирского листка», этакое энциклопедии сибирской жизни конца XIX — начала XX века, чего стоит. Даже если такая книга будет востребована одним читателем в год — она имеет право на жизнь. А ведь в Вартовске есть пединститут. Но он, наверное, сильно местный: за все время нашего существования не припомню случая, чтобы они купили у нас хотя бы одну краеведческую книжку. Наверное, история той территории для будущих педагогов заканчивается вместе с последней городской улицей, которой не больше сорока-пятидесяти лет. Коротка память...

Говорят, дефицитный бюджет у нефтяных городов. А что говорить о библиотеках юга области?

Областная научная библиотека перед летней прошлогодней книжной ярмаркой вынуждена была совершить покупку книг у издательства. Знали, участвовать не будем. Проку-то большого нет от выставок. Попросили выписать счет на пятьдесят, купили вообще за двадцать с хвостиком тысяч...

С Сургутской городской библиотекой приключилась примерно такая же история: наши отношения спасла выставка. Хотя и без копеечной покупки (может, для библиотеки она была и значительной, но печать одного тома «Сибирского листка» тиражом 300 экз. обходилась нам почти в 100 тыс. руб. А ведь еще была и дорогушая допечатка) мы вполне прожили бы. Одна только окружная Ханты-Мансийская библиотека стабильно покупает обязательный экземпляр. Иногда даже три... Понимают, что такие

издательства должны поддерживаться государством хотя бы через библиотеки.

С ними (окружной библиотекой) все просто. Мы находимся на разных территориях, и на бесплатный экземпляр хантымансийцы и не претендуют. Но для них выставка — попытка своевременно отследить книгу, которая должна занять свое место в библиотечном фонде. Это возможно при условии взаимных каких-то обязательств между издательством и библиотекой, может, даже на уровне добрых отношений...

Из трех выставок «Югорский книжный мир» мы экспонировались на первой и последней. Между ними удалось побывать во Франкфурте, Москве, Будапеште. Ни на одной из них не заметил интереса к нашей книге со стороны торговцев. Да и посетитель не сильно стал баловать вниманием.

С торговцами все понятно. Рынок поделен, связи с поставщиками устойчивы, при больших тиражах книга имеет значительно меньшую себестоимость нежели тот же наш «Сибирский листок» (без каких-то копеек — полтысячи рублей!). Большой литературы у нас нет. Разве что Анна Неркаги, Николай Коняев да Виктор Строгальщиков. Но только последний знает на своей шкуре, что такое сегодняшний московский рынок, с которого книги уходят во все уголки России. Так что издателю приходится кланяться торговцам: «Возьмите, пожалуйста! На любых условиях! Вдруг продадите...» Как поется в современной песне: «Эта горестная повесть о продавщице штучного товара».

К тому же я все чаще понимаю, что мы изготавливаем каменные таблички. В том же Франкфурте посетителей чаще интересовали CD-шки. Это как велосипед, поклонниками которого остались немногочисленные эстеты и спортсмены. А в самом деле, зачем двухколесный друг, когда можно преодолевать расстояния на машине, самолете...

Итак, подведем итоги: чего я ожидал от Сургутской ярмарки?

То, что книги не будут интересны торговцам, я знал. Эксклюзивность книги претендует на продажу нескольких экземпляров в большом городе. Так что не они меня должны искать, а я их. ...Но на выставке книжных магазинов не было...

То, что библиотеки не смогут приобрести у нас новинки — не секрет. Ни у кого нет денег. Я давно понял, что только наше

издательство в радиусе ближайших тысячи километров может сегодня чувствовать себя богатым, поскольку пытается позволить себе иметь собственную политику на книжном рынке. Вот только кто ее замечает? Процент сибирской книги на российском рынке не достигает цифры 1. Даже если мы все исчезнем с лица земли, никто этого в пределах страны не заметит.

Как говорит мой ученик, ныне владелец типографии Женя Воронов, мы приехали на выставку лишь затем, чтобы все поняли — мы все еще живы!

Вот и я сходил в сургутский магазин, купил дорожную бутылку хеннесси (даже в авансовый о представительских расходах из чувства пижонства не стал включать), и где-то в полночь мы с моими любимыми хантымансийцами в гостиничном номере «Оби» осушили ее так быстро, словно она стоила рубль две. Они меня поругивали за разнообразные недочеты в книгоиздательской деятельности. Но хвалили за напиток. На их зарплату его не попробовать.

А когда наступала пауза, я в который раз пытался разъяснить энтузиастам своего дела, почему нельзя требовать бесплатный обязательный экземпляр с издательства.

Во-первых, при тиражах 200–300 экз. надо отдать 16 экз. в Книжную палату, примерно такое же количество пытается изъять Закон Тюменской области. Даже 10 процентов — налог с оборота — это непосильный налог для любого финансовоемкого производителя. Не верите — посмотрите Налоговый кодекс! И не уверен, что налоговики согласятся затратить на обязательные экземпляры, предусмотренные областным законом, отнести на себестоимость продукции. Так что на сумму затрат на обязательный накрутите налог на прибыль. И еще. Интересно, пирожников, автомобилестроителей так же обязывает местный закон отдавать всего по одному экз. местной администрации, областной думе и т.п.? Отдают? Но не афишируют этого? Или мы не равны перед законом, который именуется Конституцией?..

...Так хочется, чтобы у этой публикации о взглядах на выставку, как в американском фильме, все-таки случился хэппи-энд! А у выставки была, пусть отдаленная, но перспектива...

С. Волженина, Т. Пуртова, Ю. Мандрика

«Солдатушки, бравы ребятушки...»

Опубликованный под этим названием во втором и третьем выпусках «Подорожника» дневник рекрута, а затем молодого солдата царской армии Евдокима Захарова, призванного из юрт Новоселовых (ныне пос. Нялино Ханты-Мансийского района), вызвал интерес читателей многочисленными подробностями как деревенской жизни, так и армейской службы в начале XX века. К сожалению, при публикации текста не было возможности дать к нему комментарий, так как отыскание сведений — прежде всего о главных действующих лицах дневника — требовало времени. За прошедший после публикации год удалось кое-что найти, и теперь можно хотя бы частично ответить на некоторые вопросы, возникавшие при чтении. Основным источником информации были метрические книги Коневской Пророко-Ильинской церкви.

Юрты Новоселовы (другое название — Ахтоминские) в начале XX века имели смешанное хантыйско-русское население, насчитывавшее немногим более 100 человек, причем русские были не коренными самаровскими крестьянами, а переселенцами из южных волостей Тобольского уезда. В частности, фамилия Захаровы была распространена не только в близлежащих деревнях и селах — Змановской, Селиярово, Зенково, но и по Нижнему Иртышу — в Семейке, Слушке, Филинском. Любопытно, что метрическими книгами церкви соседнего с юртами Новоселовыми села Конева зафиксированы Захаровы из Новосельской и Уватской волостей Тобольского уезда. Это говорит о довольно интенсивном процессе переселения крестьян южных волостей уезда на север. Есть основание предполагать, что и название «Новоселовы» пришло оттуда же вместе с населением юрт.

В 1909 году в юртах была построена на средства населения церковь, приписанная к Коневскому приходу, а в 1911-м открылась церковная школа¹.

В Новоселовых в это время жили братья Никандр Семенович и Прокопий Семенович Захаровы, оба были приписаны к д. Змановской. Никандр в 1900 г. числился запасным рядовым. В апреле 1901 г. там же умер в возрасте 68 лет крестьянин Семен Захаров, вероятно, их отец. О братьях Захаровых совсем недавно удалось узнать кое-что из журнала «Югра». Выросший в этих местах Василий Дмитриевич Конев, известный своими краеведческими публикациями, писал, что у местного предпринимателя Андрея Федоровича Киселева служил Прокопий Семенович, «с которым молодой хозяин разъезжал на пароходе по объектам, контролируя производство. Прокопий Семенович составлял наряды, рассчитывал работников, относясь к своей службе внимательно и добросовестно. Его жена Мавра Романовна вначале была кухаркой в семье Киселевых, а потом в течение семи лет рыбачила стрезhevым неводом на Старой Оби. К числу семей среднего достатка можно было отнести семью Никандра Семеновича Захарова, которая держала много скота. Им помогал брат — Прокопий Семенович. Далее автор упоминает о том, что Прокопий Семенович был первым председателем организованного в юртах колхоза, и ему активно помогал племянник Евдоким Никандрович² — автор дневника.

У Никандра Семеновича и его жены Марии Ивановны была большая семья, в метрической книге Коневской церкви есть записи о рождении у них детей Августы, Николая, Калисфении, Анны; кроме того, там же записаны в качестве восприемниц их дочери Христина и Анисья. Евдоким был, очевидно, одним из старших.

Для читателя, сочувственно отнесшегося к «сердечным делам» новобранца, сообщаем скупые подробности об Ольге и Марфе, составивших вместе с Евдокимом «треугольник». Дочь тобольского мещанина девица Ольга Дмитриевна Слинкина, учительница Новоселовской школы, в сентябре 1913 г. стала

¹ Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. Тобольск, 1913. С. 21—22.

² Конев В. Юрты Нялино // Югра, 1996. № 2. С. 7—11.

крестной родившейся у Никандра Семеновича и Марии Ивановны дочери Августы. Марфа была женой крестьянина села Селиярова, а позднее — юрт Чебыковых Платона Дмитриевича Тверитина. В 1912 г. у них родилась дочь Евдокия, а 1 марта 1913 г. — Ираида. В этот день «треугольник» легко и светло окончательно распался: мать записала крестными дочери Евдокима Захарова и Ольгу Слинкину, тем самым как бы благословив их на супружество. 26 апреля 1917 года Марфа Васильевна Тверитина умерла в возрасте 29 лет от оспы.

Оглавление

Сидоров А. Напутствие читателю 3

ИЗ АРХИВА

Белобородов В. Вместо предисловия 6

Русанов И. Этнографический очерк Сургутского отделения
Березовского округа Тобольской губернии 7

Петрушин А. Без вести пропавший 57

БЫЛОЕ

Инцидент на Белоярской пристани 62

Не угодили (По рассказам старого казака Панкина
Андрея Ивановича) 72

ЗАБЫТЫЕ ЛИЦА

В родных пенатах под колпаком полиции 81

Иван Александрович Якушев 91

КРАЕВЕДЕНИЕ

- Белобородов В.* Об авторе и его работе 93
Клячкин В. Санитарный очерк г. Сургута
Тобольской губернии (по статистическим данным) 94
Цысь В. Сургутская потребительская кооперация
в период Западно-Сибирского
крестьянского восстания 121

РОДНОЕ

- Федулов А.* Семейный архив: продолжение следует 128
«Верь и крепко надейся, что я вернусь цел и невредим» 151
Животиков Б. О моем отце 151
Письма директора Сургутской средней школы
П.К. Животикова 1941–1945 гг. 154
Белобородов В. Послесловие 188
Белобородов В. Слово, подаренное детством
(Фразеологизмы в речи сургутян в 1940–1950-е годы) ... 193
Конев Ю. «Где-то есть город...»: Вспоминаю о покинутом
отчем доме, о сургутских родственниках и друзьях,
о своих проделках и выдумках 218

ДРЕВНОСТИ

- Шатунова А.* Песнь, идущая из глубин веков 191

СООБЩЕНИЕ

- Выставка-ярмарка «Югорский книжный мир» 227
Волженина С. История Сургутской выставки 228
Третья выставка-ярмарка. Интрига 228
Тенденции 229
Пуртова Т. Взгляд библиотекаря 231
Мандрика Ю. Взгляд книгоиздателя 232

ПОСТСКРИПТУМ

- «Солдатушки, бравы ребятушки...» 236

ПОДОРОЖНИК
Краеведческий альманах
Вып. 4

Редактор-составитель В.К. Белобородов

Книга изготовлена по заказу
Департамента культуры и искусства
Ханты-Мансийского автономного округа —
(директор А.В. КОНЕВ)

Операторы ПЭВМ Д. Никифоров, Ю. Никифорова
и Н. Нохрина
Корректор М. Дистанова
Дизайнер (обложка) В. Дыба-младший

Подписано в печать 22.03.2004 г.
Формат 60x84/16. Гарнитура «Times ET».
Печать офсетная. Бумага офсетная №1.
Усл.-печ. л. 13,95 + ил. 0,46. Заказ №770.
Тираж 1400 (1-й завод — 300).

ООО «Издательство Юрия Мандрики»
Лицензия ИД №06344 от 28.11.01 г.

Адрес для переписки: 625003, г. Тюмень, а/я 501.
Тел. (345-2) 25-12-84.
e-mail: mandrika@tmn.ru
<http://www.tmn.ru/~mandrika>

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГИПП «Зауралье».
640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.

X

421522004
Окружная библиотека

